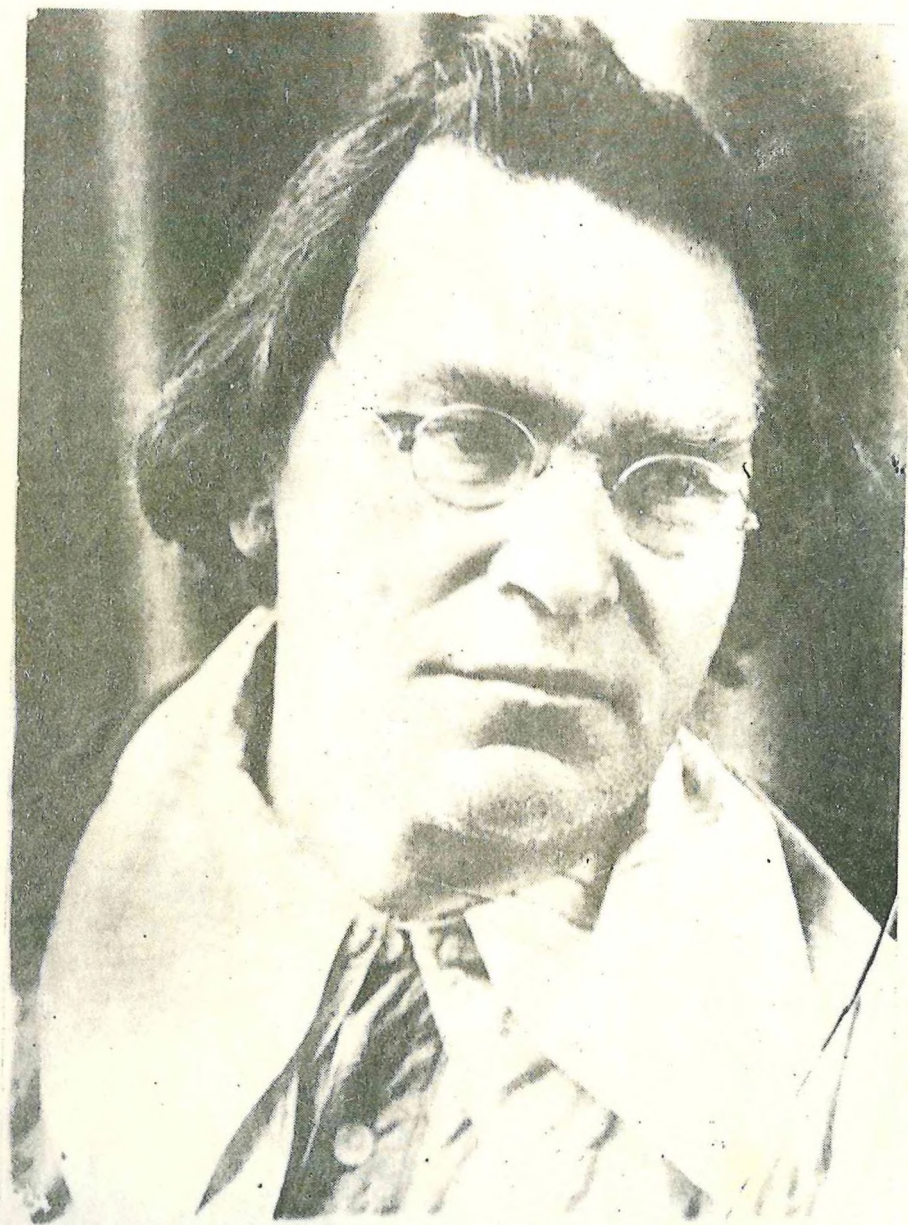

А. В. АНОХИН

Историческая библиотека «Ак Чечен»

МАТЕРИАЛЫ
К
ИСТОРИИ
ЧЕЧЕНСКОГО
ОБЛАСТА

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 г.
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924.

Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Российской
Академии Наук. Том IV, 2.

Publications du Musée d'Anthropologie et d'Ethnographie de l'Académie des Sciences
de Russie. Volume IV, 2.

А. В. Анохин.

МАТЕРИАЛЫ
по
ШАМАНСТВУ У АЛТАЙЦЕВ,

собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг.
по поручению Русского Комитета для изучения
Средней и Восточной Азии.

С предисловием С. Е. Малова.

(ПРЕДСТАВЛЕНО В ЗАСЕДАНИИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК
16 января 1913 года).

ББК
86.31
А 697

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук.
Ноябрь 1924 г.

Непременный Секретарь, академик С. Ольденбург.

А. В. АНОХИН

А 697 *Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск.
«Ак Чечек». 1994 г.*

Репритное издание. А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. (Собранные во время путешествия по Алтаю 1910—1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Предисл. С. Е. Малова. — Л., 1924. — 152 с.

Монография известного этнографа, композитора А. В. Анохина (1869—1931) «Материалы по шаманству у алтайцев» со времени публикации и по сей день осталась наиболее обширным и обстоятельным собранием шаманских мистерий.

Научная статья ученого, знатока этнографии алтайцев Л. П. Потапова «Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев» и послесловие поэта, историка Б. Я. Бедюрова «Избранник духов» вызовет у читателей несомненный интерес.

Начато набором в 1914 г. — Окончено печатанием в ноябре 1924 г.

Издательство Российской Академии Наук.

ISBN 5-7405-0591-7

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ АНОХИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ШАМАНСТВА У АЛТАЙЦЕВ

Имя А. В. Анохина как исследователя шаманизма у алтайцев и телеутов хорошо известно в мировой тюркологической и этнографической литературе. Пожалуй, нет ни одного большого труда, посвященного шаманизму вообще, а тем более шаманизму сибирских народов, в котором не упоминалась бы книга А. В. Анохина под названием «Материалы по шаманству у алтайцев»¹. Она была издана в 1924 году Российской Академией наук. Эта работа остается непревзойденной по количеству полевых записей и переводов на русский язык шаманских текстов, произносившихся, а точнее — исполнявшихся, тем или иным шаманом во время камлания. Тексты представляют собой призывания или обращения камов к божествам и духам, которым они камляли. Заметим, что такие квалифицированные предшественники А. В. Анохина, какими были В. В. Радлов и В. И. Вербицкий, не смогли издать такого рода материалов, собранных ими лично среди алтайцев, на таком научном уровне, как это сделано А. В. Анохиным. В. В. Радлов издал шаманские тексты в переводе на немецкий язык, без опубликования текста на алтайском языке. В. Вербицкий напечатал алтайский текст своих записей (камлания), но без перевода на русский язык. Затем в книге А. В. Анохина, в первый, и последний раз, даны родословные многих алтайских шаманов. В последний раз потому, что настоящие потомственные шаманы исчезли полностью и навсегда. Вследствие этого данный материал стал уникальным. Отмеченные материалы, собранные А. В. Анохиным, как показывают исследования современных советских ученых, представляют собой большую источниковедческую ценность для изучения этногенеза и этнической истории тюркских и даже монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири, для изучения традиционной культуры этих народов. Дело в том, что алтайский (в широком смысле) шаманизм представляет собой естественно сложившуюся, а не созданную каким-либо вероучителем, религию, прослеживавшуюся по древним письменным (преимущественно китайским) источникам с гуннского времени (III век до н. э. — I век н. э.), а по археологическим материалам еще более раннего периода. Дошедший до нашего столетия алтайский шаманизм, несмотря на отсутствие у него письменных священных книг, сохранил в себе обильные конкретные факты, облеченные в символическую ритуальную форму и религиозную терминологию, которые убедительно свидетельствуют о древних этногенетических и историко-культурных связях многих тюркоязычных и многоязычных народов древности с современными.

Опубликованные записи А. В. Анохина имеют большое научное значение. Они уникальны, так как с исчезновением шаманизма как религии, они уже не повторятся и останутся единственным памятником таких

текстов. Вопреки примитивным, обывательским взглядам, что такого рода данные являются бессмыслицей, какой-то чертовщиной и шарлатанством, и заслуживают лишь отрицательного отношения, напротив, необходимо подчеркнуть их высокую источниковедческую историко-этнографическую ценность. Шаманы, хотя и не осознавая этого, а в силу только традиции, донесли до нашего столетия древние народные религиозные представления, в которых содержатся важные исторические свидетельства о далеком прошлом алтайских народов. На материале сравнительного изучения таких свидетельств стало возможным выявить и доказать древние историко-культурные и этнографические связи, например, между телеутами и якутами или между среднеазиатскими тюркскими народами и частью кумандинцев³. Прослежены также связи между древними тюрками и алтайцами, а также хакасами⁴. Исследованы такого рода связи с древними уйгурами⁵. Во всех этих работах был использован наряду с другими источниками и материал по шаманству у алтайцев А. В. Анохина. Надо заметить, что интерес к вопросу историко-культурных связей народов алтайской языковой общности принял в настоящее время международный характер. В 1954 году на XXIII Международном конгрессе в Кембридже была организована секция под названием «Алтайские исследования», которая превратилась в Постоянную международную Алтаистическую конференцию.

Таким образом, рассматриваемая книга А. В. Анохина, несмотря на ее описательный характер, вошла в золотой фонд нашей этнографической литературы, посвященной изучению алтайского шаманизма, а ее автора вполне заслуженно можно назвать основателем такого изучения. В этой связи уместно сказать и о том, что появлению на свет и успеху этой монографии во многом способствовала Академия Наук нашей страны. Рукопись книги была представлена А. В. Анохиным еще до империалистической войны 1914 года в Российскую Академию Наук непосредственно знаменитому тюркологу, академику В. В. Радлову. Объясняется это тем, что А. В. Анохин собирал материал по шаманству у алтайцев в период 1910—1912 гг. по поручению «Российского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», который возглавлялся академиком В. В. Радловым⁷. Рукопись была просмотрена лично В. В. Радловым и его многолетним сотрудником Л. Я. Штернбергом, который, по словам С. Ф. Ольденбурга, был «верным другом» до самой смерти В. В. Радлова. Работа была одобрена и принята для напечатания на заседании Историко-филологического отделения Академии Наук в январе 1913 года. В подготовке рукописи к печати принимали участие такие видные ученые, как Э. К. Пекарский, взявший на себя труд сделать транскрипцию алтайских текстов под руководством В. В. Радлова, в соответствии с его системой. Рисунки по наброскам автора, а частично по указанию А. В. Анохина, с предметов, хранящихся в Музее, сделал художник и исследователь искусства народов Средней Азии С. М. Дудин, А. Н. Самойлович, Н. Н. Поппе и другие

внесли в работу некоторые поправки, а для просмотра и редактирования алтайских текстов во время печатания книги был приглашен С. Е. Малов. Когда рукопись была уже сверстана, ее просмотрел академик В. В. Бартольд.

Отсюда видно, какое серьезное значение изучению алтайского шаманства придавалось в Академии Наук, какое деятельное участие в подготовке к печати труда А. В. Анохина принимали лучшие представители русского востоковедения того времени. К этому можно добавить еще и тот факт, что руководство полевой работой по изучению шаманства алтайцев в значительной мере осуществлял Г. Н. Потанин, имевший к тому времени хороший опыт полевой работы на Алтае, в том числе и по шаманству, во время его известного путешествия по Монголии и Алтаю в 1879 году, результатом которого стал его известный 4-томный труд «Очерки Северо-Западной Монголии». А. В. Анохин, как и Г. Н. Потанин, жил в Томске, откуда и совершал свои поездки по Алтаю. В Томске он сблизился с Г. Н. Потаниным, который внимательно следил за полевой работой А. В. Анохина, всячески ей содействуя. Г. Н. Потанин, будучи членом-сотрудником Географического общества, как известно, собрал для этого музея некоторые коллекции. В 1912 году, когда в Петербурге широко отмечался 75-летний юбилей дня рождения В. В. Радлова на самом высоком уровне, занимавшего тогда, вплоть до самой смерти (1918 год) пост директора Музея Антропологии и Этнографии имени Петра Великого При Всероссийской Академии, в печатный отчет об этом была включена поздравительная телеграмма (на алтайском языке) из Томска, подписанная Г. Н. Потаниным и А. В. Анохиным⁸.

Хорошо подготовленный труд А. В. Анохина «Материалы по шаманству у алтайцев», основанный исключительно на полевых наблюдениях и записях автора, относится к алтайцам, населявшим в то время бассейн нижнего течения Катунь. Но он стал основой и опорой для расширения изучения алтайцев остальных районов Горного Алтая, а также шаманистов северных склонов Кузнецкого Алатау, развернувшегося уже с первых лет установления Советской власти, изучения, сомкнувшего конкретный материал с научно-теоретическим подходом исследований на базе исторического материала, сравнительного и комплексного метода, на фоне общего исторического процесса протекавшего в восточной части Центральной Азии и Южной Сибири. Одним из важных результатов такого изучения является квалификация алтайского шаманизма, как одной из форм религии. Этот результат имеет определенное практическое значение. Стало ясно, что ошибочно считать шаманизм у алтайцев за одну из особенностей их национальной культуры. Шаманизм у алтайцев, также как и у тувинцев, хакасов, бурят и якутов, был лишь конфессиональным элементом их традиционной культуры, свойственным и другим народам как тюркоязычным, так и монголоязычным, Эта религия уже существо-

вала в государстве древних тюрков (VI—VIII вв.), осознавалась ими как религия и оберегалась каганской верхушкой от влияния буддизма, даосизма, как религий, не соответствующих кочевому образу жизни тюрков.

Конечно, данный труд А. В. Анохина не лишен и некоторых недостатков. Например, в нем говорится о шаманизме однозначно для всех алтайцев, в то время, как здесь была часть телеутов, переселившихся из бывшего Кузнецкого уезда, кумандинцев и часть тубаларов. Имеется некоторая неточность в переводе отдельных фраз, слов, образов в шаманских текстах. А. В. Анохин, вероятно, не знал, что тот же шаманский бубен во время камлания, именовался камами не «түнгүр», а «ак-адан». Последнее слово, кажется, не без помощи редактора текстов переведено как «белый твой отец», а на самом деле оно значит «священный верблюд», как называли бубен камы во время камлания, имея в виду, что бубен символизирует ездовое верховое животное шамана⁹. Такого рода мелкие недочеты и погрешности давно уже устранены в работах других последующих авторов и никак не могут повлиять на высокое, прежде всего, научно-источниковедческое значение этой книги. Кстати сказать, сам А. В. Анохин то и дело проверял на месте и подправлял некоторые переводы текста, напечатанные в книге, чему я был свидетелем в течение ряда моих летних поездок к алтайцам, которые я большей частью проводил в обществе Андрея Викторовича.

Из печатных работ А. В. Анохина, посвященных изучению шаманства, имеется еще одна в виде большой статьи, под названием «Душа и ее свойства по представлению телеутов»¹⁰. Данная работа была написана, главным образом, по сведениям, полученным автором от телеутского кама Канакая (1912 год) из сеока јутты. От названного шамана (русское имя Николай Алексеевич Чолухоев) А. В. Анохин получил для Музея Антропологии и Этнографии его бубен (коллекция № 2014—1), который передал в Музей вместе с бубном шаманки Пөдөк (Федосья Тыдыкова), зарегистрированным также в коллекции № 2014. В систематизации материала А. В. Анохину помогал учитель-телеут Г. М. Токмашев (переводчик эпоса Көгүтей) и родственник Канакая Р. Хлопатин¹¹.

Интересовала А. В. Анохина и новая «белая вера», появившаяся у алтайцев в период 1904—1905 гг., получившая название в литературе бурханизм. Поскольку эта тема исследований А. В. Анохина выходит за пределы задачи, поставленной в настоящей статье, я замечу только, что А. В. Анохин первым из исследователей обратил внимание на прямую связь появления бурханизма у алтайцев Центрального и Юго-Западного Алтая с состоянием земельного вопроса в свете проводимой здесь колониальной политики царизма¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вышла в серии «Сборник Музея Антропологии и Этнографии», Т. IV, вып. 2.
2. Назову для примера книги: Уно Харва «Религиозные представления алтайских народов», Хельсинки, 1938 (на немецком языке); Мирча Элиаде «Шаманизм и архаическая техника экстаза», Париж, 1951, (на французском языке); Лондон, 1964 (на английском языке); Штутгарт, 1957 (на немецком языке); Анна-Леена Сиикала «Ритуальная техника сибирского шамана», Хельсинки, 1978 (на английском языке) и другие.
3. См. об этом: Потапов Л. П. «Исторические связи алтае-сайанских народов с якутами». «Советская Этнография», 1978, № 5; Его же: «Из этнической истории кумандинцев». — В сб. «История, археология и этнография Средней Азии»: Сатлаев Ф. А. «Кумандинцы». Горно-Алтайск, 1974.
4. Потапов Л. П. «К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства»; Его же: «Древнетюркские черты почитания неба у сяно-алтайских народов». — Обе работы в сб. «Этнография народов Алтая и Западной Сибири», Новосибирск, 1978.
5. Потапов Л. П. «Древние уйгурские элементы в традиционной культуре алтае-сайанских народов». — В кн. «Вопросы этнографии Хакасии». Абакан. 1982.
6. См. тезисы докладов 29 сессии Постоянной международной алтаистической конференции. Ташкент, сентябрь 1986; Москва, 1986.
7. Кроме шаманства, А. В. Анохин имел поручение собирать материал по фольклору тюркских народностей. Им были сделаны записи по музыкальному фольклору алтайцев, тувинцев, которые хранятся ныне в Пушкинском доме Академии Наук в Ленинграде.
8. См. брошюру «75-летний юбилей дня рождения академика Василия Васильевича Радлова», 1837 — 5 января 1912 г., С.-Петербург, 1912, с. 28.
9. См. мою работу «К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая». «Советская тюркология», 1970, № 6.
10. См. МАЭ, Т. 8, Л., 1929.
11. Роман Алексеевич Хлопатын сообщил в 1931 году Н. П. Дыренковой тексты камлания по поводу изготовления и показа божеству нового бубна шамана, опубликованные в ее работе «Материалы по шаманству у телеутов». — Сб. МАЭ. Т. X., Л., 949.
12. Анохин А. В. Бурханизм в Западном Алтае. «Сибирские огни», 1927, № 5.
(Сборник «Алтайский фольклор и литература». Горно-Алтайск, 1987 г.). Печатается с незначительным сокращением.

ИЗБРАННИК ДУХОВ

или размышления постсоветской поры
о духовной реанимации Алтая

Так получилось, что анохинские «Материалы по шаманству у алтайцев» оказались последней, прижизненной, так сказать, публикацией текстов призываний и обращений к божествам и духам еще действующего в ту пору шаманства. Шаманизм, крепко-накрепко обхваченный с разных концов православным христианством и алтайским буддизмом, как идеология и религиозная практика сохранялся к этому времени только по среднему течению реки Катунь и ее притокам на стыке горно-степного Алтая и черневой тайги — Аба-йыш, в зоне этнокультурных контактов скотоводов и охотников, по большому счету — Центральной Азии и Сибири. Потому-то он вовсе неслучайно уцелел именно тут, в своем гнездовье и эпицентре с давних пор, на территории сердцевинной части Алтая, правда, ужавшейся до узколокальных размеров. Рядом грозно и неодолимо, казалось, высился Чемальский стан православной духовной миссии, победоносно распространяющей свое влияние среди «черневых татар» и северных теленгитов, а в центральной и западной частях нынешнего географического понятия «Горный Алтай» уже с начала века потухли языческие кострища и умолкли шаманские бубны.

К обозначенному этнографическому времени эта древняя религия тюрков Алтая прошла сложный, многовековой путь развития от классической эпохи хуннов и тюрков, и даже ранее, встречаясь и выдерживая век за веком натиски великих учений Востока — конфуцианства и даосизма, манихейства и буддизма, зороастризма, несторианства и мусульманства.

«Материалы по шаманству у алтайцев» А. В. Анохина со времени публикации и по сей день остались наиболее обширным и обстоятельным собранием шаманских мистерий по сравнению со всеми предыдущими изданиями. Этот ныне всемирно известный труд, по степени и значимости поистине классический труд, был издан в количестве всего лишь 600 экземпляров как очередной сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук и с тех пор на протяжении семидесяти лет не переиздавался. И за все это время не было, пожалуй, ни одного специалиста по религиоведению, а по шаманизму у сибирских народов в особенности, включая исследователей по смежным дисциплинам, кто так или иначе не ссылаясь бы или не черпал из собрания материалов А. В. Анохина, этого регента, преподавателя пения и музыкальных дисциплин, не обладавшего никакими учеными степенями и званиями — настолько значителен по первозданному качеству и объему, а также по научной уникальности собранный и освоенный им материал. Хотя эта

работа А. В. Анохиным была подготовлена к изданию по «горячим следам», непосредственно по результатам путешествий по Алтаю в 1910—1912 годах еще в то, довоенное, дореволюционное время и просмотрена и одобрена такими корифеями по сибирскому шаманизму как В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг, печатание возобновилось только десять лет спустя, после того как миновали бури и грозы. В завершении работы принял самое деятельное участие талантливый ученик и соратник В. В. Радлова, выдающийся русский тюрколог С. Е. Малов. В сверстанном виде работу просмотрел и одобрил академик В. В. Бартольд.

И еще получилось так, что «Материалы по шаманству у алтайцев» остались, как это видим теперь, к великому сожалению, венцом письменной фиксации драгоценных памятников духовного наследия алтайского народа. Все трагически оборвалось. Дело в том, что помимо ожесточенных гонений на религиозной почве со стороны ортодоксальной буддийской церкви «гэлукпа» в Джунгарии «во времена Ойрот-ханства» и с начала водворения на Алтае в 1830 году православной духовной миссии со стороны христианства, шаманизм, точнее его остатки, получил — наряду и одновременно со своими гонителями — ровно сто лет спустя! — сокрушительный большевистский удар. Удар, искоренивший шаманизм вчистую, поскольку был нанесен всей мощью государственно-политического аппарата, осуществлявшего путем «диктатуры пролетариата» великое социалистическое переустройство на одной шестой части суши. 1930-й оказался роковым годом, оборвавшим естественное течение алтайской духовной жизни. После этого внутреннее саморазвитие Алтая подверглось длительной мутации. Наступил период насильственной обскурации. На протяжении всего полного цикла в 60 лет по лунному календарю, пока вновь не замкнулся круг, мы могли говорить и писать о нашей религии, в частности о шаманизме, не иначе как в рамках конкретной идеологии и не более, как в порядке научно-этнографического изучения. Местные власти Ойротии в том году, по всей видимости, не без подачи научной obsługi из столичных центров, пошли на репрессивные меры, путем директивных распоряжений запретив любые проявления религиозно-культурной практики. Запретами на религиозную деятельность дело не ограничилось, всех служителей культа вместе с ликвидацией байства и кулачества как эксплуататорского класса сослали, кого в казахские степи, кого на север, в нарымские топи и болота.

Поразительный факт! Вслед за камами и ярлыкчы, помимо воли расставшихся с родным Алтаем, неожиданно и скоропостижно покинул белый свет и сам А. В. Анохин, обвиненный в свое время в вероотступничестве и объявленный «апостолом идолопоклонства». Случилось это 31 августа 1931 года. Непосредственно перед кончиной он, по обыкновению своему, искупался в куйумской речке. Видимо, произошел резкий перепад температуры тела, вследствие переохладения сосуды сузились, ему стало как-то необыкновенно холодно после купания, отчего он попросил выпить немного, но не помогло, и, упав, больше не поднялся. Разумеется, это внешние, физические причины его быстрой кончины. Сегодня, пожалуй,

уместнее было бы констатировать, что духи взяли его к себе. Прекращение насильственным образом биения духовной жизни Алтая закономерным образом повлекло за собой остановку и его неумного, горячего сердца, не так ли? Вот так, искоренили, изничтожили шаманизм вкупе с бурханизмом и православием, но что потом мы получили взамен, кроме духовного оскудения и нравственной деградации всего общества?

А ныне — просто душевный вакуум, стремительно заполняемый всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами зла, невежества и порока. Да, воинствующие атеисты не знали и не понимали, к сожалению, тех вещей, что выходили за пределы их обыденных представлений о мироустройстве человека, то есть шамана — носителя и хранителя знаний о духах. Физически можно уничтожить, только вот духи — на то и духи, что неизничтожимы они человеком и воздействием, обычным для людей, никак не поддаются. Их можно в таком разе объявить — для утешения самих себя — несуществующими, и все, поскольку ограниченному сознанию и органам чувств людей во плоти они не подвластны, следовательно, не объяснимы. Только человеческому сообществу легче от этого вряд ли стало, разве что приумножились беды и страдания.

И вот еще какое обстоятельство следует иметь в виду, памятуя о кончине А. В. Анохина. «В 1930 году экспедиция московских этнографов, руководимая С. А. Токаревым, встретила с Андреем Викторовичем в с. Куйум. Растроганный встречей с коллегами, он, как вспоминал С. А. Токарев, устроил в их честь байрам-праздник, много играл на пианино и пел, — пишет Н. И. Шатинова. — Договорились встретиться еще раз в следующий приезд московских этнографов: «Следующего раза» не состоялось. Это был тот самый год решительного искоренения «докапиталистических пережитков в Ойротии». Но как раз вслед за этим А. В. Анохина не стало...

Так, значит, все погребло и все было попусту? Нет, к счастью, наступили дни, когда период духовного беспамьтства, облаченного в наукообразные одеяния, период темного безбожного поветрия бесповоротно завершается, оставляя за собой страшный век потрясений и испытаний для светлоликих людей и народов. И вновь становится неизбежным и необходимым божественный свет и нравственный катарсис для тех, кто осознал и ощутил в себе веру и совесть. Как бы жестоки не были гонения на веру в предшествующее время и каким бы мучительным ни был ныне процесс внутреннего самоочищения, в обществе зреет и крепнет понимание того, что Божья истина неодолима, и если, бывало, как это видим уже по истории нашего советского периода, нарушался естественный ход вещей, то все же постепенно, в свой черед все становится на свои места в полном соответствии с законами диалектики, кармы и причинно-следственной связи.

Фанатизм всегда безбожен, даже если рядится в тоги тех или иных религий. Он всегда невежествен, даже если облачается в формы самых модных научно-философских учений. Мы уже стали умнее на целый век, поскольку имели возможность и увидеть, и сравнить великое множество

их только в одном этом столетии, не говоря об опыте других эпох и цивилизаций.

Фанатизм всегда нетерпим. К инакомыслию. К иноверию. К непохожему укладу и обычаю, другому, чем у него, складу и строю души. Не говоря о другом общественно-политическом строе и социально-экономической формации. Наше время показало со всей очевидностью и беспощадной прямоотой и этот примечательный факт. То, что мы знали по теории и предполагали не долженствующим приключиться с нами самими или на нашем веку, то вдруг лавиной и неотвратимо обрушивается на нас, заставляя нас и прозревать, и прорасти стремительнее к вселенской всеобщей истине. Как замечательно, когда низвергаются ереси и рушатся утопии!

Фанатизм — это нетерпимость, прежде всего к Истине. К объективной реальности. А она, Истина Божия, не может быть только лишь двухцветной — черной или белой. Истина — это не только Добро и Зло. Истина охватывает одновременно и то, и это, и еще Нечто большее, что не вполне доступно, нам и Нечто такое, что находится за физическими пределами нашего восприятия и нашего, весьма ограниченного, надо признать, по своим пространственно-временным параметрам, сознания.

Что есть, вообще говоря, проявления или откровения Духа Алтая? Каким образом, если не по тому же божественному промыслу, постигается нами то, что непостижимо вовне? Это что — поэзия, искусство, философия, путешествие, или это все вместе и одновременно. Какая связь — прямая и опосредованная — Неба, Земли, Человека? Эманации духа, излучения мысли, проистекания слова. В виде молитв, обращений, заклинаний и призываний. Соединение, стыки и швы сочленения миров — внутренних и внешних. Золотая Гора. Золотой Кол. Златой Престол. Хан-Алтай. Белые и синие небеса. Сферы и слои. Десятью девять миров. И наш мир, наша земля, наш Алтай. Как земля. Как родина. Как дух-божество. Истина — это Алтай. Истина — это Совесть. Без нее человеку недоступно постижение мира духов.

Ну не парадокс ли, духи сохранены и сбережены. Нам известны их имена, их функции и предназначение. Мы можем вновь обратиться к ним по имени и величю. Нет ли тут некоего противоречия с точки зрения человеческой логики? Как так получалось, что вопреки сопротивлению и противодействию они тем не менее заносились на бумагу, записывались, ложились в зримые и доступные строчки и ряды, следовательно, фиксировались в основном как раз своими антиподами и принципиальными оппонентами шаманской идеологии? Правда, за 60 лет, миновавших с той поры, — всего лишь за одну фазу, один цикл, — мы превратились неким образом в обычных людей, таких, которые лишены коммуникативных свойств души, обеспечивавших нашим предкам желаемые контакты как с духами родной земли, вол, небес, так и со своими тѣсами — духами предков, обеспечивавших по надобности и доброй воле своей обережение и защиту, мир и благополучие, здоровье и благодать.

Если существуют закономерности подобного перерождения, следова-

тельно имеются и пути преодоления и преображения, существуют возможности выхода из духовного анабиоза.

Весьма показательны жизнь и судьба Анохина. Его феномен.

И впрямь, по прошествии столь длительного времени после вечного упокоения в Куйумской долине, с полным основанием его можно назвать настоящим избранником духов, которые доверили ему поведать людям о себе на их, доступном им самим, языке. Вся его внешне неустроенная жизнь, которая в личном плане порушилась, изломалась, его необычайно скорое сродство с этнографическим бытом и природой Алтая, особенная дружба с алтайцами-шаманистами, а более всего его научно-исследовательская, музыкально-поэтическая деятельность изобличают в нем не просто ученого-этнографа, а настоящего кама-интеллектуала, который и мог по-настоящему, изнутри, постичь сокровенную суть того феномена, что именуясь шаманизмом, на самом деле представляет собой удивительно целостный, дуалистический, в то же время многомерный и многогранный религиозно-духовный комплекс мировосприятия. Вот почему труды А. В. Анохина по алтайскому шаманизму имеют столь непреходящее значение. Светила русской тюркологии, востоковедения, этнографии и фольклористики давно и достойно их оценили. Конечно, счастлив тот, кто удостоивается при жизни похвалы и признания современников. Особенно, когда речь идет о науке, творчестве и искусстве. Но еще важнее для художника и творца, исследователя и ученого, когда его имя и труды будут возвышать и укреплять дух благодарных потомков. Столь высокой награды удостоивается только тот, кто еще при жизни осознает свое дело и призвание — без языческой гордыни — как служение Богу, ибо только Он — истинный судия человека во всем и только Время выносит настоящую оценку трудам человека. Именно в этом, высшем смысле, А. В. Анохин воистину счастлив.

Да, его подвижнический труд давно признан Алтаем и его общественностью. И нет никакого смысла повторяться в похвальных оценках. подчеркну только, что на новом этапе необходимо глубинное осмысление и освоение его огромного культурно-духовного наследия. Мы еще не открыли его для себя. Еще предстоит его настоящее возвращение в алтайскую национальную культуру. Мы еще находимся пока на дальних подступах к действительному погружению и познанию основ собственной духовности. А тут и риск большой — пока подступаемся, пока раскачиваемся, как бы не смыло всех нас серой и мутной волной бездуховности и антикультуры общества потребления и накопления.

На протяжении двух столетий собирался и накапливался конкретный материал по алтайскому шаманизму. В записках путешественников, рассказах и воспоминаниях очевидцев, изысканиях ученых — по крупицам и фрагментам, капля за каплей и поколение за поколением — откладывались необходимые знания. Анохинским «Материалам по шаманству у алтайцев» предшествовали три наиболее крупные публикации шаманских мистерий — у В. И. Вербицкого в «Алтайских инородцах», В. В. Радлова

в книге «Из Сибири. Страницы дневника» (глава VI. «Шаманство и его культ»), Г. Н. Потанина в «Очерках Северо-Западной Монголии». Каждая из них отражала, естественно, не только взгляды и позиции автора и собирателя по данной теме, но и представляла собой определенную сводку знаний и представлений о предмете на данный момент.

Помимо них следует назвать труды таких деятелей Алтайской духовной миссии, как Ст. Ландышев, М. В. Чевалков, В. Постников, К. Соколов и других. Немаловажные сведения содержатся в конкретных работах Н. М. Ядринцева, А. В. Адрианова, И. М. Штыгашева, Н. Ф. Катанова, С. Д. Майнагашева, Н. Я. Никифорова, Г. И. Чорос-Гуркина, других исследователей дооктябрьского периода. Значителен и весом вклад в изучение и сбор материалов по алтайскому шаманизму ученых советского времени — Л. Е. Каруновской, Н. П. Дыренковой, Д. К. Зеленина, Г. В. Ксенофонтова, Н. А. Баскакова, С. А. Токарева, С. Г. Кляшторного, И. В. Стеблевой, В. П. Дьяконовой, Н. А. Алексеева, А. М. Сагалаева и многих других — всех не упомянуть и не перечесать. Собственно говоря, такая задача и не ставится. Важно очертить этапы собирания и изучения, наметить ступени освоения и осмысления.

Полвека жизни посвятил последовательному изучению алтайского шаманизма Л. П. Потапов, завершив этот длительный и напряженный отрезок научной деятельности изданием капитального труда «Алтайский шаманизм». В монографии дана, наконец, точнейшая оценка этой классической религии предков алтайского народа как религии, сложившейся естественным путем — без всякого вероучителя и основателя — в ходе длительного исторического развития. «Алтайский шаманизм» Л. П. Потапова также замкнул и суммировал в себе уровень и комплекс знаний научного изучения алтайского шаманизма за советский период.

Таким образом, подытожим то, что мы имеем на сегодняшний день, когда в связи со 125-летием со дня рождения А. В. Анохина предпринимается первое за семьдесят лет переиздание основного источниковедческого труда по алтайскому шаманизму. И поразмыслим, только ли памятная дата вызвала у нас необходимость обращения к шаманизму как к определенной, но все же уже пройденной нашим народом духовной ступени развития?..

Письменная фиксация основных догматов и канонов алтайского шаманизма в виде текстов-памятников была завершена уже в самом начале советского периода. Затем, истекший уже, данный период в отношении алтайского шаманизма был характерен в основном историко-этнографическим, фольклорно-текстологическим изучением. Вследствие крайне политизированных ограничений не могло идти и речи об изучении всерьез с основательных духовно-философских позиций. Правда, завершился этот далеко неоднозначный, противоречивый период важнейшим признанием Л. П. Потаповым шаманизма как самобытной и цельной религии. Вместе с тем он все же особо оговаривает, что культовая практика шаманизма исчезла на Алтае навсегда с уничтожением в 30-е годы рода-племени настоящих шаманов.

Но так ли это? Не преподнесет ли время новые сюрпризы, как это случалось нередко, на рубеже веков и тысячелетий, на стыке культур и цивилизаций? История Алтая знает немало примеров того, как после жесточайших гонений и религиозно-философских противоборств алтайская духовность неоднократно возрождалась, и, если даже ее традиции временно пересекались, то подобно огню лесному, загнанному вглубь, но не совсем потушенному, по системе подземных узлов и корневищ, разгораясь, вспыхивала вновь и вырывалась на поверхность. Вспомним, кто бы мог ровно сто лет тому назад даже робко предположить, когда по лучшим долинам Алтая, отторгая лучшие уголья земли, изгоняя бедных кочевников-шаманистов с родной земли вверх и в стороны, в холодные каменистые ущелья и дикие неудобия, тесные для скота и стойбищ, шумно валил нахрапистый торгово-ростовщический капитал, благословляемый властями и церковью, что Дух Алтая ответит на это рождением новой и сильной религии, собравшей и сплотившей воедино, а значит, волю к жизни своих сыновей и дочерей! Подумаем, не подступает ли вновь такое лихолетье и готовы ли мы ответить на вызов времени...

Одно несомненно: Алтай — на духовном распутье, как и век назад. Возвратимся ли назад, к истокам, а точнее, шлепнемся ли в аборигеннотуземную грязь под улюлюканье новых, торжествующих хамов и хапуг или же воспрянем и возвысимся, чтобы предстать перед всем миром малым да удалым батыром? Пожалуй, когда подступает вновь всеобщий кризис системного порядка, нам крайне необходимо незамедлительное обновление, иначе говоря, духовное преображение. Или тлеть, идя к неизбежной гибели и угасанию посреди беснующегося мрака и клокочущего Зла, терзающего и кромсающего на наших глазах огромное тело страны, ставшей жертвой злых духов, порожденных ее несбыточными иллюзиями и призрачной мечтой, или принять вызов и выстоять, подобно былинке-травинке под напором лютого ветра, ее ведь можно и пригнуть, и выпрямить, но невозможно уничтожить, убить.

Алтай — посреди бушующего Океана. Яснее ясного.

Поскольку нет и не бывает абстрактных, так называемых «общечеловеческих» ценностей, то их пытается нам всучить в красивой упаковке ловкая пропаганда по части ловли слабых человеческих душ. Подобное надувательство не вновь. Да, общечеловеческие ценности, безусловно существуют, но только как комплекс, складываясь в сокровищнице всего наилучшего и ценностного, что накапливается постепенно, из века в век как проявления или откровения национальных культур и идеологий, образа жизни, мировосприятия и самоидентификации различных народов и стран. А без такого признания какие или чьи это «ценности»? Марсианские? Внеземных цивилизаций?

Вот почему именно на данном, крайне извилистом и рискованном этапе, на исходе века нынешнего и развилке путей в очередное тысячелетие, нам столь настоятельно требуется скорейшее погружение в глубины своего природного и духовного наследия, правильное переосмысление национальных начал в связи с необходимостью великого духовного ком-

промисса в современном мире, пока человечество в своем космическом и все ускоряющемся витке развития разворачивается в познании законов ноосферы к изначальной именованной не столь давно уничтожительно-скромно — «ранней») религии как философии природы, за которой скрывается некое Высокое Знание, чьи отголоски уловимы в культурах и мифологиях не только Древнего Египта и Древней Индии, но и у народов Алтая, Сибири, Индейской Америки.

Это же древнее, загадочное Знание словно объемлет собою и все мировые религии, как бы они ни отличались друг от друга формально-обрядовой стороной. Высокомерно попираемый и теснимый ими шаманизм, будь он алтайский или американский, арктический или африканский, как раз откровенно предполагает существование некогда, предшествующего нашему и погибшему по своему неразумению человечества, и признает также наличие других миров — «верхних и нижних», находящихся не только за пределами видимого, земного Неба, но и в других измерениях и плоскостях. Только Знание это словно закодировано в своеобразной символике, зашифровано в малопонятой, буквально переводимой лексике, намеках и недомолвках, во всем том, что должно разумеаться, подразумеваться, но ни в коем случае не должно быть произносимо вслух. Многое и очень значительное сокрыто за позднейшими напластованиями и привнесениями со стороны, зачастую случайными, наносными. Разумеется, наука, основанная на материалистической философии, логике и фактах, едва ли способна отнестись к этому явлению непредвзято, что мы и видим по тому, как она не может объяснить и растолковать вразумительно происходящее с нами и со всей страной.

Психологический смог страну заполнил прежде, еще раньше, чем подступила к ней беда другая — экологическая. А она в свою очередь оказывает все возрастающее влияние на всю внутреннюю сущность человека, заполняя и обволакивая окружающую его среду обитания, оттого любые движения его души, проявления чувств и помыслов оказываются в прямой зависимости от степени чистоты или загрязненности этой среды. Это похоже на возникновение и распространение пандемий, берущихся внезапно, неведь откуда, но, в отличие от них, не развеиваются и не проходят, поскольку не принимается никаких очистительных мер нравственно-общественного характера. *Полнейшая атрофия совести у значительной части населения* — вот название жесточайшей хвори, поразившей ныне нашу страну. Именно от нее, а не от экономической разрухи и социальной неряшливости страдает и мучается весь народ. Никому от этой хвори не отсидеться за толстыми запорами и высокими стенами коттеджей и дач, дворцов и офисов. Всех она найдет и поразит в свой час и срок. От нее не откупиться и не избавиться, поскольку хворь эта зародилась и проросла в наших собственных душах, о наличии которых нам велено было забыть. В свое время столь ничтожно мало уделялось времени и места в нашем внутреннем мире вопросам души и совести, жизни и смерти, добра и зла, что это лишний раз подтверждает, в каком королевстве кривых зеркал мы пребывали да и продолжаем пребывать, даже не задумываясь,

в каком плену находимся. И до сих пор мы опутаны сетью ложных представлений, так, что не ведаем истинных — иных — ценностей, более того, продолжаем втапывать в грязь бесценные сокровища — делаем это просто и буднично, не стыдясь, поскольку не ведаем греха, и не убоясь, поскольку не представляем себе цены искупления и суда. Мы привыкли так жить, не заботясь о посмертной чести и вечной душе. Нам так внушили. Нас так скроили. Нас учили и воспитали в дерзостном невежестве, лютоющем хамстве, не признающем ни отца, ни мать, ни Бога, ни черта, ни прошлое, то есть предков, ни тем более будущее, то есть своих же потомков. Значимым, истинным объявлялось только текущее, суетное. Материально-реалистичное. Долженствующее быть, находиться, обретаться тут, под рукой, сиюминутно. А ныне эта сатанинская круговерть, обернувшись ложной свободой, возросла миллионкратно, заполнила не только улицы и площади, экраны и страницы, сцены и ристалища, но залила все поры несчастного общества, погружающегося во все более и более глубокий, беспросветный мрак Инферна. Разумеется, такой сгусток труднопрошибаем даже для живительного света солнечных лучей, для очистительных движений ветра и воздуха, пока людские мозги проросли шерстью, а сердца заплыли, затянуты жиром, они не способны откликнуться на зов стихий, на солидарность с природой. Слишком тяжела концентрация зла, тьма-тьмушая над землей, и оттого мрак и безысходность воцаряются в душах людей. Весь мир, затаив дыхание, следит, кто с болью и жалостью, а кто с нескрываемым злорадством за Россией: сможет ли, сумеет ли очиститься и одолеть, перебороть злоеущую Тьму светлый Дух — Арасей-Ээзи? Неужто, думается иногда в отчаянии, Россию ждет участь Древнего Рима? А почему бы и нет, нашептывает тихий, но злоеущий голосок, коль не хочет, не желает озарения сам ее народ, так тому и быть, разве не Господь покарал Содом и Гоморру, лишил языка и разума Вавилон, и низверг дерзостный, самонадеянный Рим? Разве не порушились великие царства и империи, отступившие от нравственных устоев и естественных законов? Разумеется, нам, не привыкшим на своем коротком человеческом веку видеть гибель подобных махин, трудно свыкнуться с подобным исходом, даже представить себе невозможно. Слишком несоизмеримы масштабы и величины. Но вот простой пример. Сколько человек ни видит смертей, кончины, гибель людей — близких или чужих, но трудно ему вообразить, представить собственный конец — душа его, живая плоть не смиряется, восстает где-то там, в глубинах и тайниках сознания. Так и с Родиной — своей, а не чужой.

Ну, а ежели присмотреться, да призадуматься крепко, ежели вот так да разом попытаться обхватить мысленным взором все то, что творится с ней, одной шестой частью суши? — жуткая ведь картина предстанет, все равно что бьется, корчится в страшных судорогах и конвульсиях огромное, живое тело, сводит руки, ноги, льется, хлещет кровь, внезапно охватывает беспамятство, словно сводит с ума, издаются какие-то нечленораздельные, невнятные звуки и крики, производятся произвольные движения и т. д. И все это продолжается вот уже в течение ряда лет, как

говорится, болезнь затянулась. И есть ли надежда на выздоровление? Посмотрите, какая сверхконцентрация тьмы в обществе потребления и материальной наживы. Культ «золотого тельца» заместил место Бога, а несчастным этим все одно — лишь бы где что урвать да хапнуть. Уже Везувий клокочет, а Помпеи предаются греху и разврату! Уже дороги все разбиты, а все хотят кататься на иномарках! Не работать, не производить, а жить припеваючи, отпихивая от корыта с пойлом более слабых и тщедушных.

Ныне граница проходит не между государствами, но между душами. Не религии разделяют людей, но вера и безбожие, зло и остервенение, добро и любовь. Граница главная пролегла между людьми Бога и людьми Дьявола. А для этого нет и не может быть никаких границ и пределов, установленных людьми и для людей.

И вот эта-то происходящая на глазах у всего мира болезнь Москвы — это особая пагуба. Она обусловлена особенной и непонятной для непосвященных первопричиной. Это пагуба не столько политического или социально-экономического порядка, как представляют себе наивные депутаты и хитроумные политики. Воздействие извне? Конечно, это имеет место, но это — побочный отрицательный эффект, который лишь отягощает течение болезни вследствие ослабленности организма, вследствие нарушения общей иммунной системы. Погибель эта — месть Арасей-Ээзи (Духа России) за разор своего Очага-Гнездовья в душах и сердцах ее народов. За забвение заветов предков. За отступничество от своего призвания и своей всемирно-исторической миссии. За жгучую зависть и заглядывание на чужой каравай.

Да, диагноз точный. Только эта погибель — еще не смерть. Духи взяли свое. Понадобился только век для завершения трагического цикла — замкнуло на физической гибели Системы, созданной для борьбы против них, в течение сотен и сотен лет оберегавших и защищавших страну и ее людей от злой напасти, лихолетья и ворогов-татей. Коль добрые, кровные духи отвернулись от предавших и позабывших их людей, то голодные и злые демоны, взращенные и сконцентрированные Системой в самых что ни есть жизненных центрах, съели ее саму, накинувшись вначале на своего творца — Партию. Так всегда происходит с теми, кто незнаком с классическими законами и положениями шаманства и не умеет обращаться с духами. Все происшедшее настоящие камы, будь они рядом с нами, могли бы объяснить примерно так, как это попытался сделать я. Когда Система была всемогущей, она пребывала в полной уверенности, что дело ее правое, а главное, бессмертное. Так было заложено в ее учении классиками — великими шаманами. А поскольку последующим преемникам было строго-настрого запрещено развивать, улучшать основные положения, которые именовались высокопарно «всеобщими истинами», то Система не понимала, что ее задавят, задушат под конец собственные порождения как эманации зла, разрушения и безверия — ведь они, будучи раз сотворены либо внедрившись в тело сами, не отстают до тех пор, пока не изведут. Не только человека. Но и страну, народ, государство, как выяснилось..

Способы изгнания бесов-~~уз~~утов в шаманизме разработаны досконально. Не хватило умения «шаманам» Системы — они умели пользоваться только своим оружием, они прислушивались только к своим словам, все остальное отвергали как предрассудки и пережитки прошлого. Вот почему они теперь сами стали «пережитками прошлого», с которыми ведут борьбу жрецы другой школы, взбравшиеся тем временем на их места.

Эти также не понимают шаманский язык и символику. Как же они будут лечить эту «особую болезнь» России, применяя заморское зелье!..

И вот сейчас самое время повернуть повествование к другой ипостаси алтайской национальной религии — бурханизму. Это убедительнейший пример того, как сам народ нашел наилучший выход из мучительного кризиса, поразившего все стороны его быта и самого этнонационального существования в сложнейший для себя период. Экономические, социальные, духовные обстоятельства, складывавшиеся на тогдашнем Алтае были весьма и весьма схожи с нынешними.

В самый канун наступления эпохи великих войн и революций, смут и потрясений необходимо было заложить нерушимые основы и твердь для защиты и сопротивления, для укрепления народного духа, усиления устоев традиционного мировоззрения с тем, чтобы Алтай смог выстоять вопреки всем агрессивным вызовам времени в течение XX века. Кто бы смог совершить подобный подвиг? У алтайцев — некрещеной и кочевой части народа — тогда, естественно, не было ни ученой интеллигенции, ни теологов или философов, способных к религиозному реформаторству, ни тем более дальновидных политиков, которые пеклись бы о будущем своего народа, ни даже толковой администрации, кроме полуграмотных зайсанов, озабоченных больше своим животом, нежели абстрактными вопросами бытия, как добро и зло, свет и тьма, мир и война, земля и воля.

И тем не менее, казалось бы, невозможное свершилось! И совершил это, конечно, ак жаг. Бурханизм — термин, прямо скажем, условный и крайне неудачный. Это был решительный шаг вперед и мгновенное преобразование в крайне неблагоприятных условиях надвигающегося века. Внешне неожиданный всплеск новой веры, могучий духовный взрыв произошел в горах и долинах Центральной части Алтая ровно за десять лет до начала грандиозной катастрофы в мире — начала первой мировой войны. Почему-то никто из ученых-специалистов до сих пор не задумывался над этим, не озадачил себя вопросом, как и почему так произошло. Бурханизму в этом отношении повезло еще меньше, чем старому шаманизму. Политизированный подход к этому течению алтайской духовной мысли все еще не преодолен. Его, собственно говоря, не изучали, но скорее бичевали, оплевывали и поносили. В чем причины и первоисточки столь лютой ненависти к этому светлomu Учению? Какой только хуле и клевете не подвергалась наша вера, чего только не слыхивали уши наших отцов и дедов да и нас самих по сей день в отношении наших святынь и непреходящих ценностей! Ведь все продолжалось вплоть до крушения политической системы, основанной на идеологической монополии КПСС. Но это еще не самый конец — подобное холуйско-плебейское отношение

к национальной религии — по инерции, пожалуй, и с учетом «уездности», периферийности мышления и в силу отсталости общественного сознания — все еще продолжает гнездиться в умах и нынешних бонз, и псевдоученых — выкормышей прежней Системы.

✓ Бурханизм или «белая вера» — это как раз убедительный пример той самой успешной «переработки старого в новое» — пример хорошо известный фольклористам и этнографам. Прямой наследник алтайского шаманизма как пантеистического способа восприятия и объяснения окружающего мира, бурханизм вобрал из него все лучшее, решительно вычистив позднейшие наслоения и неизбежные суеверия и пороки. И в то же время, как его непримиримый низвергатель и антипод, бурханизм отбросил мракобесие, кровавые жертвоприношения и фокусы над больными, ритуальную грязь и бытовую неряшливость, присущие шаманистам-кочевникам, столь красочно живописуемые Радловым на страницах его дневника «Из Сибири».

«Бурханизм... по своему содержанию есть совершенно новый вид религии, не встречающийся еще в жизни народов», — такую характеристику дал в свое время А. В. Анохин, хотя «ак янг», на наш взгляд, это не столько «новый вид», но скорее восстановление в изменившихся условиях синкретической религиозно-философской традиции, характерной для Центральной Азии, где веками происходил удивительный симбиоз религий, культур, языков и этносов. И перевод был сделан на скорую руку, не вполне точный в смысловом отношении. Тут мы имеем дело с буквалистской калькой с плохо понимаемого алтайского, в котором слова зачастую имеют двойной, сокрытый подтекст, раскрываемый только посвященным, то есть верующим, adeptам-единоверцам. Алтайский язык — это язык тюрков-буддистов и несториан, приобщенных с давних пор к возвышенным учениям Верхней Азии. В сакральном языке алтайских тюрков — теленгитов-телеутов «белая вера», ак янг — это значит, правая, святая вера. Для пущей убедительности приведем, например, перевод благоверным протоиереем М. В. Чевалковым шаманистского выражения: «алты өркөштү ак ягалым» — то есть «шестишестичный (шестигорбый мой белый (святой?) бубен». (См. Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-Западной Монголии, выпуск IV. СПб, 1883 г. стр. 42*). Уж он ли не знал христианский лексикон и он ли не сознавал сокровенный подтекст родного языка!

Ак янг — это значит вера чистая, пресветлая. Иначе говоря, без кровавых жертвоприношений духам, без мучительств животных, без употребления «эки ачу» — курения табака и винопития и, конечно же, без якшания с царством Эрликовым при любых обстоятельствах. Этим подчеркивалась еще и чистота Учения.

Ак янг — значит вера святая. А белой, то бишь святой, в отличие от «черной», камской называли свою веру христиане Алтая, Семиречья и Монголии в средние века, в период до и после образования Монгольской империи.

«Для народов Центральной Азии цвет всегда служит и опознавательным, и оценочным признаком. Название «желтая вера» возникло в древнос-

ти, ибо последователи Будды Гаутамы, Шакья-Муни, явившегося людям в образе царевича, носили одежды желтого цвета. Удержалось оно и тогда, когда ламы в Тибете и Монголии ходили в бараньих шубах. Христианство, распространившееся в Монголии в X—XIII веках в форме несторианства, называли «белой верой», а древнюю тибетскую религию бон — «черной верой». (Л. Н. Гумилев, Старобурятская живопись, М., «Искусство», 1975 г. изд., стр. 7).

«На Алтае шаманизм в XIII веке уже был сильно развит, уживаясь там с несторианством». (Л. Н. Гумилев, *Поиски вымышленного царства*, М., 1970, стр. 300).

«Христианство несторианского толка ещё в IX веке распространилось среди енисейских кыргызов и сосуществовало у них с шаманистскими культурами». (С. Г. Кляшторный, *Историко-культурное значение Суджинской надписи. — Проблемы востоковедения. 1959. № 5, стр. 166—168*).

«Не исключено, что следы влияния несторианства прослеживаются в алтайских мифах о сотворении мира». (С. А. Токарев, *Докапиталистические пережитки в Ойротии*, Л., 1936, стр. 134).

Эти цитаты приведены с целью показать, что мы ко всему вышесказанному имеем самое непосредственное отношение в течение всего обозначенного периода, а оттого название или термин «ак жан» — белая вера — вовсе не является выдумкой бая Манди или реформатора Шуура. Этим названием подчеркивались три обстоятельства, имеющие принципиальное значение как для адептов обновленной веры, так и для окружающих — шаманистов, христианских попов, местных властей: принадлежность к России, то есть подданство Белому Царю, преемственность к древней «белой вере» — несторианству своих предков и трансформированный ее характер — по отношению как к шаманизму, так и буддизму ламаистского толка.

Следовательно, как видим на этих примерах, переходы из других форм в другие, трансформации культов местных духов и божеств и включения их в пантеоны несторианства и буддизма были нередки как в древнеуйгурские (теленгитские по отношению к территории исторического Алтая) и киданьские, так и найманско-кереитские, монгольские времена. А из этого следует, что с подобным явлением мы имеем дело и в реформаторские для северного буддизма времена Цзонхавы (XIV век), и Зая-пандиты в Ойротском Союзе (XVII век). Так, в примечании 160 на странице 202-й своей монографии «Алтайский шаманизм», споря и не соглашаясь с С. Г. Кляшторным, Л. П. Потапов утверждает следующее: «С. Г. Кляшторный в статье «Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках» (с. 133) назвал неточным мое замечание о том, что в памятниках уйгурской письменности Умай как божество не встречается. В доказательство он сослался на уйгурский текст X в., в котором названа «благодетельная Умай-царица и включена в буддийско-тюркский пантеон». Но я не могу принять его упрек, так как исследовал и писал об Умай как об одном из высших божеств древнетюркских шаманистов и не рассматривал буддийско-тюр-

кский пантеон. Перемещение же божеств и духов из шаманистского пантеона в буддийско-ламаистский и обратно является довольно известным и неоднократно отмечалось, например, у телеутов, бурят, монголов. В таких случаях обычно при сохранении божества его сакральные функции изменяются, хотя иногда остаются прежними, но в новом выражении».

✓ Ак Ян (Светлая Вера) — это великий компромисс, найденный мудрой душою алтайского народа между древним изначальным шаманизмом, пантеистическим буддизмом и христианством, а также исламом! Это Учение, открытое к диалогу, к взаимодействию и позитивному развитию на синкретической основе, не оскорбляя и отвергая, но сочетая и дополняя друг друга. В нем слышны еще какие-то, нами не вполне осознаваемые, отзвуки Учения Лао о Вечном Пути — Дао. Но Дао — не как Жол, а как Салым.

«Ак ян» не подавил, не уничтожил шаманство как комплекс нравственно-этических ценностей тюрков Алтая. Он только прекратил шаманскую практику как способ лечения больных путем жертвоприношений скота духам. Более того, он сохранил и развил светлую пантеистическо-экологическую сторону классического шаманизма. Культ гор и рек, отчей земли-воды приобрел еще более отчетливые очертания всеобщего культа Алтая как Кудая на уровне монотеистической религии. Вследствие мягкого принуждения и побуждения многие бывшие шаманы стали вестниками и проповедниками обновленной религии, вероучителями — **ярлыкчы**. Трансформация и обновление религии укрепили духовно-нравственные элементы и общинно-коллективистские тенденции в социальной структуре алтайского общества несмотря на бурное развитие капиталистических начал в экономике и хозяйстве. Все белове́рцы стали осознавать себя единой общиной и одной этнической семьей, что сплотило и укрепило весь Алтайский Улус, состоявший из семи дючин-отоков. Более гибкий и динамичный, а главное — сплоченный и единый, по сравнению со старым шаманизмом, «ак ян» успешно справился с вызовом времени. Выработка особой, коллективистской формы обрядовых песнопений — «ойойым» — возвестило о небывалом: произошло духовное преображение народа. Отныне он готов мужественно и стойко встретить все битвы и бури грядущего века — в эпоху помутнений и помрачений разума. Все, что пришло в горы и долины Алтая потом, мы знаем из нашей недавней истории и политики. Но оценка дается по конечному результату, а он неоспорим. На исходе XX века мы видим, что алтайский национальный дух и традиции, религию и культуру, язык и сам этнический массив в наибольшей степени сумели уберечь и сохранить, более того, развить и приумножить только там, где успешно распространился, взяв под крыло Учения свой народ, «ак ян» — святая вера, данная самим Алтай-Кудаем Ак-Бурканом.

Отныне не следует допускать противопоставления ипостасей нашей общей религии на «кара ян» и «ак ян». Период диспутов давным-давно миновал. В алтайской религиозно-философской системе они соотносимы

меж собой подобно Ветхому и Новому Завету. Народ, озаренный и вдохновленный божественным Духом, избрал свое Учение сам на вечном пути к Богу.

И в который раз уже, как это было не раз за эти годы и годы, пред моим мысленным взором предстала пустынная долина Куйума.

Это было около двадцати лет назад, причем заехал я туда как бы по чистой случайности. В связи с приближающимся 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне по всем районам и ай-макам отправлялись летучие бригады, так называемые агитпоезда. А я был в ту пору, конечно, молодой и неумный, одержим был желанием ездить и ездить, побывать непременно в самых дальних урочищах и стоянках, маленьких, позабытых богом и людьми деревушках. Была жажда новых встреч и знакомств, узнавания просторов и далее нашей родной земли. Естественно, я использовал любую возможность такой поездки, тем паче иные, обремененные семьей и службой, маститые люди как-то избегали, казалось, пустых и ненужных им встреч, такого времяпровождения. Понятно, что за такие встречи никаких гонораров не предполагалось и книжка без очереди в план никоим образом не попадала, так зачем же попусту хлопоты? Резон, возможно, был. Но моя правда заключалась в другом. Я приобретал и правильно делал. Последующие годы доказали мне самому мою правоту. Жаль, что все еще и не во всех уголках побывал, а еще более — что редко приходится встречаться с людьми. Но тогда когда писать? А вот такая суета, она что, предполагает и располагает, особенно в нынешние-то времена, к писательским и научным занятиям? Раньше-то у нас негусто было, а ныне разве проживешь таким трудом? Но если вдуматься, если принять во внимание то, как жили и творили поэты и ученые других стран и эпох — им, что, легче было? Да никаких регулярных литературных заработков, как не было и своих профессиональных творческих союзов. Жили тем, что Бог пошлет. Не спонсорством, но высоким покровительством и вниманием царственных и сановных особ, как правило, образованных и умеющих ценить ум и талант. Не в пример нынешним!

Что и говорить, молодость, горячая кровь! Настояли на поездке в Куйум, хотя серая хмарь, предвесенняя распутица не располагали к поездке. Тут бы поближе да в теплом клубе или конторе. Поехали вместе с критиком Валерием Чичиновым. Мы знали, что значит Куйум для нашей литературы и искусства. Слышали еще, что где-то в глубинах этой долины похоронен композитор А. В. Анохин. В те годы как-то не модно было говорить о религии да еще о шаманизме. Предрассудки и пережитки прошлого не поощрялись и мало занимали умы местной творческой интеллигенции. Для тоглашних властей место это было Богом забытое, никчемное. Неперспективное, так сказать, селеньице да и народу там, раз-

два и обчелся, все переехали, остались недотепы какие-то, которые как-то живут, чем-то пробавляются, то охотой промышляют втихаря, то коней пасут совхозных.

Местами еще лежал снег, было и ветрено, и холодно, оттого как-то неуютно на душе. Дорога долго петляла по ухабам и рытвинам. Да что за рассказ о дорожных каких-то ощущениях, словно кому-то интересно это, али я не местный человек, а залетный какой-то журналист или европейский путешественник эдак середины прошлого века, чтоб бахвалиться и упиваться собственным мужеством и решимостью — к туземцам заехал!

Мы побывали лишь в нижней, заселенной части Куйума, там и сям стояло около десятка-два домов, точнее избышек старой поры. Выступали там, кажется, в здании бывшей школы. Помню, распространяли книги — алтайскую литературу, из склада книжного магазина в Эликманаре. Брали, но как-то вяло, без огонька и задора. И это на родине Павла Кучияка, Чалчыка Чунижекова! А чему было удивляться да еще в ту пору — сторона-то какая, закатунская, духа алтайского почти нет, а в школах детишек языку родному не обучают, а такое обстоятельство выяснялось повсеместно, где мы ни побывали — в Уожане, Эдигане, Узнезе, Чопоше, Куюсе. Кроме Бешпельтира нигде язык алтайский был не в чести. Хотя и прошло с тех пор двадцать лет да на карте мира появилась Республика Алтай, а много ли в этой области изменилось у нас к лучшему? Запомнилась женщина-молодайка. В лисьей алтайской шапке, сразу было видно, что нездешняя, спросили — родом из Бешской долины, замуж сюда вышла. Вот она-то и оказалась ревнительницей возрождения родного языка и народных обычаев.

А что потомки знаменитого кама Сапыра, прославленного по всей округе?..

А куда ж подевались, возникает вопрос, многочисленные жители этой некогда достославной долины? Из Куйумской сокровищницы в свое время немало почерпнули известные всем корифеи науки — Потапов, Анохин, Баскаков, Коптелов. Долина эта дала немало именитых людей, известных на Алтае. Но сами люди-то где? Где куйумский народ? Ушли, утекли. Разъехались по всем весям и аймакам. Больше всего их в нашей Улале, то бишь в столице.

И сидит оглохший от контузии в Австрии Туянин Санат, сын кама Сапыра, в своей избышке, подкладывает маралятины, угощает да рассказывает о своем житье-бытье. Возле него копошились младшие сыновья — от другой жены. А всего детей у него, как выяснилось, шестнадцать. И эта, неслышанная даже по тем временам цифра, поразила мое воображение так, что застряла надолго в памяти. В молодые годы он был могучий мужчина, так загонял на лыжах по глубокому насту марала, что, догнав, заскакивал на него верхом и закалывал ножом. Настоящий охотник! И на войне он был славный труженик. Центральная усадьба совхоза там внизу, в Узнезе, — узкой прикатунской полосе, а здесь, где простор и приволье для хозяйствования, все заброшено. Некогда в этой долине было три крупных поселения, а ныне? Всего ничего. Эти дворы — остатки разъехав-

шейся деревни. Сколько вот по стране разорили таких мест! Сколько порушено родовых гнезд и вековых традиций! Вот из-за такого оскудения глубинной России и закончила бесславно свое существование Великая Система, оказавшись самоубийцей. Все делалось как бы нарочито для того, чтобы иссяк, ослаб вечный источник жизни и духа страны — деревня, урочище, стойбище, аул...

И все-таки! Корень-то остался. Вот он, корень! Санат с малыми сыновьями. Даст бог, и этот корень пустит побеги...

Спустя несколько лет, уже в читальных залах Ленинки и Исторички, в тесных комнатках, которые я снимал, как птица хоронящаяся возле опушки Большого Леса, то на Мичуринском проспекте, то в Очаково, в подмосковном Переделкине или Лукино не раз вспоминал их, сыновей Саната. Даже в цикл стихов включил их образы, дополнив вычитанным в работах и трудах Анохина и Баскакова, Потапова и Никифорова.

Почему не в родную Каракольскую, во всяком случае Урскульскую, а именно Куйумскую долину я перенес место действия «Гимнов Земли и Воды», то есть произведений охотничье-обрядовой, по существу пантеистически-шаманистской поэзии? Ответ, думаю, станет понятным, если сообщу, что там, в Каракольской долине, куда всегда влекло Чороса Гуркина, Павла Кучияка, хотя они сами были уроженцы этих мест, народ исключительно бурханистского вероисповедания и живет он там густо, крепко держась своего. Это моя родина, и этим уже все сказано. Все равно что я сам. А во-вторых, именно памятуя ту первую, памятную встречу я задался оживить дух, дремлющий или впавший в сонное забытие дух Куйумской долины, вызвать интерес к ней, чтобы знал и помнил народ об одном из некогда славных очагов нашей культуры и духовности. Затем, что немаловажно для самой собственно задачи этого цикла, в моих краях нет, скажем, ветхозаветных традиций, восходящих к древнему культу гор и рек, почитанию шаманистских духов, неперменных спутников всяческой поэзии и искусства.

Дух Каракольской долины, дух Уч-Сумера велик и прекрасен, но это другой дух, имеющий пуповину в нагорьях Тибета и просторах Хангая. А в Куйуме явственней и ближе, как впрочем и в Улагане, сознаешь свою взаимосвязь с извечными духами земель и вод.

Когда мы были в Куйуме, нам показали место, где некогда жила единственная найманская семья. Это было стойбище рода Кучияков. Я ушам не поверил, враз наострился, когда, наряду с выговором «тайка» вместо привычного «тайга», в устах Саната прозвучало «найман», а не «майман». Сохранилось все же в алтайском лексиконе старинное «найман» — вот оно и доказательство! В первый раз, также несколько лет назад, еще в студенческие годы я услышал в разговоре нашей первой киноактрисы Яйкан Тугиной, проживающей в Москве, выражение «найман». Но тогда подумалось, что она, бывавшая в киргизской и казахской среде, могла позаимствовать оттуда, из родственных и близких языков. Нет, значит, все же наше, свое слово. А попробуй нынешним «маймамам» докажи, объясни, что они за последние сто лет исказили собственный

этноним — поди, будут спорить с пеной у рта, не соглашаясь и не принимая свое, родное. Такая вот трагедия, обыденный в общем-то исторический случай — отрываясь от корней, люди постепенно перестают ощущать почву под ногами. Не терплю невежества, особенно патриархально-кондового. Присущего в особенной мере нынешнему поколению — невежество полуобразованщины, а потому агрессивное и нетерпимое к знанию...

Найманов, как насельников, в этой долине ныне нет. И это тоже, пожалуй, характерная особенность долины как последнего шаманистского региона. Да, найманы некогда пребывали в Прикатунье. Жили они, судя по их прозвищу-дразнилке, в районе от Чемала до Күү (Күбү /Куюса) — верхней, вольготной для скотоводства части долины. Тут они, видать, вступили в стычку с шаманистами, поскольку, как повествуется в предании, осерчав сильно, отрубили голову зятю своему — Текию, который был кам, да и засунули ее в золу. От каких времен идут эти отголоски былых религиозных и мировоззренческих противоборств? Найманы ведь еще на самой изначальной стадии своего появления на анналах центральноазиатской истории вместе с соседями и сородичами своими — керитами выступают в качестве господ Центральной и Западной части нынешней Монголии и придерживались они «белой веры» — несторианства. Именно так повествуют источники, европейские и восточные. И потому, уже во времена второго монгольского императора Угэдэй-каана найманы, обитавшие по Алтаю и Семиречью, также упоминаются в качестве несториан. Не оттуда ли идет еще одно упоминание, что какая-то их группа состояла при дворе Ойрот-хана в качестве винокуров, судя по сообщению, приводимому о. К. Соколовым, Урсульским миссионером?

Алтайские найманы сыграли значительную роль в великой трансформации шаманизма, хотя внешне, как участники грандиозного действия, разыгравшегося летом 1904 года в виде стремительного и всеохватывающего движения духовной «реконкисты», остались как бы в тени. И тем не менее достоверно известно ныне, что движение зародилось в Урсульской долине, откуда распространилось по всему Центральному Алтаю — исконной обители «кан-каракольских калмыков» и южных теленгитов. И возникло оно вовсе неслучайно там, где жили и учили народ свой свету и добру, любви и милосердию сыновья мудрого правителя Солтона — мудрец-философ, златоуст-певец, смекалистый умелец и отважный воин-удалец, там, где, на земле, осененной светом трех святых вершин — Ял-Мёнку, Ыч-Сүмера и Кадын-Баши, затерялись следы легендарного Далай-ламы VI...

Так что такое «белая вера» и чего в ней больше? Алтайского буддизма или же реформированного шаманизма? И в каком отношении это находится по отношению к христианству — ортодоксальному православию и средневековому несторианству? Кроме того, не следует забывать о долгом сожительстве на этой же территории, а следовательно и духовных контактах, старообрядчества с верованиями алтайцев, их несомненным и продуктивным взаимовлиянием. Также не следует упускать из виду долгих бесед за кругленьким столиком в алтайской войлочной юрте заезжих мусуль-

ман — татарских торговцев из Бийска и Томска, казахских караванщиков с той и этой стороны Алтая. И возможно ли противопоставлять сына к отцу, деда к племяннику и внуку? В «белой вере» содержатся значительные компоненты этих религиозно-философских систем, которые развивались бок о бок в горах и степях Центральной Азии, зачастую переплетаясь и сливаясь, а временами сосуществуя, не менее тысячи лет, но не в виде подогнанных механически отдельных блоков или арифметических слагаемых. Это — не легкий коктейль, это органический, нерасчленимый на составные части, сплав.

Не происки мифических «японских агентов», а вполне реальный исход из Лхассы на север в Ургу, вследствие английского вторжения в Тибет буддийского первосвященника лежит в основе поступившей на Алтай вести о грядущем пришествии Ригден-Джапо-хана — владыки Шамбалы. Улавливаете созвучие — Джапо-хан и «Япон-хан»? «Буурыл-Токой» — вроде как нечто похожее на «Токио» слышится, а между тем это давно всем известная географическая местность на Южном Алтае, в истоках Иртыша — название знакомое всем кочевникам от Кобдо до Усть-Каменогорска и Семипалатинска. А для многих алтайцев, в особенности найманов, это земля, которую их принудили покинуть в результате маньчжурско-джунгарской войны в самой середине XVIII века. Следовательно, в центральной части Алтая, вблизи русской пограничной линии, они оказались в ту пору в качестве беженцев. А все беженцы, как известно, мечтают о возвращении на родину, в свои родные места. И не их вина в том, что их страна вдруг исчезла с карты тогдашнего мира, как, например, ныне Советский Союз, Алтай же был поделен и разделен границами двух великих империй — России и Китая. Как ныне, спустя два с половиной столетия, уже границами четырех государств. О возвращении на места, ставшие территорией сопредельного государства, с тех пор невозможно стало вести речь. Разве что в песнях мечталось да грезились.

И вот, когда земельные притеснения, социально-экономические беды, религиозно-духовное насилие и финансовый гнет, нахлынув на Алтай разом, довели народ до самого края отчаяния и беспредела, сделав жизнь кочевнику-тюрку в родном Алтае поистине невыносимой, по бедным урочищам, задавленным нуждой и нищетой, прокатилась весть об ожидаемом чуде — пришествии долгожданного Мессии — избавителя от зол и бед, своего рода Гэсэр-хана, истолкованного в мифического Ойрот-хана. Сердца людей озарила искорка надежды — а не наступает ли впрямь новый век. Чем черт, как говорится, не шутит... Был Ойрот да сплыл. Кто знает, может, и Муклай-каан того... Какая-то война далеко на востоке, какой-то неизвестный Япон-царь там громит Белого царя. Революция. Всякое слышится и мерещится бедному кочевнику...

Беженцам положено мечтать. Даже если ожидания растягиваются не на одно поколение. А ведь минуло немало-немного как полтора столетия. Географические представления притупились, стали обрастать легендарными чертами и покрываться дымкой и маревом... Песни, легенды, моления, воспоминания. Там Буурыл-Токой, там и золотые купола Сары-сумэ —

буддийского монастыря на оставленной в лихую годину родном юрте...

Вот бы на таких аспектах и сосредоточить внимание, отказавшись раз и навсегда от бессмысленных усилий, сродни труду Сизифа, по изобличению «бурханизма», когда сам наш народ сделал осознанный выбор и наилучшим образом давным-давно соединил и примирил все струи в один целостный поток. И как все-таки жаль, что алтайская мифология, ее основные духовно-нравственные приоритеты, внутренние, сущностные опоры, прямо скажем, вследствие длительного, перманентно политизируемого подхода, не в последнюю очередь из-за плохо скрываемой неприязни и неприятия «белой веры» как равноценной стороны в религиозно-философском диспуте, не изучены и не распознаны до конца. Надо также признать, что на самом деле, на протяжении всего изучаемого периода мы, как этнос, как духовная и языковая субстанция, являлись для многих всего-навсего лишь предметом этнографического, лингвистического и тому подобного интереса. Когда, не считаясь ни с нашим достоинством и честью, ни с нашими национальными чаяниями, позволялись — кому не лень — грубые и высокомерные сентенции и нотации, а то и просто дикие и невежественные разглагольствования по поводу самого святого и сокровенного, что есть в нас — нашей веры, имеющей многовековые традиции и ценности, ни в чем не уступающие в познании и осмыслении окружающего мира, в понимании глубинной сути вещей и смысла жизни другим религиозно-философским учениям. Попирались не только права человека, но и жизненные интересы народа. Какая свобода совести, какого ждать уважения к чужой душе и вере, когда сами ученые — историки и этнографы, тюркологи и религиоведы, философы и востоковеды — были обращены в научную службу невежественных бюрократов и самодурствующих управителей, представлявших собой неумолимое войско железной Системы, вооруженной и оснащенной сверхфанатичной идеологией и неслыханным аппаратом принуждения и подавления. Бедные головки, мечтавших о родной земле «Буурыл-Токой» и воспевавших Ригден-Джапо-хана — избавителя от бед и зол, «Ойрот-хана!» Дурно понятый алтайский и худой перевод сослужили вам плохую службу. Вот она, трагедия безвинного народа, о, жрецы науки и служители муз! Кому — диссертации и звания, а кому — горе и слезы!..

В христианстве — это грех великий на душу. В буддийском понимании — усугубление и ухудшение кармы. А по шаманизму — проклятие на корень-род свой. Не потому ли многие исследователи так и не сумели, как ни пытались с великим усердием, познать внутренние загадки алтайской души? А как иные из них кончили дни свои? — только что нам из того...

Признаться, только за последнее время начал я призадумываться над тем, почему же мало кто из тогдашних светил сибирской науки, за исключением, пожалуй, Дм. Клеменца, сумел правильно, по-научному среагировать на зарождение нового феномена в духовном бытии Алтая. Буквально на глазах у образованной части общества происходило нечто необычное — религиозный перелом. Подобное случается ведь не каждый день

и не каждый даже век. Вдруг, среди ясного неба в душах внешне мало чем примечательных, оборванных и забытых «калмыков» Алтайских гор вспыхнула искорка. Что, божья искорка, хотите уверить, у идолопоклонников? Да полноте, господа, не смешите!

Растерянность миссионеров вполне понятна — вот тебе и труды, успехи, и непрерывные приобретения! 75 лет неустанной деятельности во благо Веры Христовой в недрах языческого Алтая! Какой-то там темный пастух выступил с проповедью — и все рушится, новокрещенные отступаются, переходят в невесть откуда взявшуюся ересь — «новую веру»... Объясним и страх, и гнев местного начальства; тут война с Японией, революция на пороге, а под боком ни с того, ни с сего «калмычишки» закопошились, бунтовать зачали!

Из «внешних» исследователей и толкователей алтайской религии к пониманию сути бурханизма как закономерного духовного процесса ближе всех подошли, на мой взгляд, вплотную, А. Сагалаев и Л. Шерстова. Такой качественный поворот в осмыслении внутреннего преобразования алтайского народа был, безусловно, необходимым. Более того, неизбежным. Мешали только тенета официальной идеологии, накинутае на полузапретную тему да клевета и политический поклев, ведущие начало с миссионерских «Отчетов» и некритично усвоенные последующими авторами. Очень хотелось бы, чтобы многоуважаемый патриарх Л. П. Потапов от «Алтайского шаманизма» перешел в конце концов к «Алтайскому бурханизму» для достойного завершения своих изысканий на этом глобальном, жизненно важном для дальнейших судеб духовности Алтая, направлении. Ведь не убоился же он на склоне лет своих мужественно выступить в защиту природы и народа Алтая от посягательств промышленных монстров. Будущее поколение алтайцев будет особо признательно ему, если он признает приоритеты бурханизма в качестве национальной религии, имеющей все возможности для саморазвития и укрепления в условиях развивающегося XXI века.

В связи с новым состоянием общества возникает совершенно настоятельная необходимость переосмысления пройденного нами пути, следовательно, встает вопрос об инвентаризации всех имеющихся ценностей Алтая. Было бы, конечно, замечательно, в связи с вышеизложенным, будь проявлен надлежащий государственный подход. Если бы вопросу был придан неотложный правительственный характер. Причем точку отсчета следовало бы начать не с привычных хозяйственно-экономических, материально-технических параметров, а с непреходящих и нетленных. То есть с безусловного приоритета духовных ценностей в условиях становления и строительства Республики Алтай. Кстати, не следовало бы забывать и отбрасывать опыт автономной области, а он немалый. Следовало бы оценить и взвесить все упущения и ошибки, достижения и наработки за 70 лет. А поскольку республика возникла не на пустом месте, поначалу надо было бы подтвердить свою правопреемственность как единственной наследницы на все ее немалое достояние.

Но кто и как должен организовать столь масштабную работу, как не конкретный правительственный орган, своего рода «мозговой центр», которому должны быть приданы соответствующие статусу функции и полномочия со всеми надлежащими научными учреждениями и техническими возможностями. Поначалу достаточно образовать целостную рабочую группу для переучета и систематизации ценностей как дооктябрьского, так и советского времени с тем, чтобы определить, что следует оставить, а что взять в будущее, которое, конечно, не за горами. Справедливости ради надо отметить, что, правда, такой подвижки в умах по отношению к своему духовному и культурному наследию пока еще не замечается в России в целом, если под нею разумеать прежде всего Москву как центр. Но особенность нынешнего этапа в том и заключается, что в современном мире тот преуспеваеет, кто смелее и решительнее расстается с былыми комплексами неполноценности, периферийности и провинциализма. За деревьями необходимо видеть лес, а за Тугаеи — весь мир. Ведь мы живем в горах Алтая и оттого хорошо знаем, что с малых ручейков, стекающих с ледников, начинаются большие реки. Большая европейская наука зарождалась в свое время в маленьких и тихих городках. Коммуникативные возможности современного мира облегчают наши задачи. Есть сферы науки, где мы безусловно сможем преуспевать. Это как раз области духа и философии, экологии и поэзии, искусства и энергетики.

Но оглядываясь по сторонам, осматриваясь по горам и рекам, и пока еще мало вижу батыров духа, способных к такому подвигу. Замечаю с горечью: нет, не готовили в свое время у нас полнокровную интеллигенцию к столь ответственному занятию да и сейчас не задумываются над ее высоким предназначением. Все жалуются на нехватку средств да нехватку финансов. Да в деньгах ли все дело! А между тем миллионы бросают на ветер да на побрякушки для туземных услад и утех... И много ли науке и печати надо, а польза какая!

И вот в чем еще беда. Много у нас ныне «остепененных» — прямое наследие последних лет советской поры, когда во всем гнались за количеством, а не качеством, — но мало ученых. Почти нет концептуалистов. И совсем даже нет мыслителей, как нет интеллигенции в виде целостного слоя населения, который обладал бы комплексными познаниями общенационального масштаба. Немало у нас умных голов. Да вот некому их сплотить да направить на целенаправленное осмысление перспектив «глубокого прошлого и великого будущего Алтая».

И есть ли, существует у нас наука как проявление национального духа и мысли, скажем, так, как алтайская литература и алтайское искусство? Имеет ли она свои, отличительные от тех или других, наработки и достижения? Свои имена и авторитеты — видные и слышимые, признанные в своей среде и сфере как, например, фольклорист и эпосовед С. С. Суразаков?

Надо, конечно, уважать своих научных руководителей и ученых-наставников, но нельзя всю жизнь ходить в учениках и подмастерьях, не

имея своих взглядов и позиций. Шаман без бубна — это не шаман. Тот не ученый, кто не имеет мыслительных, аналитических способностей. Гирлянды из цитат без собственных позиций — это не цветы живые духа.

Разумеется, я мог бы написать в академическом стиле обычное послесловие — достаточно стандартное и достаточно холодное, тем более материал знаю не понаслышке и не по верхушкам. Только не могу позволить себе такой отстраненный и чужой взгляд — для меня это не просто тексты и не только памятники старой, ушедшей в прошлое культуры.

Вот, посмотрите, как же это так получилось, что к сегодняшнему дню нет у нас ни одного своего солидного авторитета по алтайскому шаманизму. Ну, просто обычного, как говорят, узкого специалиста. И по бурханизму. По местным культам. По истории христианизации. По взаимодействию религий и культур в пространственно-временном отношении — разве двадцать пять веков наши прямые и отдаленные предки пребывали на пустом месте? Почему всеми этими вопросами занимаются, а следовательно, ведают, выносят вердикты специалисты извне? Какое табу, как проклятие, тяготело над нами в течение всех этих десятилетий? Причины внешние, политические обстоятельства вполне объяснимы, они понятны, как божий день. Да, невозможно было заикнуться ученому-алтайцу о шаманизме — ему тут же припечатали бы оживление «пережитков прошлого». Бурханизмом заниматься было крайне опасно просто физически — тут же угодил бы в «японские агенты». И головы, ей-богу, не сносить. Позволено было выпускать лишь брошюры «о реакционной сущности шаманизма и бурханизма». То же самое о православии, исламе в Горном Алтае. Похоже, и казахов в упор не воспринимали как носителей мусульманского образа жизни и культуры. Короче, так все оно и было в период государственной монополии КПСС. Но это — лишь одна сторона правды.

А другая правда заключается в том, что существовала и существует по сей день причина внутренняя — она в нас самих, в особенностях нашей внутренней природы и характера. Кто, собственно говоря, не давал нам, особенно в 80-е годы, когда идеологический пресс носил чисто символический характер и любой умный режиссер или писатель легко обходил препоны цензуры, заняться углубленным, подлинно научным изучением, скажем, шаманизма? Причем не только и не столько с этнографической стороны, но, к примеру, в отношении психотерапии, внушения и гипноза?

С точки зрения искусства, театра, пластики, музыки и пения? Где текстологическое, филологическое изучение блестящих образцов шаманской поэзии? А космогония? Философия? Экология! Этот перечень можно продолжить... Мы не занимались даже сбором и систематизацией просто текстов духовных памятников, не говоря о сопоставительном изучении на стыке других сфер и наук. Что и говорить, пути на ногах, пелена на глазах, и мрак души, как тьма египетская... Душили и продолжают душить косность, невежество, бездуховность.

Видимо, так нужно было, чтобы, прежде чем приняться за осмысление соотношения шаманизма и бурханизма как составляющих частей нашей духовности, когда общественная мысль на Алтае с началом 90-х годов напряженно пульсирует в поисках выработки путей развития национальной идеи и определения своего места в этом бурном, меняющемся мире, я должен был вновь соприкоснуться с шаманизмом как с субстратом алтайской религии. Я должен был вновь оказаться в Куйуме, добраться до места, где под густой, раскидистой зеленью деревьев, как бы слившись с землей, стихией, природой, покоится могила А. В. Анохина. Я мчался, обежал пол-Алтая, как вдруг оказался там, сам того не зная, не ожидая. Вышло так, что я бежал почти двадцать лет, мотало меня везде и всюду, пока не привело сюда. Привело меня к осознанию тяжелой потребности духовного преображения. Как народа, так и — прежде всего — самого себя. Но слишком глубоки в нас стихия и природа — в этом и сила, в этом же и все проблемы алтайского национального духа, натуры и характера.

А. В. Анохин — один из редких исследователей духовной культуры Алтая, который по-настоящему, пожалуй, постиг, познал его потаенную, сокровенную суть. Оттого он и тут лежит, что сроднился, сблизился с алтайскими духами так, что они причислили его к себе. Он несомненно верил в них и жил с ними, соответственно, соотносясь с ними, советуясь во всех своих жизненных обстоятельствах и превратностях. Земля Алтая вобрала в себя брненное тело А. В. Анохина и, значит, соединила его душу как частицу с собой.

Дух Алтая и вечен, и велик. Ниоткуда не приходил, как говорится, и никуда не уходил. Бытие его не подвластно ни Времени, ни Пространству, а тем более людям, оно всевечно.

Может ли правоверный араб-мусульманин понять правильно чувства своих «джахилийских» предков, непросвещенных, как он убежден, светом Ислама, словом Пророка? Современному персу чуждо поклонение огню, но этот святой Огонь Заратустры горел тысячи лет на плоскогорьях Ирана, освещая путь поколений и династий. Способен ли фанатик от православия признать языческую мифологию Древней Руси в качестве первоосновы русского национального духа и народной традиционной культуры? Алчные и невежественные конкистадоры завоевали и растоптали Индейскую Америку, но древние индейские духи все же побороли испанскую цивилизацию, свидетельством тому появление и расцвет необычайной латиноамериканской культуры как сплава и синтеза трех различных начал — европейского, американского и африканского.

Дух Алтая, так всели в потомков мощь и силу, чтоб несли они, не теряя ни при нынешней смуте, ни при будущих испытаниях, веру и свет твоей Истины как суть твоих этических, этнических начал, обороны и защиты от внешних напастей и внутренней пагубы! Дай выковать пояс — простой и надежный — между нами и миром, между обществом и природой, между стихией и человеком, между живым духом и бездушной антикультурой, между прошлым и будущим, между Словом и Делом!

И весь смысл любых последующих религиозно-философских трансформаций нашего общественного сознания заключается в возможностях духовного оснащения народа. Не погибает лишь тот, кто успевает преобразиться в соответствии с духом времени. И не следует тешить себя иллюзиями, что в истории развития человеческих сообществ будут некие исключения из всеобщих правил. Следовало бы и нам, как потомкам, помнить всегда о печальной участи младенческих народов и всех их варварских, самодурствующих владык, не понимавших или же не обращающих вовремя должного внимания на необходимость укрепления в народе прежде всего его собственных духовных начал. Иначе духи предков лишают их покровительства и защиты, они становятся безоружными и беззащитными против лести и порока, неги и роскоши, лжи и коварства, стяжательства и накопительства. Слишком большая роскошь пребывать в вековом этническом сиротстве и духовном малолетстве.

Тот потенциал духовного наследия, который мы имеем, позволяет нам развернуться навстречу новой, нарождающейся духовно-экологической цивилизации, наступающей на смену нынешнему, технотронному веку, чей путь оказался тупиковым в масштабах всего человечества в условиях все большего, необратимого оскудения сырьевых запасов Земного шара. Оттого нам дается важнейший шанс. Для осознания этого с нашей стороны требуется системный подход к собственному духовному наследию, которое может оказаться в конечном счете одной из важнейших составляющих этой будущей цивилизации.

Именно в этом суть духовной реанимации Алтая.

ТОДОШ БРОНТОЙ. Август-сентябрь, 1994 г.

*По горам и рекам Алтай: Улалу-Майма — Катунь — Урсул — Чуй — Кобдо.
Ала-Бабурган — Ял-Мёйкү — Ыч-Сүмер — Кадын-
Башы Кан Алтай — Ирбистү — Табын-Богдо.*

Отъ Редакции.

Материалы А. В. Анохина по алтайскому шаманству были приняты к печати еще в довоенное время, после предварительного просмотра части рукописи академиком В. В. Радловым и Л. Я. Штернбергом. Транскрипция алтайских текстов, отдельных выражений и слов была приведена в соответствие с принятою В. В. Радловым системою. Эта работа выполнена Э. К. Пекарским под непосредственным руководством В. В. Радлова. Рисунки по наброскам автора, а частью по его указаниям, с предметов Музея, исполнены С. М. Дудиным. Некоторые поправки в работу А. В. Анохина внесены Э. К. Пекарским, А. Н. Самойловичем, Н. Н. Поппе и И. И. Зарубиным; часть их обсуждалась предварительно в Радловском кружке.

Когда печатание было доведено до середины и были начаты набором тексты камланий, Редакцией, для просмотра алтайских текстов и их переводов, был приглашен С. Е. Малов.

По обстоятельствам революционного времени в печатании книги произошел перерыв. Печатание возобновилось лишь в конце 1923 г., причем С. Е. Малов принял деятельное участие в издании, и снабдил его предисловием. В сверстанном виде работа была просмотрена академиком В. В. Бартольдом. Наблюдение за технической стороной издания имел И. И. Зарубин.

Редакция приносит глубокую благодарность С. Е. Малову, который отнесся к принятой на себя работе с редким вниманием, внося необходимые исправления и в то же время сохраняя оригинальность изложения и стиля автора, лишенного возможности, по различным обстоятельствам, просмотреть корректурные оттиски своего труда.

Предисловіе.

Настоящій трудъ — «Матеріалы по шаманству у алтайцевъ» былъ принятъ къ печати акад. В. В. Радловымъ, при содѣйствіи котораго А. В. Анохинъ и совершалъ свои изслѣдованія по шаманству и фольклору турецкихъ племенъ Алтая.

Нужно сказать, что большая часть изъ того, что сдѣлано за послѣднее время по изученію шаманства у турокъ, все это связывается такъ или иначе съ именемъ акад. В. В. Радлова и съ дѣятельностью Музея Антропологии и Этнографии Россійской Академіи Наукъ, гдѣ В. В. Радловъ долгіе годы былъ директоромъ, и Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, гдѣ В. В. Радловъ (ум. 12 мая 1918 г.) былъ основателемъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Вотъ, цѣлый рядъ именъ лицъ, потрудившихся надъ изученіемъ шаманства у якутовъ: В. Н. Васильевъ¹, Н. А. Виташевскій², В. М. Ионовъ³, А. Н. Никифоровъ⁴, Э. К. Пекарскій⁵ — все они многими обязанъ въ своей дѣятельности по этнографіи акад. В. В. Радлову.

Первый ученикъ В. В. Радлова, впоследствии профессоръ Казанскаго Университета, Н. Ф. Катановъ заслуживаетъ большой признательности за детальное изученіе шаманскаго культа во всѣхъ его проявленіяхъ у своихъ сородичей — турецкихъ племенъ бассейна р. Абакана, а также у урянхайцевъ сѣв.-зап. Монголіи и у карагасовъ Иркутской губ.⁶.

¹ В. Н. Васильевъ. Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ. Сборн. Музея Антр. и Этнографіи, т. I, вып. VIII, СПб. 1910.

² Н. А. Виташевскій. Изъ наблюденій надъ якутскими шаманскими дѣйствіями. Тамъ же, т. V, вып. I, стр. 165—168.

³ В. М. Ионовъ. Орелъ во воззрѣніяхъ якутовъ. Тамъ же, т. I, СПб. 1913. Его же. Къ вопросу объ изученіи дохристіанскихъ вѣрованій якутовъ. Тамъ же, т. V, вып. I, стр. 155—164. Петроградъ, 1918 г.

⁴ А. Н. Никифоровъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года. (См. Извѣстія Русск. Комитета, сер. II, № 3, Петроградъ, 1914, стр. 153—162.)

⁵ Э. К. Пекарскій и В. Н. Васильевъ. Плясъ и бубень якутскаго шамана. Матеріалы по этнографіи Россіи, т. I, СПб. 1910.

⁶ В. В. Радловъ. Образцы народной литературы турецкихъ племенъ. Ч. IX. Нарѣчій урянхайцевъ (солотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собр. и перев. Н. Ф. Катановымъ. СПб. 1907. Н. Ф. Катановъ. Отчетъ о поѣздкѣ... 1896 г. въ Минусинскій округъ Енис. губ. Учен. Записки И. Казанск. Университета, годъ LXIV, кн. 3. 5—6. Каз. 1897.

Н. Ф. Катановъ никогда не отказывалъ въ руководствѣ и совѣтахъ молодымъ ученымъ¹ и много потрудился надъ редакціей и приведеніемъ въ надлежащій видъ многихъ сочиненій другихъ а торовъ по шаманству, напр., у якутовъ², казакъ-киргизовъ³, казанскихъ татаръ⁴ и таранчей⁵, печатал эти сочиненія въ научныхъ органахъ Казани.

Много обѣщаль сдѣлать по изученію также своего родного племени С. Д. Майнагашевъ (+), успѣвшій напечатать нѣсколько статей и замѣтокъ по этнографіи турецкихъ абаканскихъ племенъ⁶.

Проф. А. Н. Самойловичъ занимается шаманствомъ среди населенія Западнаго Туркестана⁷.

Въ Извѣстіяхъ Русскаго Комитета, наконецъ, помѣщенъ отчетъ венгерскаго ученаго Ю. Мессароша о его поѣздкѣ по Поволжью съ цѣлью изслѣдованія шаманскихъ вѣрованій татаръ, чувашъ и мишарей⁸.

За послѣднее время существованія Русскаго Комитета и жизни акад. В. В. Радлова остается еще отмѣтить новыя труды по шаманству у желтыхъ уйгуровъ центрального Китая⁹ и сартовъ Китайскаго или Восточнаго Туркестана¹⁰.

¹ В. И. Подгорбунскій. Матеріалы для изученія шаманскихъ бубновъ туземцевъ Сибири. Отд. отд. изъ Трудовъ профессоровъ и препод. Иркутск. Унив., вып. 4. Иркутскъ, 1923, стр. 4.

² В. Ф. Троцанскій. Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XIV. Отд. отд.: Казань, 1897, стр. VII + 63. Его же. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Ученыя Записки И. Казанскаго Университета. Отд. отд.: Казань, 1902, стр. IV + 185 + 13 + 11.

³ Сочиненія А. А. Диваова, А. Е. Алекторова, Бекимова и др.

⁴ Я. Д. Кобловъ. Мифологія казанскихъ татаръ. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этнограф., т. XXVI, стр. 416—470. Каз. 1910.

⁵ Н. Н. Палтусовъ. Молитвы и заговоры таранчинскихъ бакшей. Матеріалы къ изученію нарѣчій таранчей Илійскаго округа. Вып. V, Казань, 1900.

⁶ С. Д. Майнагашевъ. Отчетъ по поѣздкѣ къ тур. племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 г. Его же. Отчетъ по поѣздкѣ къ туркменскимъ племенамъ Минус. и Ачинск. уу. Енис. губ. лѣтомъ 1914 г. Изв. Русск. Ком., сер. II, № 3, стр. 107—128. Его же. Жертвоприношеніе небу у белгировъ. Сборн. Музея Антр. и Этногр., т. III. Петроградъ, 1916, стр. 93—102. Его же. Загробная жизнь по представленіямъ турецкихъ племенъ Минусинскаго края. Живая Старина, 1916 г.

⁷ А. Н. Самойловичъ. Туркменскіе заговоры, Жив. Старина, 1912 г., стр. 117—124.

⁸ Изв. Русск. Ком., сер. I, № 9.

⁹ С. Е. Маловъ. Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ. Жив. Старина, 1912, стр. 61—74. Его же. Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ. Изв. Русск. Ком., сер. II, № 3, стр. 86—87.

¹⁰ С. Ф. Ольденбургъ. Краткія замѣтки о пері-хон'ахъ и дуа-хон'ахъ въ Кучарѣ. Сборн. Музея Антр. и Этнограф., т. V, вып. 1, стр. 17—20. (С. Е. Маловъ. Шаманство у сартовъ Восточнаго Туркестана. Тамъ же, стр. 1—16.

Наблюденія и описанія А. В. Анохинымъ шаманства у алтайцевъ относятся къ бассейну р. Катуни съ ея притоками, именно къ нижнему ея теченію¹.

Интересъ при чтеніи этого сочиненія возрастаетъ съ каждой страницей. Если содержаніе первыхъ главъ и было раньше извѣстно специалистамъ (по соч. В. В. Радлова, В. И. Вербицкаго и др.), то и здѣсь заслуга А. В. Анохина въ томъ, что все это онъ изложилъ въ строгой системѣ и детальнѣе другихъ авторовъ.

А. В. Анохинъ первый даетъ подробнѣйшее описаніе (съ рисунками) шаманскихъ одеждъ, бубна, колотушки и всѣхъ ихъ частей и деталей. Въ этомъ отношеніи теперь его описаніе можетъ быть поставлено наряду съ подобными же образцовыми описаніями одежды и принадлежностей шамана — якутскаго (соч. В. Ф. Трощанскаго, Э. К. Пекарскаго, В. И. Васильева) и абаканскихъ турецкихъ племенъ (соч. Н. Ф. Катапова).

Онъ же первый даетъ здѣсь, въ своихъ «Матеріалахъ», такое большое количество алтайскихъ шаманскихъ молитвъ и призываній, какого ни у кого до сихъ поръ не имѣлось.

Мало того, — всѣ эти шаманскіе тексты А. В. Анохинъ сопровождаетъ русскимъ переводомъ.

Переводить шаманскіе тексты-импровизаціи чрезвычайно трудно въ силу того, что трудно прѣжде всего бываетъ точно, во всей правильности и послѣдовательности записать эти шаманскія молитвословія. Не во время самой церемоніи, не въ экстазѣ шаманъ, разумѣется, апатиченъ, и ему трудно бываетъ все въ точности воспроизвести такъ, какъ это было бы нужно. Наоборотъ, — при самой шаманской церемоніи, — когда — по выраженію якутскаго шамана — ему приходится «повторить только готовое за голосомъ, говорящимъ за затылкомъ»², — шаманы читаютъ свои стихи слишкомъ невнятно: то растягивая и выкрикивая одни слоги, то проглатывая другіе и затихая на нихъ.

Вотъ, въ силу несовершенства, неточности шаманскихъ текстовъ трудно бываетъ и переводить ихъ³. Но А. В. Анохинъ справился въ достаточной мѣрѣ и съ этой задачей, и заслуга его въ этомъ отношеніи громадна. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что до него даже такой знатокъ языка и быта алтайцевъ, какъ В. И. Вербицкій, большинство шаманскихъ молитвъ въ своихъ печатныхъ работахъ не сопровождаетъ русскимъ пере-

¹ По дѣленію этой рѣки и по терминологіи проф. В. В. Сапожникова. См. его — Пути по Русскому Алтаю. Томскъ, 1912 г., стр. 6—8.

² Изв. Русск. Комитета, сер. II, № 3, стр. 156 (Отчетъ А. И. Никифорова).

³ Конечно, трудности обуславливаются еще и самымъ содержаніемъ стиховъ, поэтическими полнотами въ порядкѣ словъ и проч.

водомъ, а акад. В. В. Радловъ, наоборотъ, приводилъ нѣмецкій переводъ, но безъ алтайскаго шаманскаго текста.

Такимъ образомъ и здѣсь, по алтайской этнографіи, благодаря А. В. Анохину, имѣются шаманскіе тексты, подобные якутскимъ, абаканскимъ, урипхайскимъ, карагасскимъ и чувашскимъ.

Приводимыя А. В. Анохинымъ родословныя алтайскихъ шамановъ являются своего рода первымъ и цѣннымъ матеріаломъ по изученію самихъ шамановъ и шаманокъ, ихъ послѣдственной первозности, самовнушенія и предрасположенности къ своему шаманскому званію и занятіямъ.

А. В. Анохинъ оставилъ внѣ своего вниманія порядокъ шаманскаго церемоніала отъ самаго его начала и до конца; онъ не далъ описанія какого-либо моленія, на которомъ былъ онъ самъ, со всѣми его деталями, что, напримѣръ, посильно постарался дать я въ своемъ описаніи шаманства у сартовъ Китайскаго Туркестана, а Н. А. Виташевскій — относительно якутовъ.

Моя отношенія къ тексту и переводамъ А. В. Анохина были въ общемъ такіе же, какія имѣли въ свое время мои учителя акад. В. В. Радловъ и проф. П. М. Меліоранскій къ соч. С. Г. Рыбакова «Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ» (СПб.).

По возможности внесены мной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненія въ переводы А. В. Анохина тамъ, гдѣ это существенно требовалось; нѣкоторые непереведенные авторомъ стихи и отдѣльныя слова я постарался перевести.

Транскрипція алтайскаго текста оставлена такая, какаю уже была сдѣлана; въ ней не во всемъ и не всегда выдержана система В. В. Радлова передачи алтайскихъ звуковъ; такъ, напримѣръ, иногда слова начинаются съ буквъ, обозначающихъ звонкіе звуки (вслѣдъ за словомъ, оканчивающимся на гласную или плавную), но въ данныхъ случаяхъ никакой ошибки нѣтъ, такъ какъ такая запись точнѣе даже соответствуетъ живому, дѣйствительному произношенію алтайцевъ, а потому мною я оставлена въ настоящемъ изданіи, хотя бы въ нарушеніе общей системы.

Разумѣется, я отнюдь не думаю, чтобы тексты и ихъ переводы и въ настоящемъ своемъ видѣ не нуждались въ исправленіяхъ и поправкахъ, каковыя и будутъ сдѣланы, полагаю, прежде всего, самимъ А. В. Анохинымъ при дальнѣйшемъ изученіи имъ алтайскаго и телеутскаго шаманства¹.

Какъ извѣстно, на Алтаѣ въ 1904 г. возникло новое религіозное

¹ О другихъ работахъ А. В. Анохина по шаманству см. Изв. Русск. Комитета;

движеніе — бурханизмъ, проповѣдникомъ котораго явился алтаецъ Четъ Челпановъ. Бурханизмъ представляетъ изъ себя смѣсь ламайства съ шаманствомъ безъ кровавыхъ жертвъ; бурханизмъ болѣе всего имѣлъ послѣдователей въ Западномъ Алтайѣ, гдѣ всегда по отчетамъ Алтайской Миссіи было вліяніе ламаизма¹. Четъ Челпанову была поставлена юрта на р. Карыкѣ, на пути изъ Усть-Кана въ селеніе Абай².

По свидѣтельству Д. А. Клеменца (въ 1904 г.) изъ 240.000 населенія калмыковъ (т. е. алтайцевъ) въ новой вѣркѣ принимали участіе не болѣе 1.500 человекъ³ и, какъ будто, несмотря на то, что «бурханизмъ былъ слишкомъ увлекателенъ для алтайцевъ, потому что въ это ученіе вилетено сказаніе объ Ойратханѣ-Избавителѣ и будущемъ славномъ царѣ Алтай»⁴, — послѣ ареста Чета Челпанова и его близкихъ, — движеніе это, по отчетамъ Миссіи, скоро затихло.

Движеніе было подавлено, и это послужило къ тѣснѣйшей связи и сплоченію между собою бурханистовъ⁵. Свѣдѣнія о бурханизмѣ за послѣдующее время еще имѣются у В. И. Верещагина, Г. Н. Потанина, В. В. Сапожникова⁶ и А. В. Анохина.

В. И. Верещагинъ пишетъ⁷, что въ районѣ по правобережью Катуня еще сохраняется шаманизмъ, вытѣсненный въ другихъ мѣстахъ Алтай бурханизмомъ; жители по р. Торать-Ачыкѣ всѣ бурханисты. Онъ же пишетъ, что бурханизмъ сталъ распространяться и по Катунѣ въ районѣ рѣчкѣ Каспа, Ашіякту, Верткемъ, Паткыскенъ и Косоголу.

По словамъ А. В. Анохина (въ 1914 г.), въ верховьяхъ рр. Бѣлаго Ануя, Песчаной, Урсула и Чарыша, послѣ Четовскаго движенія, хотя мало, но уцѣлѣлъ шаманизмъ⁸.

¹ Православный Благовѣстникъ за 1896 г. (Москва) № 8; Отчетъ Алтайской Миссіи за 1895 г., стр. 66 (въ прилож.); сравн. еще о столкновеніи ламайства съ шаманствомъ у урянхайцевъ (въ 1905 г.), — проф. В. В. Сапожниковъ, Монгольскій Алтай въ истокахъ, Иркутскъ и Кобдо. Путешествія 1905—1909 гг. (Изв. П. Томск. Университета, кн. 44), Томскъ, 1911 г., стр. 123.

² Отчетъ Православн. Миссіонерск. Общ. за 1904 г., см. Прав. Благовѣстникъ, 1906 г., № 15, стр. 19 (прилож.).

³ Д. А. Клеменцъ. Изъ впечатлѣній во время лѣтней поѣздки въ Алтай въ 1904 г. Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общ., т. XII, 1905 г., СПб., вып. 1, стр. 158.

⁴ Алтайская Миссія въ 1905 г., см. Прав. Благ. 1906 г., № 6, стр. 245—248; сравн. Отчетъ Прав. Мисс. Общ. за 1905 г., см. Прав. Благ. 1906 г., № 16, стр. 13—14.

⁵ Н. Л. Алтайск. Миссія за 75 лѣтъ ея существованія. Прав. Благ. за 1906 г., № 24, стр. 331.

⁶ Проф. В. В. Сапожниковъ. Пути по Русск. Алтаю, 1912 г., стр. 23—24 (въ очеркѣ Г. Н. Потанина: Населеніе; здѣсь на стр. 22—23 есть свѣдѣнія и по шаманству у алтайцевъ) и стр. 30.

⁷ В. И. Верещагинъ. Поѣздка по Алтаю лѣтомъ 1908 г. Алтайск. Сборникъ, т. X, Барнаулъ, 1910 г., стр. 22, 34 и 44.

⁸ Изв. Русск. Миссіи за 1914 г., стр. 11, 12 и 13.

Въ какомъ положеніи находится бурханизмъ и шаманизмъ въ настоящее время, мнѣ не извѣстно.

Считаю не лишнимъ привести въ заключеніе списокъ нѣкоторыхъ сочиненій¹, касающихся алтайскаго шаманства, бывшихъ у меня подѣ руками при чтеніи корректуръ статьи А. В. Анохина.

1) В. И. Вербицкій. Замѣчанія на статью объ Алтаѣ. Томск. Губ. Вѣд., 1859 г., № 13; на стр. 110 — замѣчанія на невѣрности въ описаніи шаманскаго бубна у Попова (Томск. Губ. Вѣд., 1858 г.), на стр. 110—111 о моленіи въ старину у алтайцевъ въ 7 день недѣли.

2) В. Вербицкій. Мустагъ, Карабуръ, Кизей и Туралыгъ (легенда кузнецкихъ татаръ). Томск. Губ. Вѣд. 1865 г., № 1; стр. 8 — о шаманскомъ моленіи духу горы Карабуръ.

3) В. Вербицкій. Сеюки алтайцевъ. Томск. Губ. Вѣд. 1865 г., № 42, стр. 1—2. Здѣсь есть призываніе на телеутскомъ и русскомъ языкахъ къ Тогой-Палигу, владыкѣ града, дождя и грома.

4) Dr. W. Radloff. Proben des Volkslitteratur der türk. Stämme. T. I, 1866, стр. 238, 241 и 242 (Übersetzung): шаманскіе стихи.

5) В. И. Вербицкій. Краткія свѣдѣнія объ Алт. Миссія. Томск. Епарх. Вѣд. 1886 г., № 21, стр. 6: о маскѣ шамана («коча»); стр. 8: о камнѣ льда; стр. 9: о бубнѣ; № 22, стр. 1—12: подробный церемоніаль шаманскихъ моленій Ульгено и Эрлику.

6) Н. М. Ядрищевъ. Объ алтайцахъ и чернскихъ татарахъ. Изв. И. Русск. Географ. Общ. 1881 г., т. XVII, СПб. 1887 г., см. особенно стр. 243—249. Сравн. его же Отчетъ о поѣздкѣ въ горный Алтай. Записки Зап.-Сибирск. Отд. И. Русск. Географ. Общ., кн. IV, 1882 г., Омскъ.

7) Путешествіе А. В. Адрианова въ Кузнецкій край. Изв. И. Русск. Географ. Общ. 1881 г., т. XVII, стр. 39—46 (мелк. извѣстія): здѣсь о шаманствѣ по рр. Кондомѣ и Лебеди (съ изображеніемъ божка).

8) А. В. Адриановъ. Путешествіе на Алтай и за Саяны... въ 1881 г. Зап. И. Русск. Географ. Общ. (по общ. географ.), т. XI, 1881 г. СПб. 1888 г.; см. стр. 230—231, 272.

9) М. М. Природа и населеніе Алтая. Томск. Епарх. Вѣд. 1890 г., №№ 18 и 19 (здѣсь очень интересный и живо написанный очеркъ шаманскихъ моленій; видно, что авторъ неоднократно присутствовалъ на этихъ моленіяхъ), №№ 20 и 21.

10) Dr. W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche, 2 Aufl., Leipzig, 1893. I — II. Путешествія В. В. Радлова отно-

¹ Въ хронологическомъ порядкѣ изданій.

сится къ 1860—1870 гг. (I, стр. 10—14), I, стр. 341—342: призыва-
ніе къ Эрлику (текстъ и нѣмецк. переводъ); во второмъ томѣ вся VI глава
посвящена шаманству и его культу. Образцовое описаніе алтайскаго ша-
манства съ подробнымъ церемоналомъ шаманскихъ моленій (особенно
стр. 20—58); всѣ шаманскія молитвы — въ нѣмецкомъ переводѣ безъ
текста. Имѣются рисунки шамана, бубна и жерди, на которой виситъ
шкура жертвенной лошади съ головой и ногами.

11) В. И. Вербицкій. Алтайскіе племена. Сборникъ этнографиче-
скихъ статей и изслѣдованій, подъ ред. А. А. Иванова. Москва.
1893 г. Вѣрованіямъ алтайцевъ здѣсь отводятся стр. 43—77; авторъ
дастъ довольно подробный церемоналъ шаманскихъ моленій (стр. 46—76).

12) А. Калачевъ. Поѣздка къ теленгетамъ на Алтай. Живая Ста-
рина, годъ 6, вып. III—IV, 1896 г.; здѣсь на стр. 183 о шаманскихъ
вѣрованіяхъ и молитвы Ульгеню и Эрлику. Сравни. его же Нѣсколько словъ
о поэзіи теленгетовъ. Тамъ же, стр. 491—492.

13) М. Н. Соболевъ. Русский Алтай. Изъ путешествій на Алтай въ
1896 г. Землеустройство, 1896 г., кн. III—IV; стр. 78—86 (съ 2 рисунками).

14) Т. Каншинъ. Изъ записокъ Мрасскаго миссіонера. Прав. Благо-
устройство, 1898 г., № 23, стр. 315: о шаманскомъ моленіи въ сѣвѣшномъ
порядкѣ надъ больной.

15) Россія... подъ ред. Семенова-Тянь-Шанскаго, т. XVI: За-
падная Сибирь. СПб. 1907 г., на стр. 279—281 имѣются свѣдѣнія по ша-
манству.

16) Этнографическое Обзоріе, кн. 80. Москва, 1909 г., на
стр. 136¹—139 о сеансѣ шамана въ Томскѣ.

17) С. Е. Маловъ. Нѣсколько словъ о шаманствѣ у турецкаго насе-
ленія Кузнецк. у. Томской губ. Жив. Старина, 1909 г., вып. II—III.

18) G. Tschubinow. Beiträge zum psychologischen Verständniss des
sibirischen Zauberers. Halle A. S. 1914¹.

19) Н. Я. Никифоровъ. Аноскій. Сборникъ. Записки Зап.-Сиб. Отд.
И. Русск. Географ. Общ., т. 37, 1916 г., Омскъ (подъ ред. Г. Н. Пота-
нина). По шаманству см. здѣсь стр. 3, 14, 43, 47, 159, 227, 240, 242.

20) Г. Н. Потанинъ. Казакъ-кирг. и алтайскія преданія, легенды и
сказки. Жив. Стар., годъ XXV (1916), вып. III—IV, 1917 г.; см.
стр. 184—186².

Сер. Милонтъ.

¹ Сравни. Жив. Стар., XXV (1916 г.), вып. II—III; Петроградъ, 1917 г., стр. 11—17
(прилож.).

² См. еще: В. И. Межовъ. Сибирская библиографія, т. II, стр. 416: 3) алтайцы, — и

I. О духахъ и божествахъ.

По представленію алтайцевъ-шаманистовъ духи обитають въ трехъ сферахъ: подъ землей, на землѣ и на небѣ. Духовъ подземныхъ обыкновенно называютъ кѣрмѣс, духовъ неба — кудаі, духовъ земли — јѣр-су (букв.: земля-вода), или алтаі.

Сами алтайцы раздѣляютъ всѣхъ духовъ на двѣ категоріи: 1) тѣс (букв.: начало, основаніе), т.-е. духи первоначальные, искони существовавшіе, и 2) јѣјѣн-нѣмѣ (букв.: нѣчто созданное) или просто: нѣмѣ (букв.: нѣчто), т.-е. духи позднѣйшіе. Далѣе, духи бываютъ или чистые (ару) или нечистые, черные (кара). Сообразно этому духи распадаются на: 1) ару тѣс, 2) кара тѣс, 3) ару нѣмѣ, 4) кара нѣмѣ. Последнія двѣ категоріи, т.-е. духи позднѣйшіе, называются и общимъ именемъ кѣрмѣс. Эти кѣрмѣс'ы въ дѣйствительности представляютъ собою души давно умершихъ шамановъ и шаманокъ. Ихъ двѣ категоріи: 1) озоу таідалар (таі+ада) — предки по женской линіи и 2) кан адалар (кровные отцы) — предки по мужеской линіи. Но слово кѣрмѣс имѣетъ и иное значеніе: имъ обозначается часто и вторая категорія духовъ (кара тѣс), т.-е. черные духи извѣчнаго существованія.

I. О духахъ тѣс.

А) Кара тѣс (или кара кѣрмѣс). Къ этой категоріи относится Ärlık, занимающій центральное мѣсто въ вѣрованіяхъ алтайцевъ.

1) Ärlık¹⁾ (јѣк кара тѣс, ненавистное черное начало).

Съ именемъ Эрликъ у алтайцевъ связываются самыя тяжелыя бѣдствія (кату јобол, ач кыјал), напр., эпидеміи на людей (корь, тифъ: јадыш) и на скотъ. Онъ наводитъ эти болѣзни для того, чтобы вынудить человека принести ему жертву; если человекъ не удовлетворяетъ его желанію, Эрликъ поражаетъ его смертію. Послѣ смерти человека, Эрликъ беретъ

1) Отъ ерклік хан, букв.: сильный ханъ. Въ уйгурскихъ буддійскихъ памятникахъ этимъ именемъ обозначается Яма (Хама) т.-е. судья и владыка подземнаго царства, загробнаго міра. Нынешняя форма ärlık — монгольское искаженіе, усвоенное въ послѣдствіи и тюрками Сибири.

душу человека къ себѣ (бііттѣн тын алѣан), уводитъ ее въ подземный міръ (алтынѣы орѣн), творитъ надъ ней тамъ судъ и дѣлаетъ своимъ работникомъ (Äprik підѣң älcizi — Эрлика-начальника слуга или посланецъ). Иногда Эрликъ посылаетъ эту душу на землю, чтобы она приносила людямъ зло.

Такими отношеніями къ человеку и его душѣ истощивается у алтайцевъ понятіе объ Эрликѣ, какъ о зломъ существѣ.

Въ обычное время, а особенно при болѣзняхъ, человекъ по отношенію къ Эрлику испытываетъ болѣзненный страхъ, боится произносить его имя, называя его просто: кара пѣмѣ — нѣчто черное. Эрлика называютъ также дерзкимъ, безстыжимъ (кѣл Äprik), упрямымъ, несговорчивымъ (пос Äprik). Несмотря на свою тяжелую зависимость отъ него, человекъ находитъ возможнымъ обманывать его и допускать тѣ или иные непріязненные дѣйствія по отношенію къ нему. Жертвоприношеніями человекъ старается, такъ сказать, выкупить свое благополучіе, задобрить Эрлика, но въ то же время жертвы приносятся неискренно и съ оговоркой.

Пу парылѣрым сѣлргѣ табышсын,

Пажым ѣзѣн јатсын!

Каја кѣрүп алкатпаѣар.

Эта моя парылѣры (жертва) пусть вручится вамъ,

Голова моя да здравствуетъ!

Не вынуждайте, назадъ оглядываясь, славословить (васть).

Ўч јылѣа амыр јатсам,

Паза парылѣрыѣар паза я јатсін.

Јакшы камның кучуң алаттан ѣдѣгѣар.

Если проживу три года спокойно,

Еще пусть ваши жертвы до него дойдутъ.

Вы обезсиливаете (не только обыкновенныхъ, но) и хорошаго шамана.

Кромѣ такого непочтительнаго отношенія на словахъ, человекъ намеренно допускаетъ и другого рода болѣе тяжкія формы пренебреженія къ Эрлику. Такъ, ему часто приносятъ въ жертву животное тощее и даже больное. Шкуру животного не оставляютъ на шестѣ, какъ это дѣлаютъ другимъ тѣс'ямъ (духамъ), а берутъ себѣ. Странный матеріалъ жертвенника (тайлѣа): шесты, колья и дерево, на которомъ подвѣшиваются части жертвеннаго животного, выбираются дурного качества, кривые и старые. Съ цѣлью умѣрить алчность Эрлика на будущее время, тайлѣа тогда ставятъ около шиповника (тоѣонок), боярышника (пѣлә) и бѣлѣники, которыхъ

онъ боится, устраиваютъ непременно на сѣверной (арка јаны), менѣе почтительной сторонѣ, въ отдаленіи отъ стойбища (аіа), за городьбой въ темномъ уголкѣ, куда выкидываютъ отбросы и сваливаютъ падаль.

Тогоноктуң тоіузі пірігін,
Тогус сѣктү мырды.

Присоединяется выкупъ отъ шиновника,
Трапка съ девятью костями (голова, ноги животного).

Шаманы въ своихъ призываніяхъ называютъ Эрлика: кайракан. По смыслу отношеній Эрлика къ человѣку, этотъ эпитетъ выражаетъ не «царь милостивый», какъ нѣкоторые переводятъ¹⁾, а царь острый, рѣжущій²⁾, т.-е. готовый всегда приносить страданіе и даже смерть. Поэтому, и душа человѣка у алтайцевъ называется «нитяной», непрочной (учук тынды бычып салған — нитяную душу выкроилъ, создалъ). Въ молитвахъ часто называютъ Эрлика отцомъ (Ärlük-ада) и творцомъ души человѣка (ѳзѳр тынды бычышкан — выкловившій душу для жизни).

Въ шаманскихъ призываніяхъ описывается и вѣншній видъ Эрлика.

Эрликъ рисуется старикомъ съ атлетическимъ тѣлосложеніемъ. Глаза, брови у него — черные, какъ сажа, борода — раздвоенная и спускается до колѣнъ. Усы подобны клыкамъ, которые, закручиваясь, закидываются за уши. Челюсти подобны кожнымъ, рога подобны корню дерева, волосы — курчавые (јалбір чачтү пос Ärlük — упрямый Эрликъ съ развѣвающимися волосами).

Эрликъ живетъ въ нижнемъ (подземномъ) мірѣ (алтынжу орѳн — букв. нижнее мѣсто, или алыс јар — дальняя страна), во дворцѣ изъ черной гряды, а по другимъ версіямъ — во дворцѣ изъ чернаго желѣза съ оградой. Дворецъ его стоитъ при слияніи девяти рѣкъ въ одну Тоібодым³⁾, которая течетъ человѣческими слезами, или около моря Баі-тәніс съ водяными чудовищами абра или јутпа. Черезъ Тоібодымъ протянуть мостъ изъ конскаго волоса. Царство Эрлика населяютъ безчисленное множество душъ умершихъ людей (канчаның пажын алған, камык пажын јунаткан — взявшій множество головъ, всѣ головы собравшій). Если бы кто вздумалъ самовольно уйти изъ его царства, то, ступивъ на волосяную мостъ, обрывается и падаетъ въ волны рѣки, которая приносятъ дерзкаго бѣглеца обратно къ берегамъ владѣній Эрлика. На берегу рѣки Тоібодымъ живутъ водяныя чу-

1) Ср. кайракан [отъ кайран (милый) + кан?] — ангель-хранитель. В. В. Радловъ Опытъ словаря тюрк. нарѣчій, II). Ред.

2) Повидимому, судя по дальнѣйшему (душа — нитяная), Ärlük рѣжетъ нити жизни. Ред.

довища — Тутпалар, съ зелеными бедрами, съ блѣдной грудью; челюсти ихъ подобны большой лодкѣ. Тутпалар охраняють дворецъ Эрлика.

Къ Эрлику есть дорога, но пролегаетъ она чрезъ большія препятствія, которыя называются пудак. По этой дорогѣ могутъ пройти шаманы во время камланія. Кроме того, эти лица имѣють способность проникать во дворецъ (öргө) Эрлика и непосредственно вести съ послѣднимъ разговоръ.

Эрликъ ѣздитъ на черной лодкѣ безъ весла, на черномъ иноходцѣ или на упряжномъ животномъ (күлкө) — на лысомъ быкѣ.

Питается Эрликъ красной, кровяной пищей, пьетъ внутреннюю легочную кровь. Пищу и питье принимаетъ на зарѣ краснаго вечера.

Изображеній Эрлику не дѣлають. Эрликъ считается великимъ чернымъ тѣс'емъ (кара јан тѣс). Въ аилѣ камлають ему на лѣвой сторонѣ, у дверей, гдѣ стоитъ посуда съ ополосками и гдѣ, по убѣжденію шаманистовъ, сосредоточена сила злыхъ көрмөс'овъ (јаман көрмөс).

2) Сыновья Эрлика (Äрліктің ұлдары. Кара тѣс).

По одиѣмъ версиямъ, у Эрлика — семь сыновей, по другимъ — девять: «желѣзпоголовые черные сыновья» (тәмір пашту кара ұлдар). Ихъ называютъ собственными именами, по очень различными: одинъ шаманъ даетъ одно имя, другой тому же самому — другое. Имена ихъ часто бываютъ очень сложныя и характеризуютъ ту или иную особенность ихъ.

Первая версия именъ:

1. Таш пілектү Паі-Маттыр (съ каменными запястьями Бай-Богатырь).
2. Караш.
3. Јас пілектү Кәріі Кан (съ мѣдными запястьями Керей-Ханъ).
4. Учар-Кан.
5. Јабаш-Кан.
6. Көмур-Кан.
7. Шадәі Кан.

Другая:

1. Äрліктің жылану Караш (со змѣями Эрлика Карашъ).
Кату сынду Кан-Караш,
Пік сынду Пі-Караш.
Съ твердымъ остовомъ Ханъ-Карашъ,
Съ высокими станомъ Бій-Карашъ.
2. Таш пілектү Маттыр (съ каменными запястьями Богатырь).
3. Јәтти одулу,
Јас пілектү Кәріі-Кан,

Съ мѣдными запястьями Керей-Ханъ,
Төс Шингай-Хапа,
Имѣющій семь шалашей.

4. Кѳѳоктун кѳк сају
Кѳмур-Канын кѳк төмѳн.

На всякомъ шву рубахи
Синій низъ Кѳмюръ-Хапа.

5. Паспас пазар Падыш-пѳкѳ,
Кулар тарткы, јар тарткы,
Кулар чапкы, јар чапкы,
Паспак јудар Падыш-пѳ.

Идетъ нейдетъ Падышъ-пѳкѳ (сплать),
Чугунная скобель, земляная скобель,
Чугунный капканъ, земляной капканъ,
Глотатель жернововъ, Патышъ-бѳй.

6. Абурау кѳл-јауык,
Анданышкан Шынаѳ-Кан.

Озеро-потопъ, имѣющее абура¹⁾,
Катыцѳй (волны волпуюцѳй) Шингай-Ханъ.

7. Падыш-Карѳѳ.

Кыпчы јок кыр кѳмѳ,
Канады јок кува сал,
Падыш-Карѳѳ.

Гора лодка безъ весла,
Безъ крыльевъ блѣдный плотъ
Падышъ-Керей.

8. Аѳчы јалдѳ Пѳ-Јабап (съ гривой жеребца Бѳй-Ябашъ).

9. Каттѳ сындѳ Кан Тѳмѳр-Кан,
Тулку сындѳ тулуңдѳ,
Тудуш тѳмѳр јарындѳ,
Адам Әрлѳк аѳрылған.
Кызарар каны јок,
Кажылаттан тыны јок.

Темиръ-Ханъ, имѣющій твердый станъ,
Косу круглой формы,
Имѣющій цѣльныя (соединенныя между собой) желѣзные лопатки.
Отъ отца моего Эрлѳка отдѣлившійся,

1) Мионическое животное, см. описаніе на шаманскомъ костюмѣ.

(У тебя) нѣтъ крови краснѣющей,
Нѣтъ души уклоняющейся (умереть).

Сыновья Эрлика называются его посланниками (Ärlík pīdīn alčizī), но посланниками въ смыслѣ администраторовъ, потому что они управляютъ царствомъ духовъ Эрлика, живущихъ въ подземномъ мірѣ (алтынѣы орон) и на землѣ (пу јардā). Ихъ управленіе на землѣ касается, главнымъ образомъ, злыхъ духовъ (јаман кѣрмѣстѣр или јардїң пāмā).

По представленіямъ алтайцевъ, злые духи разсыпаны по всему лицу земли. Изъ шаманскихъ молитвъ видно, что они по своимъ индивидуальностямъ раздѣляются на обжоръ (јāk или аза), духовъ смерти (алдачы), духовъ тяжелой болѣзни (кār или албыс) и на духовъ «прежніе отцы» (ада б̄кѣ). Последніе описываются такъ:

Кѣзү јок — соккорлор,
Пāлі јок — пāртіктār,
Јанмажы јок — сыныктар,
Пāл сѣгі пāртіктār,
Кабырґазы кайшактар,
Ўја сѣгі оішактар.

Безъ глазъ — слѣпые,
Безъ спины — вывихнутые,
Безъ бедра — надломленные,
Спинныя кости — вывихнутыя,
Ребра — кривыя,
Суставныя кости — вовнутрь сгибающіеся.

По разсказамъ алтайцевъ, злые духи не отличаются дисциплинированностью; между ними происходятъ раздоры, распри и цѣлыя войны. Всѣ они необычайно алчны и прожорливы, обладаютъ способностью съѣдать живого человѣка. Когда человѣкъ хвораетъ, алтайцы говорятъ: «злой духъ его ѣстъ» (кѣрмѣс јāп-јат), а когда умираетъ — «злой духъ съѣлъ» (кѣрмѣс јā-гāн), а самая рана на тѣлѣ (палү) объясняется укусами кѣрмѣс'а (кѣрмѣстүн тіштāгāні). Злые духи вредны не только для человѣка, но, по своей алчности, являются вредными для самого Эрлика, такъ какъ, пожирая человѣка, пожираютъ въ сущности его долю.

Злыми духами являются души умершихъ людей. Они дѣлятся на роды (сѣк). Живутъ цѣлыми полками около аила того рода, къ которому когда-то сами принадлежали. Алчность заставляетъ ихъ перебѣгать отъ аиловъ своего рода къ аиламъ другого рода. Хитрые и назойливые, они протискиваются

чрезъ двери и щели повнутрь аила и нападаютъ на человѣка, чтобы съѣсть его.

Для поддержанія порядка между злыми духами въ ихъ внутренней жизни и охраненіи человѣка отъ произвола ихъ, Эрликъ посылаетъ на землю своихъ сыновей-богатырей. Они, въ качествѣ грозной стражи (кату куѣакъ), охраняютъ дверь аила отъ входа всего злого, худого (ѣжигъйи кату ѣаман кѣлзѣ, куѣактап ѣат), за что называются «брони двери» (ѣжіктің куѣағы).

Охраняя двери отъ злыхъ духовъ, богатыри-сыновья стоятъ у косяковъ двери (ѣкі ѣағы), расхаживаютъ вдоль порога (позоро) или удаляются на площадку предъ аиломъ (курѣянтік). Если замѣтятъ присутствіе злого духа въ аилѣ, набрасываются на него и, взявъ въ свои могучія руки, бросаютъ, въ наказаніе, въ вѣчнокипящій котелъ (тѣрт кулакту кѣлѣр казан — о четырехъ ушкахъ чугуный котелъ), который находится у пасти ада (ѣртѣмының узы) и который является адомъ для подземнаго міра.

У каждаго рода (сѣк) стражемъ у дверей аила является свой почитаемый родовой сынъ Эрлика, одинъ или двое. Изъ всѣхъ сыновей Эрлика, въ качествѣ стражей при дверяхъ, упоминаются: Караш, Кѣрѣй-Кан, Тамір-Кѣн, Падыш-пѣ, Паі-Матгыр.

Въ лицѣ сыновей Эрлика человѣкъ видитъ для себя большихъ благодѣтелей, поэтому относится къ нимъ съ отчѣннымъ уваженіемъ, но боится ихъ грознаго гнѣва и могущества.

По показанію нѣкоторыхъ шамановъ, дѣти Эрлика руководятъ шаманомъ или шаманкой при жертвоприношеніи Эрлику, сопутствуютъ имъ въ подземный міръ и ведутъ переговоры съ Эрликомъ, служа посредниками между шаманами и Эрликомъ.

Въ представленіяхъ шамановъ, дѣти Эрлика являются для человѣка черными тѣс'ями (кара тѣс). Каждый сѣк (родъ) имѣетъ своего собственнаго тѣс'я, котораго чтить, къ тѣс'ю же другого сѣк'а относится безразлично. Культовые обряды, посвященные этимъ тѣс'ямъ, отличаются отъ таковыхъ же, посвященныхъ Эрлику, только нѣкоторыми молитвами. Имъ приносятъ въ жертву животныхъ съ тѣми же особенностями, какъ и Эрлику.

Роль сыновей Эрлика въ подземномъ мірѣ представляется неясной. Они являются тамъ, между прочимъ, распорядителями-администраторами при озерахъ, рѣкахъ, имѣютъ станы (оду), завѣдуютъ моремъ съ морскими чудовищами.

Дѣятельность сыновей въ царствѣ Эрлика алтайцы сравниваютъ съ дѣятельностью русской администраціи, называютъ ихъ «становыми приставами» (ошкошло станабоі прістап).

Одинъ изъ сыновей — Таш пілăкту Паі-Маттыр имѣтъ девять дочерей.

Маттырдың тоғус кызы,
 Җәлтәр кара чачтұлар,
 Җәлтәк кара пұдулу,
 Тоғус туңаи каралар.

У Богатыря девять дочерей,
 Имѣющихъ черные колеблющіяся волосы,
 Колеблющіяся, отъ рожденія черные,
 Девять равныхъ (одинаковыхъ) чернавокъ.

Дочери Богатыря считаются придверницами аяла; въ шаманскихъ молитвахъ ихъ сравниваютъ съ черными змѣями (кара жылан кыстары).

Изъ всѣхъ сыновей изображеніе дѣлается одному сыну Караш'у. Изображеніе (чалу) представляетъ изъ себя кусокъ черной матеріи (кара пѣс) съ девятью ленточками; подвѣшивается на жерди внутри аяла съ лѣвой стороны у дверей.

3) Дочери Эрлика (Ärlіktің кыстары).

По одѣмъ версіямъ, дочерей у Эрлика только двѣ. Имя первой — Сәгіс кѣстү Кіштәи әнә (восьмиглазая мать Кипштей), имя второй — Әркә Солтон (милая Солтонъ; араб. султанъ).

По другимъ версіямъ, у Эрлика девять дочерей (Ärlіk підің тоғус кызы).

Онѣ живутъ въ подземномъ мірѣ, въ мѣстѣ, называемомъ въ шаманскихъ призываніяхъ: оін җәр (игрище) или жылаҗактұ сары оҗык әдіргәндү кұ тактак (съ каткомъ желтая впадина, съ гумномъ блѣдное гладкое мѣсто).

Дочери Эрлика опредѣленныхъ занятій не имѣютъ; время проводятъ въ праздности и играхъ. Когда шаманъ во время камланія проходитъ мимо нихъ, онѣ увлекаютъ его къ себѣ на свое ложе и при этомъ стараются убѣдить его въ томъ, что всѣ тѣс и жертва должны принадлежать имъ. Если шаманъ поддается ихъ чарамъ и убѣжденіямъ, то за это Эрликомъ или другимъ тѣс'емъ наказывается смертью.

Въ шаманскихъ камланіяхъ видъ дочерей Эрлика описывается въ довольно непривлекательныхъ краскахъ.

Томузұ jok толбоштор,
 Шалбары jok шалтандар,
 Җәлім кара кәптүләр,
 Җәлтәк кара чачтұлар,

Пайш оролдон тулундў;
Ујады јок, кажан,
Јар жарык полуктў,
Јар мајкалик амчактў,
Кудбондўрў тачнацажып,
Амчактары палчацажип
Арлик тобус туңи кара кыс.

Безъ колѣнныхъ чашечекъ — изгибающіяся,
Безъ штановъ — голозадыя,
Съ лицами черными, какъ клей,
Съ черными курчавыми волосами,
Съ косами, пять разъ завитыми;
Безстыдные, насмѣшливые,
Съ vulva'ми, какъ земная трещина,
Съ грудями, какъ холмики.
Задницами виляющія,
Грудями болтающія
Девять черныхъ равныхъ дочерей Эрлика.

В. Арў тѳс — чистые тѳсы.

1) Духи неба.

Судя по шаманскимъ текстамъ, къ духамъ неба принадлежать: а) Ылган, б) его сыновья, в) его дочери и г) служебные духи: Јајык, Суила, Карлык, Уткўчы.

а) Ылган — благодѣтельное существо; онъ живетъ за мѣсяцемъ, солнцемъ, выше звѣздъ небесныхъ (ѳрѳ турган Кудајым¹⁾) — мой богъ, пребывающій вверху). Путь къ нему лежитъ черезъ семь, а по другимъ версиямъ черезъ девять, препятствій (пўдак). Этотъ путь доступенъ только шаманамъ-мужчинамъ во время камлания. Но шаманъ достигаетъ только пятого препятствія (алтын казык²⁾) — золотой коль и возвращается обратно. Ылган имѣетъ дворецъ (ѳргѳ) съ золотыми воротами и золотой престолъ (алтын шірѳ). По виду онъ представляется человекомъ (Адам Ылган-пї кїжі — мой отецъ Ылган-человѣкъ, начальникъ). Въ молитвенныхъ обращеніяхъ называютъ его: бѣлая свѣтлость (ак Ајас), свѣтлый Ханъ (Ајас Кѳн), грозоносецъ (кўцўртчі), молниеносецъ (јалбынчы) и палящій (кўігѳкчі).

1) Персидское Khudā Bōg.

2) Алтын казык — полярная звѣзда.

Ўлгән — творецъ солнца, луны и всего небеснаго свода:

Алҭ кундҭ јән јәр,
Аі кунум јајаған,
Адам Ўлгән пычыған.

Великое мѣсто съ солнцемъ и луною,
Мѣсяцъ и солнце мое создалъ,
Отецъ мой Ўлгән выкроилъ.

Творецъ радуги (Акі солони сајылған — двѣ радуги его воткнуты);
творецъ головы, рѣсницъ, пуповины: у человѣка, скота, звѣрей; творецъ
пастбища, угодій, жилищъ человѣческихъ.

Тулку сындҭ баштың кудҭн јајаған.
Киндиктҭдҭ јајап салған,
Кірбіктҭдҭ пычып салған.
Айғыр малын јајап пәргән,
Ар тәбәгәзин пычып салған,
Табалҭдә мал јајап пәрәттән,
Тәргәлҭдә јурт јајап пәрәттән.

Создалъ зародыши (кут) головы съ круглымъ туловищемъ.
Создалъ имѣющаго пуповину,
Вырѣзалъ имѣющаго рѣсницу.
Съ жеребцомъ скотъ создалъ,
Велкое пастбище выкроилъ,
На мѣстахъ съ пастбищами создавалъ (намъ) скотъ,
На мѣстахъ со столицами устраивалъ (намъ) жилища.

Ўлгән является творцомъ и огня:

Ўч одынды кудҭрҭп пәргән,
Ўч очоуңды кадан пәргән
Адам Ўлгән!

Возжегшій горячій огонь твой,
Воткнувшій три очага (камня) твоихъ,
Отецъ мой Ўлгән!

Ўлгән обладает божественною силой: управляетъ небесными свѣ-
тилами, производитъ громъ, молнію, посылаетъ дождь, градъ; послѣдній на-
зывается плевками божьими (сіләкәй).

Аіды күндү жалышырган
Ак пудутты ажырган.
Кара аҗаҗты ыткон,
Калбакка, сапкакка кәмдәп калган.

Движущій солнце и луну,
Перекачивающій бѣлыя облака,
Разрушающій черныя тѣса (молшій),
Измѣряль (все) ложкой и совкомъ.

Јалбынчы, Күңүртчи!
Јизірт әдип ігәндә
Јәр јәңис сикінәт.
Јибірт әдип ігәндә
Јат кижидиң
Јал јураги јалырайт.

Молніеносецъ, Громовержецъ!
Когда топнеть (ногою),
Вселенная (земли — мохъ) сотрясается.
Когда дѣлается трескъ (громомъ),
У чужестранныхъ людей (отъ страха) горитъ самое сердце.

О вѣчности Ылган'я и времени поклоненія ему въ камланихъ говорится такъ:

Јәтти адамның кәдүргәши,
Јәр пүдүрдә, јаҗаҗан.
Пажырғаным Паи-Ылган!
Возносимый семью моими поколѣніями,
Творилъ, когда не было земли.
Бай-Ылган, тотъ, кому я поклоняюсь!

Ылган'ю совершаютъ моленія и приносятъ кровавыя жертвы: трехлѣтнюю кобылицу свѣтлой масти, черезъ три, шесть, девять и двѣнадцать лѣтъ. Жертвоприношеніе устраивается непременно весной или лѣтомъ, иногда осенью, и сопровождается полной обстановкой шаманскаго ритуала, при большомъ стеченіи народа. Хозяинъ аила, который приносятъ жертву, его родственики и гости благодарятъ Ылган'я за дарованныя имъ блага и просятъ новыхъ милостей: скота (малдың сузү), дѣтей (кијиниң сузү), удачи на охотѣ (мылтыктың сузү), изобилія молока, ячменя, травы и благополучія своимъ стойбищамъ и всему своему народу.

Обрядъ жертвоприношенія носитъ особенное названіе: устүгү, т.-е.

возпошениѣ духу, живущему на небѣ, а самаѣ жертва называется: на-
рылгы.

б) Сыновья Ыгган'я (Ыгган'ц ҫығары).

Сыновей у Ыгган'я семь: 1) Каршыт, 2) Пура-Кан, 3) Лажыл-Кан,
4) Бурча-Кан, 5) Кара-Куш — орелъ, 6) Пакты-Кан и 7) Ар-Каным.

Сыновья Ыгган'я живутъ на небѣ. Какъ и самъ Ыгган, они причис-
ляются къ добрымъ существамъ Кудаі, но они не равны своему отцу, отъ
котораго они откололись¹⁾, отдѣлились (айрылған).

Каждый сѣк (родъ) имѣетъ родовымъ покровителемъ того или дру-
гого сына. Сыновья Ыгган'я, такимъ образомъ, являются для ахтайцевъ
такими же тѣс'ями, какъ и Ыгган (ару тѣс — чистый тѣс). Имъ прино-
сятъ такія же жертвы, при такой же обстановкѣ и съ такими же молитвами,
какъ и Ыгган'ю.

Особенною популярностью среди ахтайцевъ пользуется старшій сынъ
Каршыт.

Изображеній имъ не дѣлають.

в) Дочери Ыгган'я (Ыгган'ин кыстары).

Дочерей у Ыгган'я девять. Онѣ называются: ак кыстар — кы-
jандар — чистыя дѣвы. Собственныхъ именъ не имѣють.

Во время камланія нѣкоторые шаманы получаютъ отъ нихъ внушенія.

Аі кулагыма, кіжі полўп,
Аідын пайтган йағар!
Моему луновидному уху,
Какъ человѣкъ, все изъясните!

Ихъ изображенія въ видѣ куколъ подшиваются къ спящій шаманскаго
плаща (манjak).

г) Лажык (духъ-посредникъ).

Среди всѣхъ духовъ-посредниковъ первое мѣсто занимаетъ Лажык.
Онъ — духъ-небожитель и часть существа Ыгган'я:

Ајас Каныц улажї,
Аідын кунўц улу.
Доля свѣтлаго Хана (Ыгган'я),
Доля солнца и луны.

Лажыкъ живетъ на землѣ среди людей. Ыгганъ послалъ его съ неба
охранять человѣка отъ всего худого и злого и давать всему жизнь, за что

1) Повидному, въ чисто физическомъ смыслѣ, т.-е. составляютъ отколовшуюся часть
тѣла Ыгган'я, какъ это видно ниже въ опредѣленіи духа Лажык'а, составляющаго «долю
Ыгган'я, долю солнца и луны».

славословится въ молитвахъ, какъ богъ — Кудай. Но главная роль Јајык'а заключается въ посредничествѣ между человекомъ и Ылган'емъ.

Ылган-пиди жарлыкчызы,
Кызыл пулут кујулү,
Кызыңылү тискіндү,
Куба жалын камчылү,
Таңарда тіл алышкан, Ак-Јајык!

Вѣстникъ Ылган'я-біл,
Съ каймой изъ красной тучи,
Съ глухимъ [замкнутымъ] поводомъ изъ радуги,
Съ плетью изъ блѣдной молніи,
На небѣ языкъ (вѣсть, приказаніе) берущій, свѣтлый Јајык!

Јајык у алтайцевъ пользуется особымъ уваженіемъ. Весной, при первыхъ удояхъ кобылицъ, алтайцы дѣлають Јајык'у кропленіе смѣсью толокна съ кобылымъ молокомъ (потко). Обрядъ этотъ называется: Јајык чығарар — поднимать Јајык'а. При этомъ просятъ, чтобы онъ въ наступающій годъ давалъ имъ милости, какъ и прежде.

При совершеніи обряда устүгү, шаманъ призываетъ Јајык'а, который ведетъ его на небо вмѣстѣ съ жертвеннымъ животнымъ. Безъ участія Јајык'а шаманъ восходитъ на небо не можетъ.

Јајык'у изъ бѣлой матеріи дѣлають ленточное изображеніе: изъ ленты вырѣзають голову, уши, руки, ноги и хвостъ. Ноги обшиваютъ красной ленточкой. Изображеніе это, вмѣстѣ съ другими ленточками въ количествѣ двухъ-трехъ десятковъ, прикрѣпляютъ къ волосному бѣлому шпұру, который натягивають между двумя березками и ставятъ на задней части аила.

Үч ужалу Ак-Јајык,
Алтын кырлу Ак-Јајык!

Трехсоставный Ак-Јајык (бѣлый Јајык).
Съ золотыми краями Ак-Јајык!

д) Суйла (Суїла).

Суйла — земной стражъ человека. Имѣеть конскіе глаза (ат карактү Кән-Суїла — съ конскими глазами Хапъ-Суїла); видитъ кругомъ на такомъ разстояніи, которое можно проѣхать въ тридцать дней.

Нѣкоторые шаманы представляютъ Суйлу въ видѣ птицы беркута съ лошадиными глазами (ат карактү мөркүлдүм).

Суйла принадлежитъ къ разряду небожителей и называется «обритками» мѣсяца и солнца (Аі күлүң кыркыны).

Его роль — слѣдить за жизнью людей и сообщать о тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ въ пей. За это его называютъ двуязычнымъ и заикой (äki tiidu Kān-kāla).

Во время камланій Суйла сопутствуетъ шаману на небо и въ нижній міръ, охраняя его отъ несчастій, и вмѣстѣ съ Јајык'омъ ведетъ жертвенное животное въ ту или другую область.

Суйлѣ брызгаютъ виномъ (аракы чачар); другихъ жертвъ ему не приносятъ.

е) Карлыкъ (Карлык).

Карлыкъ — сотрудникъ Суйлы. По выраженію одного шамана, между Суйлой и Карлыкомъ — такая же близкая связь, какъ между мужемъ и женой. Онъ сопутствуетъ шаману при совершеніи обряда жертвоприношеній. При камланіи Карлыку брызгаютъ воду изъ ложки черезъ дымовое отверстие (тундук).

ж) Уткучи (Уткучы).

Уткучи (уткучы букв.: приветливо встрѣчающій) живетъ только на небѣ и является единственнымъ, ближайшимъ посланникомъ Ыгган'я (Ыгган пидің алчизі — посланникъ начальника Ыгган'я). При совершеніи устугу, посылается Ыгган'емъ навстрѣчу шаману, Суйлѣ, Карлыку и Јајык'у въ пятую сферу небеснаго пространства — «золотой колъ» (алтын казык — полярная звѣзда) — и ведетъ здѣсь съ пришельцами земли переговоры. Онъ передаетъ волю Ыгган'я, потомъ беретъ жертвенное животное, которое проводитъ черезъ золотыя ворота къ престолу Ыгган'я.

Шаманъ, при алтын казык'ѣ, получаетъ отъ Уткучи гусей (кас), на которыхъ со своими спутниками возвращается на землю.

з) Духи земли, или горные духи.

Алтайцы выделяютъ духовъ горъ въ совершенно самостоятельную категорию; духи эти не имѣютъ никакого отношенія ни къ Ыгган'ю ни къ Эрлику. Человѣкъ видитъ въ нихъ своихъ благодѣтелей, отъ которыхъ онъ получаетъ земныя блага, и карателей, потому что за непочтеніе къ себѣ они насылаютъ болѣзни.

Благодѣтельность ихъ выражается въ умноженіи скота, въ излеченіи благополучія и здоровья народа, въ устраненіи отъ людей злыхъ духовъ (аза, јак).

Кун абірбас, Кулар-тум,
Аі абірбас, Алын-тум,
Аіап јадар малҗа пїјан пїрган,
Кіндігїбїскя кір салбазы канді?
Кірбігїбїскя јаш салбазы канді?

Кулар-тү (стальная гора) моя, которую не может обойти солнце,
Алтын-тү (золотая гора) моя, которую не может обойти мѣсяцъ,
Дающая милость на перегонный скотъ,
Будетъ ли такъ, чтобы въ пуповину нашу грязь не попадала?
Будетъ ли такъ, чтобы на рѣсницахъ пашихъ не было слезъ?

Выѣшняго образа духовъ алтайцы не представляютъ себѣ ясно; они не знаютъ, кто самъ по себѣ горный духъ: человекъ ли, птица ли, звѣрь ли. Онъ имъ только «внушается» (äbälтїп-jat).

Духи горъ живутъ не въ небесномъ пространствѣ, не въ нижнемъ мірѣ, а въ земной сферѣ, въ той сферѣ, въ которой живетъ самъ человекъ. На этомъ основаніи духовъ этой категоріи алтайцы называютъ: духами воды и земли (jär-су), духами горныхъ ледниковъ (jäзім таіка) и духами горъ (алтаі).

Общее названіе для этихъ духовъ — ä (хозяинъ) и jäзім-ni.

Духи эти строго индивидуализируются и пріурочиваются къ тому или другому мѣсту — горѣ, рѣкѣ, озеру, скалѣ и т. д., являясь, такимъ образомъ, духами мѣстными. Поэтому, географическія названія горъ, рѣкъ, озеръ для алтайца являются не простыми названіями, а собственными именами духовъ. Гора, напримѣръ, Абу-Кан, озеро Сут-кöl, рѣка Ыламъан, скала Ак-каја и т. д. суть не только живыя существа, но и божества, которымъ алтаецъ молится, какъ существамъ, способнымъ проявлять свой гнѣвъ, посылать милость и отвѣчать на молитвы человека. Человѣкоподобныя, эти существа, подобно человѣку, имѣютъ дѣтей.

Такъ, гора Абу-Кан имѣетъ двухъ дочерей, которыя зовутся однимъ именемъ Jälbiс.

Вотъ съ какой молитвой обращается алтаецъ къ этимъ божественнымъ существамъ:

Сумар-Улан таікам,
Сут-кölüm, Сумар-таікам!
Алтын жаргы пәрзін,
Аңар пажым амыр йткәі.

Моя гора Сумар-Улан,
Мое озеро Сут, моя гора Сумар!
Да дастъ золотое рѣшеніе,
Сѣдьющую голову мою да сдѣлаетъ спокойной!

А горы, рѣки, озера, въ свою очередь, отвѣчаютъ:

Ундубаі, таштабаі!
Аңар jүртүн амыр jатсын!

Не забывай, не оставляй (меня)!

Пусть бѣлый народъ твой (јурдуң) въ мирѣ живеть!

Каждая гора, каждое озеро, рѣка и скала имѣютъ золотыя ворота, золотой дворецъ, золотую коновязь.

Алтын ажигиңиң чығып
Аі бозоронды алтап жадым
Алтын өргөнө табышсын тәи,
Алтын чаккына пұлазын тәп.

Выходя изъ золотыхъ твоихъ дверей,
Мѣсяцъ-порогъ твой переступаю (молю),
Чтобы (жертва) вручилась золотому дворцу твоему,
Чтобы привязалась къ золотой коновязи твоей.

Каждый горный духъ является владѣтелемъ только своего района; между отдѣльными такими духами общенія нѣтъ.

Съ другой стороны, каждый родъ (сѣк) алтайцевъ имѣетъ ту или другую гору, рѣку, скалу, озеро, которыя почитаетъ, какъ родового своего покровителя, и называетъ чистымъ тѣс'емъ (ару тѣс). Общее количество родовыхъ тѣс'ей всѣхъ сѣк'овъ довольно велико, а районъ ихъ распространяется за предѣлы Алтая въ Монголію (Сумйр-Улан), на р. Кемчикъ (Алаш, Суткѣ) и другія болѣе сѣверныя мѣстности р. Енисея (Каным).

Обычай чествованія горныхъ тѣс'евъ относится къ глубокой древности и поддерживается до настоящаго времени. Впрочемъ, время почитанія такого тѣс'я алтайцы опредѣляютъ семью поколѣніями, но самый тѣс созданъ, когда сотворена была земля.

Ятти өбөкө пажырын калган,
Ару төзібіс Абу-Кан!
Јар пұдарда јајалып калган төзібіс.

Семь поколѣній поклонялись (тебѣ),
Абу-Ханъ, нашъ чистый тѣс!

Когда сотворена была земля, тогда созданъ былъ (ты), нашъ тѣс.

Духамъ горъ алтайцы приносятъ кровавыя жертвы (кобылицу) и брызгаютъ смѣсью изъ молока и толокна (потко).

Жертвоприношеніе совершается при полномъ шаманскомъ ритуалѣ, но всегда на другой день послѣ устугу (жертвоприношенія Улган'ю или его сыновьямъ). Отдѣльно отъ устугу духамъ горъ кровавыхъ жертвъ не дѣлають.

Служеніе при жертвоприношеніи сопровождается спеціальными шаманскими пѣснями. Изъ этихъ пѣсенъ видно, что шаманъ и шаманка, вмѣстѣ съ жертвеннымъ животнымъ и съ духами: Жа́йык'омъ, Суйлой, Карлыкомъ, проходятъ семь препятствій или дверей (сургак или пудак). Поэтому, пѣсня духамъ горъ носитъ названіе Я́тти А́жіктѹ́ ја́рім-сѹм (земля и вода мои, имѣющіи семь дверей).

II. Мѣны о сотвореніи земли и человѣка.

Землю, на которой мы живемъ, алтайцы называютъ чын ја́р — дѣйствительная земля. Подъ этой послѣдней есть другая земля, гдѣ царствуетъ вѣчный мракъ. Эта область — алтынбу́ы орбѣн (нижній міръ) или алыс ја́р (дальняя земля).

Дѣйствительная земля, въ настоящее время, переживаетъ второй періодъ своего существованія. Начало второго періода алтайцы относятъ къ потопу (жа́йык), о которомъ рассказываютъ такъ.

«Вѣстникомъ наступленія потопа былъ сильный козелъ съ желѣзными рогами (та́мір мѹстѹ́ ко́к-та́кка).

Семь дней бѣгалъ козелъ вокругъ земли и неистово блеялъ.

Семь дней было землетрясеніе.

Семь дней горѣли горы.

Семь дней шелъ дождь.

Семь дней шелъ съ бурей градъ.

Семь дней шелъ снѣгъ.

Послѣ этого наступили морозы.

О наступленіи потопа знали семь братьевъ-праведниковъ. Изъ нихъ старшій былъ Эрликъ, а другой Ы́гдѣн. Ы́гдѣн одаренъ былъ божескими способностями и назывался номчы — книжникъ.

Братья выстроили кя́рѣн — корабль¹⁾, на который взялъ съ собой животныхъ, птицъ и пресмыкающихся по одной парѣ.

Когда кончился потопъ, Ы́гдѣн изъ кя́рѣн'а выпустилъ пѣтуха (такъ), но онъ отъ мороза погибъ. Во второй разъ выпустилъ гуся (кас). Гусь не возвратился въ кя́рѣн. Въ третій разъ Ы́гдѣн выпустилъ ворона (кускун). Воронъ тоже не воротился назадъ, потому что нашелъ трупы и ими питался...

Семь братьевъ-праведниковъ вышли изъ кя́рѣн'а.

1) Алтайцы говорятъ, что кя́рѣн (плотъ) до настоящаго времени сохранился на высокой горѣ Јал-Мѣчкѹ́. Другіе говорятъ — на горѣ Ы́йык, близъ Кош-агач'а.

Ўлгән силою пом — книги мудрости — сталъ творить человѣка. Положилъ синий цвѣтокъ — вѣтренникъ (кѡк чѣчѣк) въ золотую чашку. Старшій братъ Эрликъ похитилъ у него часть цвѣтка и сотворилъ тоже человѣка.

Разгнѣвался Ўлгән на брата и проклялъ его твореніе, сказавъ: «Кара каиш курлұ, кара албаты ползын сенін јајаган албаттың! — пусть будетъ сотворенный тобою народъ черный и опоясанъ чернымъ ремнемъ», и далѣе: «Мой народъ бѣлый пойдетъ на восходъ солнца, а твой народъ черный — на западъ».

Черный народъ покрылъ кругъ кожей (бубень) и первый сталъ камлать на землѣ.

По другому разсказу, Ўлгән создалъ тѣла человѣческія и послалъ ворона къ Кудая — Высшему божеству — просить душъ для своего творенія. Воронъ полетѣлъ на небо.

Кудай далъ ворону души. Воронъ зажалъ ихъ въ клювъ и полетѣлъ обратно.

Путь былъ дальній, воронъ почувствовалъ голодъ.

Пролетая надъ землей, воронъ увидѣлъ трупъ верблюда. Голодъ тянулъ его къ трупу, но онъ пролетѣлъ мимо него... Совсѣмъ-было сталъ уже забывать свой голодъ, но вдругъ встрѣчаетъ новый трупъ, трупъ лошади. Къ нему возвращается голодъ еще съ бѣльшей силой. Но воронъ пролетаетъ мимо и этого трупа; однако, почувствовалъ, что силы его оставляютъ.

Летить воронъ далѣе, напрягая ослабѣвшія свои крылья, и на пути встрѣчаетъ третій трупъ: лежитъ корова, а голубые ея глаза манятъ къ себѣ.

Тутъ потерялъ воронъ самообладаніе и отъ восторга крикнулъ: ахъ, какіе глаза!

Души изъ клюва вывали и разсыпались, упавъ на хвойные лѣса: сосны, кедры, ели, пихты и можжевельникъ. Отъ этого деревья эти стали зеленѣть зиму и лѣто.

Въ то время, когда воронъ леталъ на небо, Эрликъ ночью выходилъ изъ своего подземелья на землю.

Онъ увидѣлъ на землѣ новый дворецъ (бѣргѣ) и тихо подкрался къ нему. Во дворцѣ лежали тѣла людей, которыхъ создалъ Ўлгән. Опасаясь Эрлика, Ўлгән поставилъ сторожить у дверей дворца собаку. Собаки раньше не имѣли шерсти, а были голыя, какъ и человѣкъ. Эрликъ и говоритъ собакамъ: «пусти меня во дворецъ, дамъ тебѣ за это пѣкаі (старую шубу), и ты не будешь мерзнуть. Дамъ тебѣ пищу, отъ которой не будешь чувствовать голода цѣлый мѣсяцъ».

Соблазнилась собака и пустила Эрлика во дворецъ.

«Все это будетъ моимъ достояніемъ», сказалъ Эрликъ и вдунулъ въ тѣла свою душу.

Тѣла ожили. Тутъ были дѣти, юноши, дѣвицы, мужчины, женщины, старцы и старухи.

Такъ на землѣ появились люди.

Эрликъ имѣлъ ружье, которое заряжалось бездымнымъ порохомъ. Каждую ночь выходилъ Эрликъ на землю и убивалъ людей, а души ихъ забиралъ къ себѣ. При этомъ красавицъ онъ дѣлалъ поварихами (казанчы), а юношей стремливыми (кѣдѣчи). Улгѣн сталъ замѣчать, что изъ его дворца убываетъ народъ. Тогда онъ незамѣтно всыпалъ въ пороховницу Эрлика другой порохъ. Эрликъ ночью выстрѣлилъ изъ ружья. Раздался оглушительный гулъ. Эрликъ испугался, бросилъ изъ рукъ ружье, а самъ ринулся въ подземную пропасть.

Съ тѣхъ поръ не сталъ самъ выходить на землю, а отправляетъ за душами своихъ посланниковъ (аічі).

Когда-то Эрликъ ѣздилъ на бѣломъ конѣ, но отдалъ его Высшему бо-жеству за душу богатыря. Но Высшее божество обмануло его и, вмѣсто души, дало ему чернаго быка, велѣвъ садиться на быка лицомъ назадъ и погонять, вмѣсто плети, аі малта (луновиднымъ топоромъ).

На этомъ основаніи алтайцы приносятъ въ жертву не лошадь, а всегда черной масти быка или корову.

III. О душахъ, духахъ умершихъ и шаманахъ.

По воззрѣніямъ алтайцевъ, человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души.

Тѣло человѣка они называютъ: кіжінін аді, сѣгү и каны — мясо, кости и кровь.

Жизненная способность тѣла, проявляющаяся въ одушевленности, дыханіи, ростѣ, опредѣляется терминомъ: тын. Эта способность свойственна не только человѣку и животнымъ, но и всему органическому міру.

Попятіе души, въ собственномъ смыслѣ слова, выражается терминомъ: сунй. Эта послѣдняя присуща какъ человѣку, такъ и животнымъ.

У Сунй человѣка при жизни можетъ отдѣляться отъ тѣла и витать по горамъ, долинамъ, степямъ. Её могутъ видѣть лсновидцы — кѣспѣкчі. Этой способностью рѣдко обладаютъ обыкновенные люди: она чаще — достояніе шамана, а иногда собаки. Сунй представляется взору кѣспѣкчі на дальнемъ разстояніи въ видѣ фигуры настоящаго человѣка со всѣми особенностями его физическаго облика и одѣяніи. Собака о присутствіи сунй даетъ знать тревожнымъ продолжительнымъ лаемъ. Видѣніе сунй какого-нибудь чело-вѣка предвѣщаетъ близкую смерть послѣднего.

Другой видъ души, какъ самостоятельнаго существа, носятъ названіе ула; это — двойникъ человѣка или животнаго. Јула, какъ и сунй, отдѣляется отъ реальнаго живого существа и можетъ жить самостоятельно внѣ

своего обладателя. Јула может видѣть вслѣдїи; это они являются человѣку въ сновидѣніяхъ. Јула большую роль играютъ при камланїи; когда шаманъ (или шаманка) совершаетъ свои путешествія въ область подземнаго царства (алтынды орби) или на небо (тапйра), то въ дѣйствительности странствуютъ не онъ самъ и его жертва, а его двойникъ вмѣстѣ съ двойникомъ жертвеннаго животного.

Въ загробной жизни играетъ роль только сунѣ.

Смерть человѣка наступаетъ по двумъ причинамъ: благодаря простой алчности Эрлика или вслѣдствіе приговора суда, совершаемаго сообща Эрликомъ и Ыгдѣемъ. Такой судъ происходитъ въ особомъ мѣстѣ, называемомъ кара тѣнѣш — черный пещъ, на границѣ владѣній Эрлика и Ыгдѣя. Смерть, причиненная алчностью Эрлика, считается неестественной и преждевременной; отъ нея есть возможность избавиться приношеніемъ жертвъ Эрлику. Вторая смерть считается предопредѣленной судомъ (ярды), и избавиться отъ нея нѣтъ никакой возможности. Въ моментъ смерти сунѣ отдѣляется отъ тѣла человѣка и принимаетъ видъ прозрачнаго пара — сунѣзїнѣ узуду или просто узут. За порогомъ жизни она вступаетъ въ другой міръ, который алтайцы называютъ пашка яр — другая земля. Тамъ её встрѣчаетъ посланникъ Эрлика алдачы — духъ смерти, котораго нѣкоторые алтайцы, для болѣе яснаго представленія, называютъ русскимъ именемъ «сотникъ» — сотник. Этотъ алдачы есть душа ранѣ умершаго человѣка, непремѣнно ближайшаго родственника покойнаго.

Сунѣ и алдачы послѣ смерти человѣка живутъ нѣкоторое время около юрты и въ кругу оставшихся родственниковъ; при этомъ душа ребенка живетъ семь дней, а душа взрослого — сорокъ дней. Въ теченіе этого срока аялъ или домъ, въ которомъ умеръ покойникъ, подвергается цѣлому ряду запретовъ. Такъ, шаманы въ теченіе сорока дней не входятъ въ жилище, опасаясь осквернить себя вслѣдствіе тайнаго присутствія въ аялѣ алдачы, а простой народъ до семи сутокъ не вноситъ въ жилище вещей, взятыхъ отъ другихъ, и не даетъ таковыхъ изъ своей юрты. Кромѣ того, въ этотъ періодъ считается предосудительнымъ просить чего-либо у хозяина аяла, гдѣ былъ покойникъ.¹

(По истеченіи сорока дней жителями аяла устраиваются поминки узут наирамы¹⁾). Въ этихъ случаяхъ колютъ скотину и варятъ мясо, которое за общимъ столомъ все съѣдаютъ. Старики и старухи читаютъ короткія импровизированныя молитвы въ родѣ слѣдующей: Арткан журтѣна пала парказына јакшы ползын, ѳгѳп сунѣзїнѣ арѣ ползын (оставшемуся народу и милымъ дѣтямъ на здоровье да будетъ, умершей душѣ чистымъ да будетъ). Шаманъ не принимаетъ активнаго участія въ общемъ моленіи на

1) Наирам — персидское баирам — «праздникъ».

поминкахъ; онъ иногда особо приглашается хозяиномъ юрты и съ куреніемъ арчын'а (можжевельника) выгоняетъ алдачы изъ юрты словами:

На бѣлый свѣтъ не приходи,
Теперь снова не направляйся!
Пусть утихнетъ (тебя) Ал-Ча́йык,
Отецъ Эрликъ съ мохнатыми волосами
пусть держитъ (тебя).
Такое худое «нѣчто»
На эту землю не опуская,
Богъ устранитъ его.
Это худое (алдачѣ) пусть держатъ Эрликъ
и не отпускаетъ (отъ себя).

Обрядъ изгнанія алдачы изъ дома намъ пришлось видѣть въ вершинѣ р. Маймы, въ домѣ В. В. Купац. Его совершалъ шаманъ Санырь. Обрядъ этотъ можетъ совершать и самъ хозяинъ аила.

Теперь перехожу къ судьбѣ души въ загробной жизни.

Душа, по вѣрованію алтайцевъ, считается безсмертной: мѣнку бол-бон тыным канді! — Что будетъ съ безсмертной душой моей? — спрашиваетъ себя алтаецъ.

Въ загробной жизни душа всякаго человѣка безъ различія дѣлается кѣрмѣс'омъ. Этимъ именемъ, какъ мы видѣли выше, алтайцы титулуютъ Эрлика¹⁾ и всѣхъ его духовъ, равно какъ души всѣхъ умершихъ людей.

Участь кѣрмѣс'овъ — душъ умершихъ въ загробной жизни — бываетъ различная въ зависимости отъ добрыхъ и худыхъ дѣлъ человѣка. Такъ, душа хорошаго человѣка послѣ смерти живетъ на землѣ — пу јардѣ тујат, пользуясь всѣми благами земными. Земля, такимъ образомъ, дѣлается ея раемъ, и пребываніе на ней по смерти считается самымъ лучшимъ положеніемъ для души.

Душа порочнаго человѣка, наоборотъ, за свои дѣла наказывается тѣмъ, что лишается возможности оставаться на землѣ и идетъ въ нижній міръ къ Эрлику — отко парып-јат (идетъ въ огонь). Такая душа, съ момента своего перехода въ загробную жизнь, дѣлается слугою Эрлика — а́лчі, приноситъ людямъ вредъ и болѣзни и старается увлечь кого-нибудь изъ родственниковъ въ его царство.

1) По мнѣнію В. В. Радлова, терминъ кѣрмѣс образовался двоякимъ образомъ: 1) отъ тюркскаго кѣрмѣс (кѣрмѣс) — невидимка и 2) въ видѣ искаженія термина Ормуздъ, который въ тюркско-манихейскихъ памятникахъ обозначается словомъ Хормуздъ, Кормуздъ, какою-то терминъ алтайцы по созвучію смѣшали со своимъ терминомъ кѣрмѣс. Поэтому, терминъ этотъ понимается въ двухъ отличныхъ значеніяхъ: въ одномъ имъ обозначается понятіе духа умершаго, въ другомъ — бога подземнаго міра, Эрлика.

Оставшіеся послѣ покойника въ живыхъ родственники въ первое время, когда душа пребываетъ еще на землѣ, живутъ подъ тяжелымъ чувствомъ страха за свое благополучное существованіе, а случайныя за этотъ періодъ времени несчастія часто даже вынуждаютъ родственниковъ умершаго переселиться на другое мѣсто, чтобы избавиться отъ назойливыхъ дѣйствій кѣрмѣс'а. Такъ, Санаш, алтаецъ съ Усть-Аноса, переселился въ Акъ-Айры, потому что вскорѣ послѣ смерти его молодой жены умеръ ребенокъ и погибли двѣ лучшихъ лошади, упавши съ мостковъ въ рѣку. Перекочевка послѣ смерти кого-нибудь изъ родственниковъ за послѣднее время мало практикуется среди алтайцевъ, потому что разорительно отзывается на хозяйствѣ.

Къ категоріи кѣрмѣс'овъ — душъ, имѣющихъ право существовать на землѣ послѣ смерти — алтайцы относятъ всѣхъ безъ исключенія шамановъ. Когда мы, однажды, предложили шаману Мампыю вопросъ о томъ, дѣйствительно ли послѣ смерти его душа будетъ обитать на землѣ, онъ утвердительно отвѣтилъ: «А, пістің анді жаң (да, у насъ такая вѣра); я, какъ и другіе шаманы, послѣ смерти станемъ кѣрмѣс'ами; тѣло наше сгніетъ, а душа будетъ жить на землѣ».

Относительно духовъ-кѣрмѣс'овъ умершихъ шамановъ имѣются слѣдующія представленія.

Прежде всего, всѣ умершіе шаманы суть чистые духи — арӯ нѣмй. Духъ шамана, на третій или седьмой день послѣ смерти, является къ своимъ родственникамъ и о своемъ таинственномъ присутствіи даетъ знать глухими ударами бубна, раздающимися въ ночной тишинѣ за юртой или въ лѣсу. Послѣ этого, какъ рассказываетъ шаманъ Сапырь, духъ порываетъ всякую связь съ царствомъ Эрлика и вводится покойными родственниками въ рядъ духовъ арӯ нѣмй. Послѣ смерти шамана, изготовляютъ его изображеніе (чалӯ); приглашенный хозяиномъ аила шаманъ кропитъ новое изображеніе чистымъ виномъ — аракы, произнося при этомъ особую молитву. Съ этого момента изображеніе подвѣшивается въ аилѣ на почетномъ мѣстѣ и дѣлается религіозной принадлежностью, а духъ умершаго шамана становится арӯ нѣмй.

Образъ умершаго шамана преслѣдуетъ воображеніе человека всюду: дома, въ горахъ, въ тайгѣ и во снѣ. Эти явленія происходятъ чрезъ три, пять, семь, десять лѣтъ послѣ смерти шамана. Человеку слышится голосъ и цѣлый разговоръ покойнаго. Духъ приказываетъ приносить ему жертвы, а за ослушаніе наводитъ на человека страхъ и болѣзни. Чтобы оградить себя отъ навязчивыхъ образовъ, родственники умершаго шамана устраиваютъ послѣднему качылбӯ или саба, дѣлаютъ его изображеніе и вводятъ въ число своихъ духовъ-кѣрмѣс'овъ — арӯ нѣмй.

Такъ составляется у алтайцевъ сонмъ духовъ-кѣрмѣс'овъ, занимающихъ большое мѣсто въ шаманизмѣ.

Всю категорію этихъ духовъ можно справедливо назвать духами плоти и крови человѣческой. Это — духи кровнаго родства и снѣйства. Родословная любого алтайца по прямой линіи отца и матери даетъ возможность установить тотъ фактъ, что каждое семейство алтайца въ корнѣ своего рода имѣетъ въ большинствѣ случаевъ умершаго шамана. †

Свою родословную по восходящей линіи отца или матери алтайцы ясно представляютъ и передаютъ до седьмого поколѣнія. Лишь дальнѣйшаго поколѣнія алтайцы болѣе называть. По ихъ убѣжденію, лица дальѣе седьмого поколѣнія когда-то принадлежали къ Ойротскому царству, и называть ихъ имена считается предосудительнымъ для русскаго царя. Поэтому, старые люди, какъ болѣе свѣдущіе въ этомъ вопросѣ, часто намѣренно умалчиваютъ объ нихъ. Родословныя ясно показываютъ, что духи — арӯ нѣмѣ — по отношенію къ извѣстному семейству являются братьями, дядями, тетками, свояками и дѣдами.

Число кѣрмѣс'овъ «арӯ нѣмѣ» въ каждомъ семействѣ колеблется между тремя и шестью, а взятые всѣ вмѣстѣ насчитываются цѣлыми сотнями.

Количество кѣрмѣс'овъ исчисляется съ мужеской и женской стороны. Дѣло въ томъ, что мужъ и жена, при бракосочетаніи, каждый въ отдѣльности приносятъ съ собой изъ дома родителей изображенія своихъ родовыхъ кѣрмѣс'овъ. Изображенія кѣрмѣс'овъ мужа подвѣшиваются въ аилѣ на жерди съ мужской стороны, а кѣрмѣс'ы жены — на той же жерди съ женской стороны. Тутъ происходитъ первое объединеніе кѣрмѣс'овъ двухъ семействъ. Въ дальнѣйшемъ дѣти, пріобщившись къ кѣрмѣс'амъ отца и матери, при своемъ бракосочетаніи, въ свою очередь, къ общимъ кѣрмѣс'амъ своихъ родителей присоединяютъ новыхъ кѣрмѣс'овъ и т. д.

При разсирѣсахъ о кѣрмѣс'ахъ алтайцы обыкновенно не преминутъ добавить: ну адымныцъ кѣрмѣзѣ, ну адымныцъ (это — кѣрмѣс моего отца, а это — моей матери).

Алтайцы дѣлятся на родовыя группы — сѣк'и (кости). Каждая кость исчисляется десятками сотенъ человѣкъ. Несмотря на такую большую численность сѣк'а, члены одной кости до сихъ поръ не берутъ себѣ женъ изъ своего собственнаго сѣк'а, а непременно изъ другого. Когда же видятъ нарушеніе этой нормы, которое наблюдается, напримѣръ, среди новокрещеныхъ, то возмущаются этимъ обстоятельствомъ и недоумѣваютъ, почему въ церковныхъ бракахъ допускается кровосмѣшеніе? У каждаго сѣк'а есть свои собственные духи. Родовому припису подчиняются и духи-кѣрмѣс'ы. Но когда сѣк'и рождаются между собой, этимъ путемъ вводятъ въ родство и

своихъ кѳрмѳс'овъ. Отсюда естественно видѣть, напримѣръ, въ семействѣ сѳк'а Тонжѳндор — кѳрмѳс'овъ Чантылар'овъ и наоборотъ.

Судя по этому, въ каждомъ аилѣ должно бы накопиться огромное число кѳрмѳс'овъ. Но этого, однако, не наблюдается. У алтайцевъ не считается предосудительнымъ произвольно сокращать число кѳрмѳс'овъ. Сокращеніе это зависитъ отъ расположенія или нерасположенія къ тому или другому кѳрмѳс'у. Чаще всего выпадаютъ кѳрмѳс'ы женской половины; эти послѣдніе не пользуются особеннымъ уваженіемъ отца семейства. Такъ, на р. Чічкѳ-Чаргы темичи (староста) Астын не зналъ даже именъ кѳрмѳс'овъ своей жены и называлъ ихъ по-русски «приданое жены», имѣя въ виду то, что изображенія кѳрмѳс'овъ жены всегда привозятся къ аилу мужа съ другимъ ея имуществомъ.

Духи-кѳрмѳс'ы «ару нѳймъ» у алтайцевъ раздѣляются на большихъ и малыхъ. Большихъ они называютъ улу кѳрмѳс; для малыхъ особыхъ названій нѣтъ, исключая таїдалар, кан адалар предки по матери, предки по отцу (кровные), а всѣхъ вообще — озофы адалар (прежніе отцы).

Одипъ изъ самыхъ популярныхъ кѳрмѳс'овъ у сѳк'овъ «алтаї кіжі, Маїмалар кіжі» считается Курмуш, а у «Туба кіжі» — черневыхъ алтайцевъ — Каным¹⁾.

Эти два кѳрмѳс'а находятся въ исключительномъ положеніи: они, при бракосочетаніи, не приносятся женой въ аилъ мужа, — право имѣть таковыхъ остается только за этимъ послѣднимъ.

Въ юртѣ Курмуш и Каным главенствуютъ среди всѣхъ остальныхъ кѳрмѳс'овъ, а изображенія ихъ въ аилѣ занимаютъ центральное мѣсто, какъ самое почетное.

О болѣе древнихъ духахъ-кѳрмѳс'ахъ (озофы кам) у алтайцевъ имѣются рассказы въ видѣ житій (јурѳм). Рассказы эти — короткіе; въ нихъ отмѣчается много случаевъ чудеснаго характера.

Такъ, наприм., шаманъ Тосгогошъ, когда былъ по распоряженію хана подоженъ въ юртѣ изъ камыша, чудесно вылетѣлъ въ отверстіе юрты и остался невредимъ.

Шаманка Кана, съ береговъ р. Аланна на Кемчикѣ (нынѣ Сойотская земля), чудесно перелетѣла въ Алтай на р. Кошшу, гдѣ и осталась жить.

Шаманъ Качы, силою своихъ молитвъ, низводилъ въ лѣтнее время на землю снѣгъ и градъ въ видѣ большихъ лдынь. При своихъ камланіяхъ доходилъ до престола бога (Кудаї) и названъ за это сыномъ божьимъ.

Подобные рассказы живутъ въ народной памяти алтайцевъ стариковъ и старухъ и передаются въ разныхъ мѣстахъ въ разныхъ вариантахъ.

1) Такъ называется и 7-ой сынъ Ыган'а.

Духовъ-кѣрмѣс'овъ алтайцы называютъ бістін кудаілар — нашихъ боги.

Ихъ воля по отношенію къ человѣку проявляется въ воздѣйствіяхъ черезъ болѣзни: корь, осну, трахому, сифилисъ, гнойныя раны, опухоли, а также вообще въ причиненіи различныхъ бѣдствій человѣку и животнымъ.

У алтайцевъ никогда не существовало народной медицины, какъ у ихъ сосѣдей-монголовъ; они не знали лѣченія травами, солями и т. п. средствами. Во всякой болѣзни они видятъ проявленіе воли духовъ.

Старый шаманъ Јастакон, указывая на исхудалую фигуру своей жены, тоже старухи, говорилъ, что двадцать лѣтъ ее мучаютъ духи. Онъ много молился о здоровьѣ жены самъ, а теперь пригласилъ для той же цѣли популярнаго шамана Мамныя. «Богъ знаешь, что будешь», — закончилъ онъ свою рѣчь по-русски.

Другой шаманъ Пупыілаң не соглашался давать намъ показанія о кѣрмѣс'ахъ, потому что они его мучать, и у него третій день жаръ и головная боль.

Въ Ашіякту, въ аялѣ Кара-Мамак'а, лежала женщина; на нее кѣрмѣсы наслали глазную болѣзнь. Въ нашемъ присутствіи надъ ней камлалъ молодой шаманъ Тебекей и приносилъ умилоостивительную жертву кѣрмѣс'у Ондііак'у.

Въ вершинѣ р. Кујум'а три дня женщина мучилась родами. Къ ней пригласили шамана Моштоя, который камлалъ двѣ ночи, изгоняя болѣзнь, посланную кѣрмѣс'омъ.

Шаманъ Кяйдяміі рассказываетъ, что пять лѣтъ онъ безумствовалъ: впадалъ въ безпамятство и выкривалъ имена кѣрмѣс'овъ, которые, по его личному убѣжденію и убѣжденію матери и жены, наводили на него болѣзнь.

Въ вершинѣ р. Чічкй намъ пришлось видѣть алтайца Шаркоп, цѣлующаго на видъ, но психически ненормальнаго. Три года какъ мучать его духи. Въ тихомъ умонѣшительствѣ цѣлыми днями съ кѣмъ-то разговариваетъ, раскидываетъ руками, киваетъ головой, иногда въ такомъ состояніи читаетъ шаманскія молитвы. Во время припадка потъ съ него катится градомъ. При первомъ окликѣ Шаркоп приходитъ въ сознаніе и здраво разсуждаетъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ надеждѣ получить какое-нибудь лѣкарство отъ своей болѣзни.

Въ вершинѣ р. Кујум'а, шаманъ Чѣчүш въ болѣзненномъ припадкѣ убѣжалъ тайно изъ своего аяла; двое сутокъ бродилъ по вершинамъ горъ, а на третій день его нашли за пятнадцать верстъ, въ вершинѣ другой рѣчки, уже мертвымъ и обнаженнымъ. Алтайцы объясняютъ, что Чѣчүш'а задавили духи-кѣрмѣсы.

Въ Чибитѣ, на тракту Чуйской дороги, намъ жаловалась шаманка Куитукъ, что ее мучать кѣрмѣс'ы, протискиваются въ ея аягъ, жуютъ ей руки и ноги, и она отъ этого хвораетъ.

Такимъ образомъ кровные духи-кѣрмѣс'ы чаще всего играютъ роль злыхъ духовъ, враждебныхъ благополучію человѣка.

Но это обстоятельство не нарушаетъ связи между алтайцемъ и его духами.

Алтаецъ безропотно подчиняется произволу и капризнымъ проявленіямъ своихъ кѣрмѣс'овъ, но въ то же время ищетъ средствъ, чтобы избавиться отъ злыхъ умысловъ своихъ предковъ. Духи, по убѣжденію алтайца, испосылаютъ бѣдствіе, — болѣзнь, напр., — ожидаютъ отъ человѣка выкупа, даровъ, и онъ охотно даетъ имъ ихъ въ видѣ различныхъ жертвоприношеній. Этотъ жертвенный выкупъ носитъ особое названіе: толѹ.

Случаи выздоровленія больного, послѣ жертвоприношенія, истолковываются такъ, что жертва удовлетворяетъ духовъ. Послѣ выздоровленія больного алтайцы переживаютъ радостныя настроенія. Съ такими переживаніями намъ пришлось встрѣтить шамана Моштол, который самъ, безъ нашего къ тому повода, заявилъ намъ, что женщина, о которой онъ молился, благополучно разрѣпилась отъ бремени. Другой шаманъ, Јастакон, съ чувствомъ радости сообщилъ, что его больная жена, раньше не встававшая съ постели, послѣ камланія ходить и чувствуетъ себя довольно бодро.

Камъ Мампий рассказывалъ намъ нѣсколько случаевъ изъ своей практики, когда, послѣ его молитвы съ жертвоприношеніемъ, больные избавлялись отъ болѣзни духовъ-кѣрмѣс'овъ и выздоравливали.

Но не всегда послѣ жертвоприношенія наступаетъ выздоровленіе; бываютъ обратные случаи: больному дѣлается хуже и хуже. Больной, однако, продолжаетъ лѣченіе, — переходитъ отъ одной жертвы къ другой, отъ одного кѣрмѣс'а къ другому, усугубляетъ молитвы и постепенно увеличиваетъ цѣнность приносимой жертвы. Въ такихъ случаяхъ богатое семейство приносить въ жертву до семи скотинъ, а бѣдное — до пяти. Но эта норма, по мѣрѣ надобности, увеличивается и иногда доводитъ больного до полного разоренія. При упорной и продолжительной болѣзни наблюдаются такіе случаи, когда больной за лѣченіемъ обращается къ русскимъ знахарямъ или крестится.

Но не одно зло несутъ алтайцамъ кровные кѣрмѣс'ы; они являются въ то же время и благодѣтелями, помощниками въ борьбѣ съ другими злыми духами. Дѣло въ томъ, что, кромѣ кровныхъ кѣрмѣс'овъ категоріи арѹ ніймъ, человѣка окружаютъ другой кадръ духовъ, злыхъ духовъ по преимуществу, духовъ, которые исключительно только работаютъ на погубель людмъ. Алтайцы строго отличаютъ ихъ отъ категоріи кровныхъ чистыхъ ду-

ховъ и называютъ јаман көрмөстөр (злые көрмөс'ы). Эти духи суть души умершихъ людей. По рассказамъ алтайцевъ, злые көрмөс'ы разсѣяны по всей землѣ, хотя главное мѣстопребываніе ихъ — нижній міръ (алтынғы орбн). О злыхъ көрмөс'ахъ алтайцы боятся говорить и, во избѣжаніе непріятностей, называютъ ихъ «нѣчто земное» (јәрдің нәмә). Ихъ особенно много около аяловъ. При всякомъ удобномъ случаѣ, они протискиваются незамѣтно въ жилище и прячутся отъ арӯ көрмөс'овъ за сумы, кровать и другіе предметы обстановки аяла.

Злые көрмөс'ы не любятъ шиповника и другихъ колючихъ растений и разсыпаются по темнымъ мѣстамъ, когда на небѣ раздается громъ и сверкаетъ молнія.

Это — воинство Эрлика; оно находится въ его непосредственномъ распоряженіи. Алчный Эрликъ, желая воспользоваться душой человѣка, которая, по праву творца принадлежитъ ему, посылаетъ за нею злыхъ көрмөс'овъ на землю. Но они часто пожираютъ человѣка для своего личнаго удовлетворенія.

Среди көрмөс'овъ этой категоріи есть титулованныя особы, напр., Ак-Јазаң, бывшій киргизскій полководецъ давняго прошлаго.

Съ этими злыми духами арӯ көрмөс'ы ведутъ борьбу, охраняя благополучіе и жизнь человѣка. Такъ, арӯ көрмөс'ы изгоняютъ ихъ изъ жилища, а когда они вселяются въ человѣка и мучаютъ его, тогда шаманъ, съ помощью арӯ көрмөс'овъ, выгоняетъ ихъ изъ больного.

Какъ своихъ хранителей и хранителей аяла, алтайцы называютъ за это арӯ көрмөс'овъ: алапчыктың сакчызы «стражъ юрты», и обращаются къ нимъ съ соответствующими молитвами, напримѣръ:

Арман ағаш алу,
Үч ужалу Паі-Күрмүш!
Ада болуп сакыған,
Айып болуп күдүп калған.
Аяты айрыдың кујағы!
Јазы јәрдің јаманына јол пәрбәйттәи.

Трехсуставный Бай-Кюрмюшъ,
Имѣющій хозяиномъ красное дерево!

Будучи отцомъ, охраняешь,

Какъ жеребецъ — стадо пасешь.

Ты — броня шести развилинъ (аяла)!

Худому (злымъ духамъ) изъ степныхъ мѣстъ

заграждаешь путь.

Большую услугу оказываютъ человѣку арӯ көрмөс'ы еще въ роли посредниковъ между верховными существами и другими духами.

Съ духами трехъ міровъ алтайцы входятъ въ сношеніе только черезъ посредство своихъ духовъ арӯ иймә, — другого пути къ общенію нѣтъ. Къ нимъ обращаются при болѣзняхъ, при эпидеміяхъ на скотъ, при выѣздѣ изъ своего аила, при слѣдованіи и возвращеніи съ охоты, во время орѣховаго промысла и т. д. Эти случаи обращенія повторяются почти повседневно, особенно весной и лѣтомъ. Весна и лѣто вызываютъ у алтайцевъ чувство благодарности къ Ыгәһ'ю, его сыновьямъ, уважаемымъ көрмөс'амъ и духамъ горъ.

О посредничествѣ духовъ арӯ көрмөс'онъ съ особенною ясностью говорятъ ритуаль камланія.

Это послѣднее начинается всегда съ обряда кропленія виномъ изображеній арӯ көрмөс'овъ (аракы чачар или чачылҕы). Обрядъ совершаютъ приглашенные шаманъ или шаманка, или же самъ хозяинъ аила.

При кропленіи говорятъ.

Аскап казаның урсу (?), чөк!
Ачү аштың такү, чөк!
Калбак-пыла сузүндү, чөк!
Кара аракы сузаттү, чөк, Кайракан!
Ак-иг пурул піскә полүш, чөк!
Ак манҗаҕы төгүлҕан,
Алт'он козо јүктәинҕан.
Ыбүрәктү куш-пөрүк,
Үч ујәлү ак манҗак, чөк!
Ак чачылҕа тәңдәлҕин.
Азүлү томдолүп,
Мунаң алып амзап тур!
Аскап казаның тадызы!
Лучшее вино подвѣшеннаго котла, чөк!
Заломъ горькаго хлѣба, чөк!
Питье мѣрою ложки, чөк!
Черное вино твой водоной, чөк, Кайракань!
Сѣдой Акъ-Ить, намъ помогай, чөк!
Бѣлый манҗак рассыпается,
На плечахъ шестьдесятъ бубенцовъ.
Куш-пөрүк съ Ыбүрәк'омъ,
Трехсоставный бѣлый манҗак, чөк!
Бѣлая чачылҕа приравняется.
Пусть жертвуется имѣющему клыки (зубъ),
Отъ всего бери и пробуй!
(Это) питье отъ подвѣшеннаго котла, чөк!

Непосредственно за этим обрядом слѣдуетъ другой, болѣе торжественный обрядъ — созываніе арӯ көрмөс'овъ для бесѣды наединѣ съ шаманомъ. Созываніе пазывается: көрмөстү кагып јат и совершается, въ большинствѣ случаевъ, въ темную ночь, при полной обстановкѣ шаманскаго ритуала.

За созываніемъ слѣдуетъ выслушиваніе духовъ — ым санап јат и тайнал бесѣда о томъ, чего они сами хотятъ отъ человѣка или чего хотятъ другіе духи. Арӯ көрмөс'ы даютъ соотвѣтствующіе совѣты относительно дальнѣйшихъ дѣйствій для умилоствленія того или другого духа.

При этомъ отвѣты духовъ шаманъ произноситъ пониженнымъ глубокимъ голосомъ.

Выслушиваніе арӯ көрмөс'овъ представляется алтайцу столь естественнымъ, что непонимающіе православныхъ служеній часто предлагали намъ вопросъ: «а что отаѣчаютъ ваши духи, когда молится священникъ?»

По окончаніи обряда тайной бесѣды, всѣ присутствующіе въ аилѣ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ отъ шамана отвѣты көрмөс'овъ. Первый задаетъ вопросъ обычно хозяинъ аила. Шаманъ детально рассказываетъ результаты своихъ переговоровъ съ духами. На ряду съ утѣшительными отвѣтами приходится нерѣдко передавать присутствующимъ и отвѣты непріятные.

Тяжелую картину намъ пришлось наблюдать въ поселеніи «Сайдысть», когда шаманка Өлбичі сообщила присутствующимъ, что духи шлютъ угрозы ея аилу и намѣрены послать смерть на одного изъ членовъ ея семейства. Всѣхъ охватилъ ужасъ и раздался плачъ.

Въ другихъ случаяхъ помощь арӯ көрмөс'овъ является необходимой при сношеніяхъ съ духами неба и подземнаго міра, путь къ которымъ загражденъ препятствіями. Препятствія эти подробно описываются въ камлапихъ. Шаманъ побѣждаетъ всѣ препятствія исключительно только съ помощью арӯ көрмөс'овъ. Во время путешествія они являются живой силой и охраняютъ шамана отъ опасностей, ведутъ борьбу со злыми духами, встрѣчающимися въ пути. Арӯ көрмөс'ы невидимо облачаютъ собой шамана: сидятъ на его плечахъ, на головѣ, на рукахъ, на ногахъ, въ различныхъ направленіяхъ опоясываютъ его станъ и въ призываніяхъ именуются за это *броней* или *обручемъ* (курчү).

Сопутствующихъ арӯ көрмөс'овъ у одного шамана бываетъ больше, у другого меньше. Большой шаманъ (јап кам) имѣетъ ихъ до десятка, малый шаманъ (кічәнәк кам) имѣетъ ихъ два, три, а иногда только одного.

Во главѣ всѣхъ духовъ, составляющихъ шаманскую бронею, стоитъ всегда лѣтний, кровный духъ-покровитель, отъ котораго шаманъ ведетъ свое происхожденіе.

То или другое число арӯ көрмөс'овъ шаманской брони находится въ зависимости отъ индивидуальности шамана, отъ его внутренней силы. Шаманъ, обладающій большой силой, можетъ притягивать (тартынып јат) къ себѣ многихъ духовъ.

Намъ рассказывали въ вершинѣ Оюса, что шаманка Сата по недоразумѣнію въ настоящее время пользуется популярностью, ибо многихъ духовъ ея «притянула» (тартынып калды) другая шаманка, живущая за шестьдесятъ верстъ по р. Чічкѣ-Чаргы.

По р. Чопону, въ алтѣ шамана Баланди, собравшіеся вечеромъ алтайцы говорили о Таштанѣ, какъ о выдающемся шаманѣ, потому что послѣдній имѣетъ много духовъ. Старикъ Кортычакъ, отецъ Баланди, однажды, слушая камланіе Таштана, былъ пораженъ количествомъ его көрмөс'овъ. «Таштанъ звалъ, звалъ көрмөс'овъ, цѣлый возъ назвалъ: страхъ на меня навелъ», — шуточно закончилъ свой рассказъ старикъ.

Играя такую роль въ шаманствѣ, арӯ көрмөс'ы по отношенію къ Ыгган'ю, Эрлпу, ихъ сыновьямъ и духамъ горъ (јар-су) являются низшими духами, но, однако, не связаны съ ними никакими служебными и функциями.

При всемъ томъ бытіе арӯ көрмөс'овъ обуславливается только бытіемъ высшихъ духовъ. Духовъ высшаго порядка именуютъ: тѳс (основа), а арӯ көрмөс'овъ — тајанганым (моя опора).

Каждый изъ арӯ-көрмөс'овъ имѣетъ своего собственного тѳс. При этомъ, если тѳс'емъ какого-нибудь арӯ көрмөс'а является, положимъ, духъ скалистой горы, ак-каја, то о немъ выражаются, что онъ ей «прислониается» (јѳлбигѳн); если же тѳс'емъ является духъ озера, наприм., алтын-кѳл, то арӯ көрмөс «омывается» въ его водахъ (јунуи јат).

Эти образныя отношенія арӯ көрмөс'овъ къ духамъ горъ и озеръ съ особенною ясностью обрисовываются въ призываніяхъ.

Кѳккѳ мѳнкѳ кырлѳ кышта,
Кѳк ајас таи айттырган,
Таңарлѳ тѳдѳргѳн,
Ада Пуркан таи айттырган!
Абу-Кѳнды тајанган,
Алтын-Кѳлгѳ јунган.
Абѳгајым Саңызак!

Зимоу иѳчно къ небу возносящійся,
Прозванный синей ясностью.
Обладателемъ неба названный,
Прозванъ «отцомъ Бурханомъ»!

Опирающійся на Абу-Ханъ (гора),
Омывающійся въ Алтын-кѣл'ѣ (Телецкое оз.)
Дяди мой по отцу, Саңызак!

IV. О жертвоприношеніяхъ кѣрмѣс'амъ.

Жертвы, приносимыя арѹ кѣрмѣс'амъ, раздѣляются на безкровныя и кровавыя.

Къ безкровнымъ жертвамъ принадлежать:

1) Свѣжее вино (аракы), не бывшее въ употребленіи. Вино пригото-
вляется изъ квашенаго молока особымъ приборомъ — алгыи.

Вино брызгается въ аилъ ложкой, въ полѣ пучкомъ травы или вѣткой.
Брызганіе (чачар) совершаютъ шаманъ, шаманка, хозяинъ аила, хо-
зяйка аила.

2) Чистое молоко перваго весенняго удою отъ коровъ, кобылицъ и
козъ. Имъ кропятъ, какъ и виномъ, изображенія арѹ кѣрмѣс'овъ.

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣкоторымъ арѹ кѣрмѣс'амъ бросаютъ
щепотку первыхъ обрѣзковъ новаго чайнаго кирпича.

4) Хлѣбный напитокъ, который называется саба.

Саба, собственно, большихъ размѣровъ берестяной туясъ; подъ саба
разумѣется также и смѣсь изъ моченаго лчменя (убут), толокна и воды.

Этой смѣси сначала даютъ перебродить, а потомъ приглашенные ша-
манъ или шаманка кропятъ ею изображенія арѹ кѣрмѣс'овъ. Кропленіе
производится при болѣзняхъ. Послѣ кропленія изъ остатка напитка саба
выкуриваютъ вино, которымъ кропятъ арѹ кѣрмѣс'овъ. Въ заключеніе, какъ
вино, такъ и саба допиваютъ сами присутствующіе.

5) Потко — жидкая каша. Въ составъ ея входятъ вода, толокно изъ
лчменя и небольшая часть молока.

Потко кипятятъ въ казанѣ. Послѣ варки дѣлаютъ кропленіе арѹ кѣр-
мѣс'амъ, а остальное выпиваютъ присутствующіе.

Предназначенный для саба и потко лчмень, когда онъ еще растетъ
на пашнѣ, тщательно оберегается отъ скота и птицы. Обычно этотъ лчмень
сбьютъ въ укромномъ мѣстѣ. Приготовленное изъ этого лчменя толокно
въ пищу не употреблется, — даже запрещается къ нему безъ нужды прика-
саться до жертвоприношенія.

Съ особенной бережливостью и чувствомъ благоговѣнія относятся къ
берестяной посудѣ; ее называютъ:

Акі жіктѹ пай кѣнѣк,
Јардѣл пѣк пай саба.

Съ двумя швами богатое ведро,
Надъ землею возвышающійся богатый саба.

Таково же отношеніе къ палкѣ (пышкы), которою избалтываютъ содержимое — сѣгіс кырлѹ сары арба (восьмигранный желтый ячмень).

6) Въ нѣкоторыхъ аилахъ надъ изображеніями арѹ кѳрмѳс'овѹ укрѣпляются пучки ячменя и пшеницы.

7) Јѣјѣк и толѹ:

а) Јѣјѣк состоитъ изъ конопляной веревки, на которой подвѣшиваются ленточки (јалама) бѣлой и красной ткани. Число ленточекъ у јѣјѣк'а бываетъ всегда определенное — двѣ или три деветки (ѣкі, ѹч тогус). Въ центрѣ подвѣшивается бѣлая шкура зайца — паштацы (начальное), а за немѣнѣемъ таковой — широкая съ разрѣзами лента, замѣняющая шкурку.

Јѣјѣк подвѣшивается на двѣ березки съ восточной стороны жертвенника, устраиваемого арѹ кѳрмѳс'амѹ.

б) Толѹ — по-русски выкунѹ. Онѹ состоитъ изъ большихъ лентъ различныхъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго, и шкуръ лисицы и выдры. При жертвоприношеніи подвѣшиваются на перекладину, укрѣпленную между двумя березами.

По окончаніи жертвоприношенія толѹ уносится въ аилъ, гдѣ нѣкоторое время лежитъ предъ изображеніями арѹ кѳрмѳс'овѹ, а въ обычное время хранится въ кожаныхъ сумѣхъ вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ.

Кровавыи жертвы:

Арѹ кѳрмѳс'амѹ приносятъ въ жертву кобылицу, домашняго и дикаго козла и овцу. Животное душатъ (пурап јат) и раздираютъ ноги на четыре стороны.

Мясо животного варятъ въ казанахъ около жертвенника. Часть варенаго мяса разрѣзаютъ на кусочки (чо лбу), кладутъ въ особую чашку (тѣпші) и съ произнесеніемъ молитвы разбрасываютъ деревяннымъ ковшомъ (сускѹ) на жертвенникѣ. Все остальное, въ томъ числѣ и кровь животного, сваренное въ кишкахъ, сѣдаютъ присутствующіе. Кости не сокрушаются: ихъ складываютъ на жертвенникъ и при помощи листовничной коры сжигаютъ.

При кровавыхъ жертвоприношеніяхъ, при кропленіи саба и потко употребляется куреніе арчып'а (можжевельника). Арчипъ раскаленными углями зажигается на листовничной корѣ (чобра). Въ началѣ жертвоприношенія шаманъ, держа въ правой рукѣ чобра, окуриваетъ жертвенникъ и жертвенное животное, а потомъ кладетъ его на треножникъ изъ трехъ кольевъ (сац), на которомъ посторонніе уже поддерживаютъ куреніе во время дальнѣйшаго служенія.

V. Одежда и другія принадлежности шамановъ.

1) Шаманскій кафтанъ — манѣакъ (рис. 1—5).

Всѣ алтайскіе шаманы и шаманки въ первые годы совершаютъ служеніе безъ манѣак'овъ: мужчины, мальчики и дѣвочки — въ обычномъ халатѣ (чѣкмѣн), замужнія женщины — въ женскомъ халатѣ (тѣрлік) безъ чѣгйдѣк'а (безрукавный костюмъ, который надѣвается на тѣрлік).

Впослѣдствіи всѣ шаманки приобрѣтаютъ манѣак'п, какъ необходимую священную одежду. Женщина, какъ нечистое существо (пѣѣар кіжі), камлаетъ Эрлику и «духамъ земли» (ѣѣр-су). По смыслу шаманскаго канона (ѣѣн), духамъ этихъ категорій можно совершать служеніе только въ манѣак'ахъ. Ыгѣѣн'ю женщина не служить.

Шаманы, не совершающіе призываній Эрлику (ак кам, бѣлые шаманы), не имѣютъ манѣак'овъ (манѣакы ѣок кам); шаманы, совершающіе служеніе всѣмъ тѣс'ямъ (кара кам, черные шаманы), имѣютъ манѣак'и (манѣактѣ кам).

Шаманскій манѣакъ шьется не по личному желанію шамана или шаманки, а по особому внушенію духа-кѣрмѣс'а, силу котораго унаслѣдовали шаманъ или шаманка. Кѣрмѣсъ чрезъ внушеніе дѣлаетъ точныя указанія о томъ, какого вида долженъ быть манѣакъ. Поэтому, часто на манѣак'ахъ имѣются спеціальныя привѣски въ видѣ кисетовъ, шкуръ дятла, медвѣжьихъ лапъ, когтей бѣркута и т. д.

Тотъ шаманъ или та шаманка, которые не слушаются внушенія своего духа, наказываются болѣзнями. Шаманъ Сѣртѣш, живущій по р. Куѣѣм'у (притокъ Катуня), сообщилъ, что онъ находится въ немилости у своего кѣрмѣс'а — Палас'а за то, что не сшилъ манѣакъ. Духъ-Паласъ наказываетъ его «падучей»: Сѣртѣш нѣсколько часовъ лежитъ мертвымъ и, только благодаря искусственнымъ средствамъ и ударамъ бубна, приходитъ въ нормальное состояніе.

Шаманка Куѣтукъ, на рѣкѣ Чуѣ, подвергается нападенію кѣрмѣс'а, который жуетъ ей руки и ноги за то, что она не шьетъ новый манѣакъ вмѣсто стараго, который у ней сожгли бурханисты.

Полный манѣакъ, со всѣми принадлежностями, называется: куѣтукъ манѣакъ.

Между мужскимъ манѣак'омъ и женскимъ существенной разницы нѣтъ; женскій отличается только бѣльшимъ изшествомъ, какъ и обыкновенный женскій костюмъ.

Каждый манѣакъ стоитъ отъ 80 до 150 р. Такая сумма составляетъ значительную часть всего хозяйства алтайца, а у шамана или шаманки едва ли

не половинную, ибо послѣдніе принадлежатъ, въ большинствѣ случаевъ, къ разряду бѣдныхъ людей, рѣдко — къ людямъ среднего состоянія и весьма рѣдко — къ зажиточнымъ.

Шаманская профессія далеко не выгодна для хозяйственныхъ цѣлей алтайца; она много отнимаетъ у шамана или шаманки рабочаго времени,

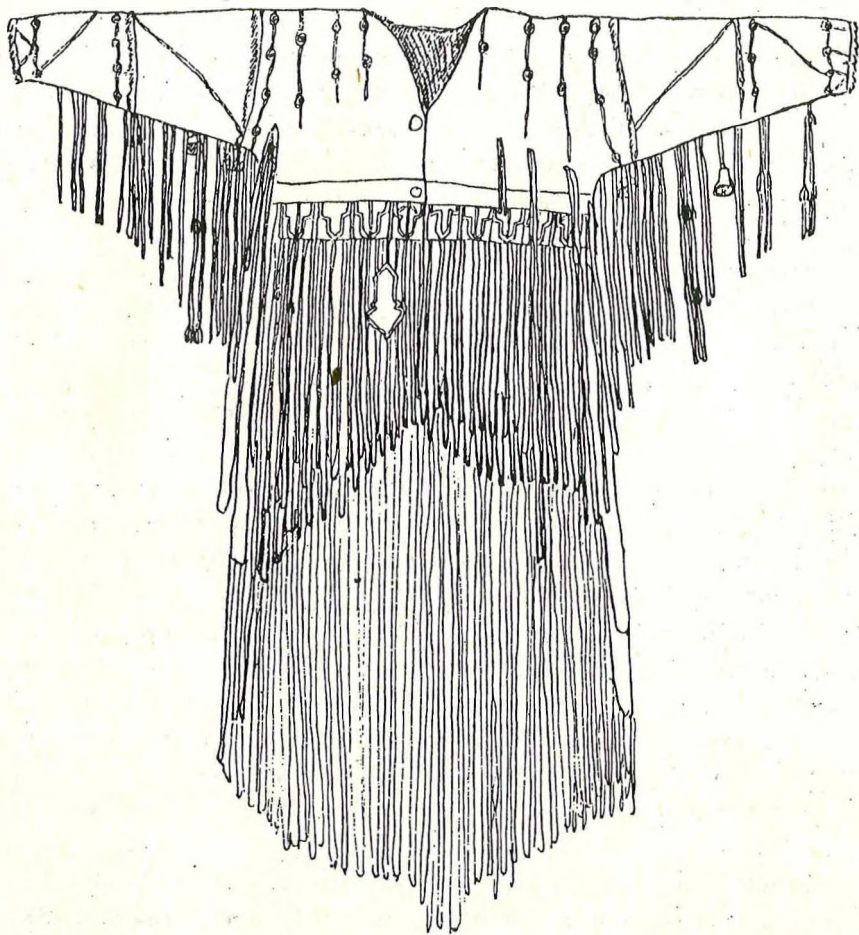

Рис. 1.

которое едва ли можетъ окупиться получаемыми грошами и подарками. Изъ словъ нѣкоторыхъ шамановъ видно, что служеніе, продолжающееся отъ двухъ до четырехъ дней, вознаграждается тремя, пятью рублями. Кромѣ того, шаманъ получаетъ иногда въ видѣ подарка мясо — части жертвеннаго животнаго и кусокъ матеріи въ нѣсколько аршинъ. Весьма рѣдко шаману дарятъ, и то послѣ выздоровленія, халатъ, овицу, тербока (теленка) и лошадь.

Оплачивается болѣе или менѣе спосно трудъ тѣхъ шамановъ, которые пользуются большою популярностью. Къ таковымъ принадлежатъ шаманы среднихъ лѣтъ и старики. Молодые шаманы и шаманки, благодаря скудости заработка, вызываютъ у своихъ домашнихъ постоянное недовольство. У алтайцевъ наблюдаются такіе случаи, когда мужъ прерываетъ обрядъ жертвоприношенія и съ угрозами увозитъ свою жену-шаманку домой.

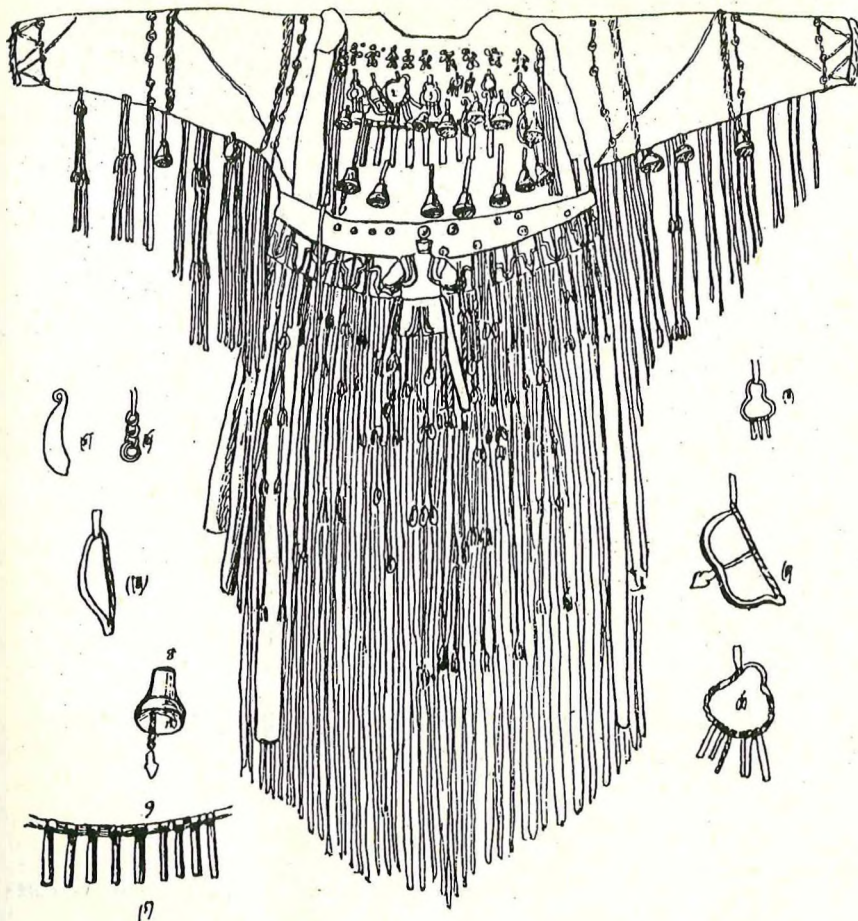

Рис. 2.

У состоятельныхъ шамана или шаманки манѣакъ готовится въ два, три мѣсяца, у бѣдныхъ приготовленіе затягивается отъ одного до трехъ лѣтъ. При этомъ часть матеріала иногда жертвуется родственниками, сосѣдями и друзьями изъ религіозныхъ побужденій. Мужчины въ этомъ случаѣ жертвуютъ матеріалъ въ сыромъ видѣ, женщины — въ готовомъ,

наприм., *ĩnǎlik* — игольникъ, *калта* — кисеть, *кажаңаі* — косы и т. д.

Самое исполненіе работы падаетъ исключительно на долю женщинъ: семейства шамана или шаманки и женщинъ окружающихъ аяловъ. Несложную работу исполняютъ и дѣвочки.

Руководство по шитью манѣак'а беретъ на себя обычно престарѣлая женщина, болѣе опытная (ус *кіжі*) въ швейномъ искусствѣ.

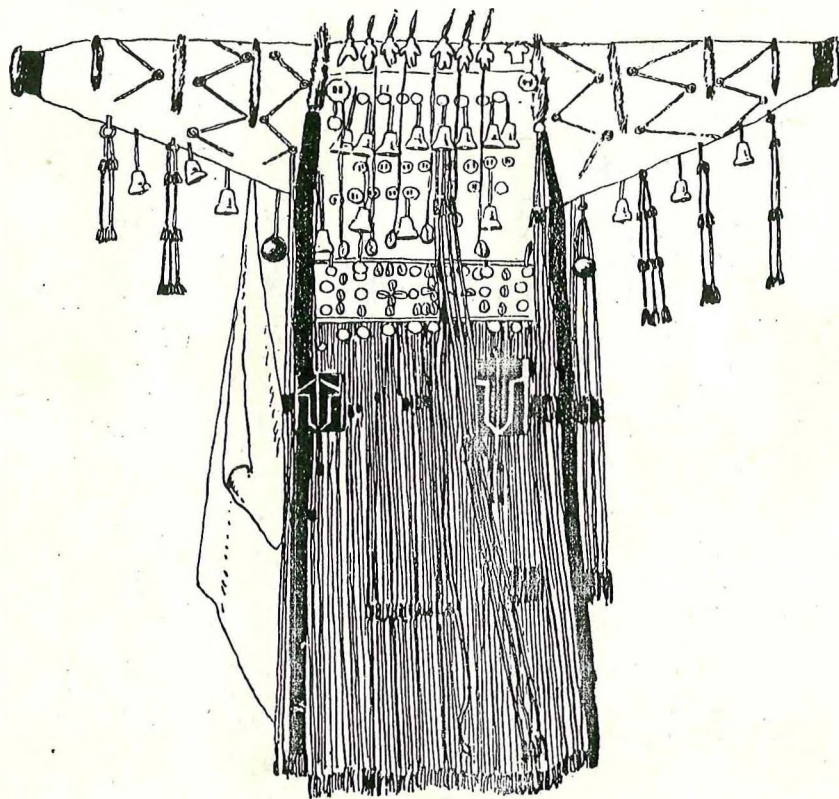

Рис. 3.

Всѣ части манѣак'а сначала готовятся отдѣльно, а потомъ сшиваются вмѣстѣ.

При работѣ строго запрещается вести себя непристойно.

Когда манѣакъ приведутъ въ надлежащій видъ, шаманъ или шаманка устраиваетъ специальное камланіе, безъ жертвоприношеній. Этотъ случай камланія, бывающій рѣдко, всегда совершается при большомъ стеченіи народа; онъ называется *jǎlbu* чыбарын-јат или манѣакъ *арулан-јат* — удалять скверну изъ манѣак'а, котораго сообщаетъ ему отъ прикосновенія рукъ

пехорошихъ людей. Но главный смыслъ этого обряда заключается въ опредѣленіи пригодности или непригодности манѣак'а къ употребленію. Духъ-покровитель шамана или шаманки, по указанію котораго шить манѣакъ, при камланіи тщательно осматриваетъ его и чрезъ внушеніе даетъ свое одобреніе или неодобреніе. Дѣлаемая духомъ указанія всегда исполняются: манѣакъ исправляется, перешивается. Только послѣ полного одобренія духа манѣакъ становится священною одеждою и вступаетъ въ обычное употребленіе.

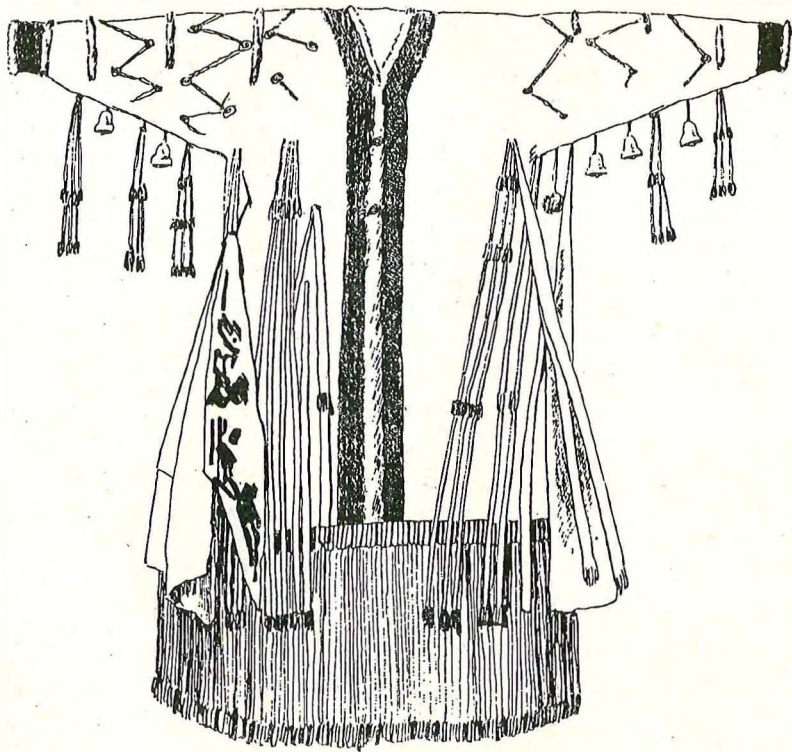

Рис. 4.

Запрещается манѣакъ мужчины надѣвать женщины-шаманкѣ и наоборотъ.

Женщина, какъ нечистое существо (пѣар кіжі), вообще не можетъ прикасаться къ манѣак'у.

Манѣак'и въ аилахъ хранятся въ ящикахъ или кожаныхъ сумахъ, въ переднемъ углу, подъ изображеніями арѹ кѣрмѣс'овъ и тщательно оберегается отъ соприкосновенія съ другими костюмами, особенно женскими.

При перевозкѣ изъ одного ала въ другой, манѣакъ связывается въ узелъ и прикрѣпляется къ задней части сѣдла. Перевозить манѣакъ можетъ и постороннее лицо, но не женщина.

Манѣакъ при камлаіи надѣвается на рубашку. Мужчины въ гѣтнее время, когда бываетъ жарко, надѣваютъ на голое тѣло.

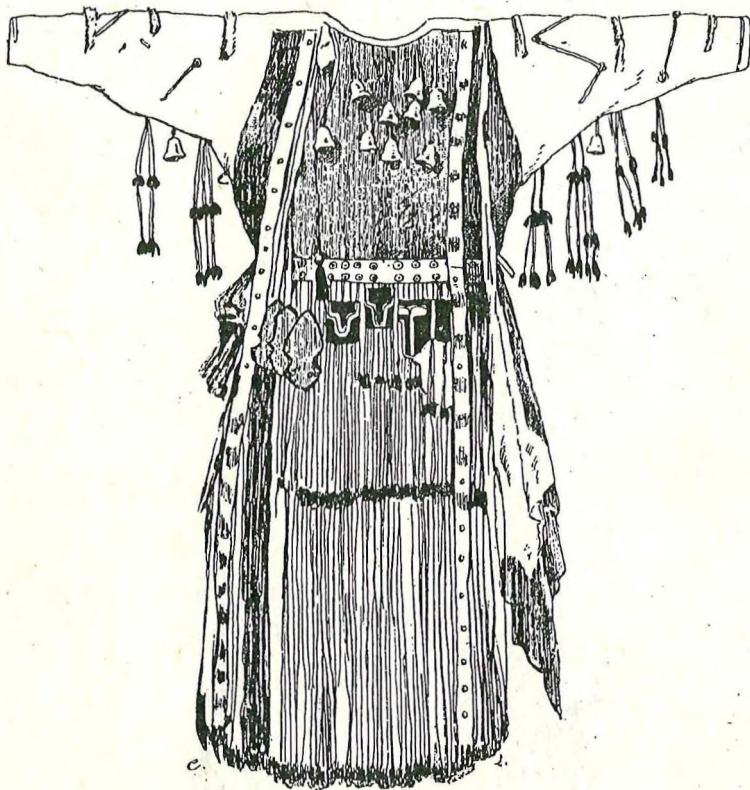

Рис. 5.

Манѣакъ употребляется шаманомъ или шаманкой при служеніи «духамъ земли» (jār-су), Эрлику и его сыновьямъ, кровнымъ духамъ изъ категоріи ару нѣмѣ и другимъ кормѣс'амъ. Улгѣйю же и его сыновьямъ совершаютъ служеніе (устүгү) безъ манѣак'а, въ халатѣ, къ спинѣ котораго подшиваются три бѣлыя ленты, спускающіяся до полу (үч јаламалу тон—шуба, имѣющая три ленты).

Основныхъ частей въ шаманскомъ манѣак'ѣ насчитывается до 30-ти, но общее число ихъ можетъ дойти до шестисотъ.

Основные части манжак'a представляют изображенія или обозначенія предметовъ верхняго и нижняго міра, миниатюры предметовъ житейскаго обихода и шкуры птицъ и звѣрей.

I. Части манжак'a.

а) Основная часть манжак'a — топ, букв.: шуба; она шьется изъ бѣлой овчины или шкуры дикаго марала (аиныи тѣрѣзѣ).

Топ представляет собою куртку безъ фалды (торсукъ jok тон); спивается сухожилиями.

б) Рукава шубы (jāң) обшиваются полоской (пѣлji) шкурки рыси (шү-лүзүн) противъ суставовъ¹⁾: плечевого, локтевого, кисти и верхнихъ фалангъ пальцевъ.

Кругомъ рукава, параллельно съ полосками, идутъ три ряда по одному девятку узловъ изъ шерстяной тесьмы (кыя армакчы). Промежутки отъ одной обшивки до другой заполняются той же тесьмой, вшитой зигзагообразно (кыја таја).

в) Вдоль нижней части рукавовъ подвѣшиваются мѣдные колокольцы (күзүпү) или бубенцы: на правомъ рукавѣ — четыре, а на лѣвомъ — пять, всего одинъ девятокъ (пир тогус).

Колокольцы и бубенцы служатъ шаману броней, данной отъ бога (Кудайдаң куяктү адам). При нападеніи злыхъ духовъ (jаман кѣрмѣстѣр), шаманъ ограждаетъ себя отъ нихъ при помощи колокольцовъ и бубенцовъ, — главнымъ образомъ при помощи звона (шаңыр).

г) Параллельно съ колокольцами и бубенцами пришивается нечетное число (отъ семи до 21-го) маленькихъ манжак'овъ (колтукъ манжакъ = под-

Рис. 6.

Рис. 7.

1) Въ скелетѣ человека алтайцы насчитываютъ одинъ девятокъ суставовъ (уя): головной, поясной, коленный, стѣнный, фаланговый у ногъ, плечевой, локтевой, запястный, фаланговый у рукъ.

Тогус уя толон тут,
Ормѣк сѣгүм топчылаң тут,
Ар нојуңиң тѣйиктѣр!

Девять суставовъ сосчитавши скрѣпи[те],
Заплетеннымъ кости мои застегиваши скрѣпи[те],
Твоего мужского тѣла духи тѣйик'и!

пазушный манжак) изъ матеріи пяти цвѣтовъ, ленточныхъ и жгутовыхъ. Каждый манжакъ имѣетъ три приди и оторочку (чачак). См. рис. 6 и 7.

Колтукъ манжак'и символизируютъ перья крыла (кѣй канат—воздушное крыло).

II. Спинная часть манжак'а.

Спинная часть покрывается до пояса матеріей—кумачемъ (кызыл пѳс).

а) Непосредственно отъ ворота, между правымъ и лѣвымъ заплечьемъ (кѳксѣ), пришиваются девять куколокъ (рис. 8, 9), изображающихъ девять

Рис. 8.

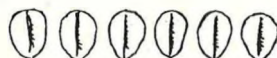

Рис. 10.

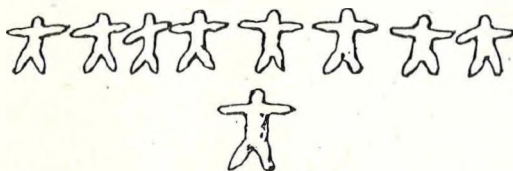

Рис. 9.

Рис. 11.

Рис. 12.

дочерей Улган'я (кыстар, кыјандар, Улган'и аky јѣн кыс). На головахъ куколокъ шиваются перья филина (сары уку), называемыя улбракъ—головной уборъ.

Подъ куклами въ два ряда тянутся три девятка перламутровыхъ раковинокъ (жылан-бажы—змеиная голова) (рис. 10), часть головного убора (кажаңаі) дѣвицъ.

Рис. 13.

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 16.

Въ другихъ манжак'ахъ кажаңаі состоитъ изъ парчевой (чѣмдѣрі) веревочки въ двѣ четверти, на концѣ съ одной раковинкой (рис. 13), серьгой (сырга) изъ бисеринки (рис. 14) и металлическимъ кольцомъ (јустукъ).

На плечахъ манжак'а пришиваются, рядомъ съ куколками, по одной фигурѣ шубы (чѣкмиѣн) дочерей Улган'я (рис. 12).

б) Ниже куколъ, въ центральной части симиы, въ горизонтальномъ положеніи, тянутся одинъ рядъ дужныхъ, а другой шейныхъ колокольцовъ, — всего два девятка (які тобус). Колокольцы (кузуңу) прикрѣпляются къ шубѣ ремня. По нѣкоторымъ версіямъ, ихъ полагается семь девятковъ.

Колокольцы — броня шамана (кујак), рис. 14.

в) Подъ верхнимъ рядомъ колокольцовъ пришивается одинъ девятокъ луковъ (ја) со стрѣлами (јаба) — «нѣчто отъ бога притягиваемое» (Ку-дайдаң тарткан нѣма), рис. 15 и 16. У нѣкоторыхъ манјак'овъ луковъ бываетъ два, у нѣкоторыхъ совсѣмъ нѣтъ, — впрочемъ, только по небрежности шамана.

На ряду со стрѣлами встрѣчаются: 1) желѣзное кольцо съ подвѣсками (коңура), рис. 17, 2) пластинка съ девятью подвѣсками (коңура), рис. 18, и 3) пластинка, изображающая ухо (кулак), рис. 19.

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Всѣ означенныя стрѣлы, коңура и кулакъ составляютъ часть общей брони шамана. Ими отражаютъ злыхъ кѣрибс'овъ.

г) На спинной части манјак'а встрѣчаются двѣ большія металлическія бляхи (тарылжа), рис. 20, изображающія солнце и луну (аі кун), и неопредѣленное число мелкихъ бляхъ — звѣздъ (јылдыс).

Большія бляхи прикрѣпляются за плечами, а мелкія разбросаны по всей спинѣ.

III. Поясъ — курдак, (рис. 21 а и 21 б).

Поясъ представляетъ собой красную ленту въ 1½ вер. шириной; нашивается на шубу ремня.

На немъ:

а) двѣ большія металлическія бляхи (тарылжа), изображающія солнце и луну (аіның кунуң Ұлқырі), см. на рис. 21 а, б) рядъ тоже металличе-

Рис. 21 а.

Рис. 21 б.

скихъ бляхъ въ меньшемъ видѣ (см. на рис. 21 а и 21 б) и в) раковинки (јылан-баш) — рлдами, кучками и крестообразно (см. на рис. 21 б).

Алтын курдак курчаңган,
Ак манжакты а таңган.
Золотымъ поясомъ опоясая,
Бѣлый манжакъ къ нему подвизалъ.

IV. Нижняя часть манжак'а.

а) Подъ поясомъ, въ горизонтальномъ положеніи, пришивается одинъ девитокъ дужныхъ бубенцовъ (коңко), — обручъ шамана или шаманки (курчу).

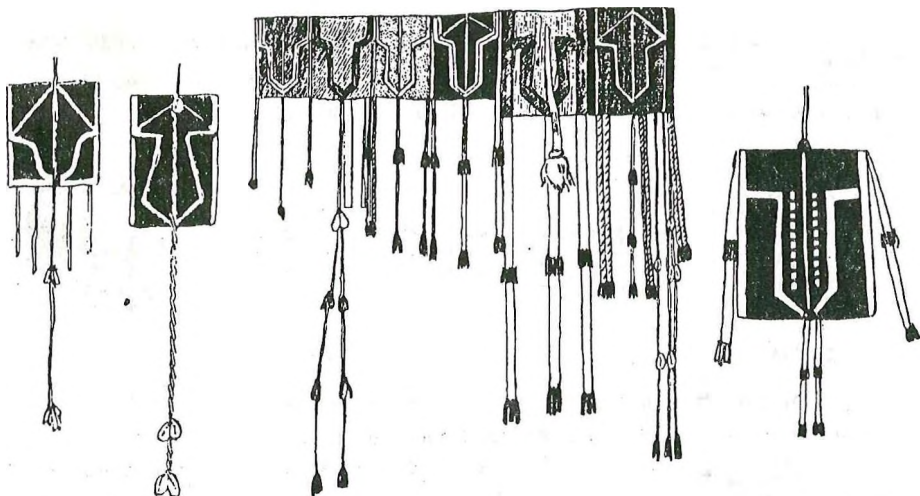

Рис. 22 а.

Рис. 22 б.

Рис. 23.

Рис. 24.

Эти же бубенцы иногда пришиваютъ надъ поясомъ.

б) Подъ бубенцами въ нѣкоторыхъ манжак'ахъ находятся три гладкія мѣдныя пуговицы — застѣжки «одной сотни манжак'овъ» (см. ниже) — узун(?) јүрү(?) јус манжактың тончызы.

в) Одинъ девитокъ игольниковъ (іпәлік), представляющихъ собой сумочку съ оторочками, кистями и бисеринками. Пришивается въ длину пояса; число игольниковъ — девять, по числу девяти дочерей Ылган'я (рис. 22 а, 22 б, 23, 24).

г) Длинные жгуты (5 четв.), состоящіе изъ конопляной веревки, обшитой ситцемъ разныхъ цвѣтовъ; въ срединѣ имѣютъ оторочку (чачак). Пришиваются къ шубѣ подъ поясомъ и на бедрахъ. Плотнo соединяясь другъ съ другомъ, образуютъ кольцо, служащее дополненіемъ шубы-куртки.

Эти жгуты называются: «бѣлые манжак'и» (ак манжабы тögүлгән — бѣлые его манжак'и рассыпаются).

По однимъ разсказамъ, жгутовъ полагается шесть девитковъ (алты тобус), по другимъ — девлюсто девитковъ (тобузон тобус), по третьимъ — одна сотня (бір јус). Въ дѣйствительности манѣак'овъ бываетъ больше, а именно: отъ 120 до 200.

Рис. 25.

Особаго значенія манѣак'и не имѣютъ: «сами собой создались» (аның појунуң туткыні).

д) Случайныя нашивки.

Присутствіе случайныхъ нашивокъ на манѣак'ѣ объясняется личными симпатіями шамана или шаманки къ духу (кормбс'у), отъ котораго послѣдніе унаслѣдовали силу.

Рис. 26.

При объясненіи, о такихъ вещахъ шаманъ или шаманка говорятъ: «эти кисеты Хана» (пу Капаның калтазы) и т. д.

Изъ случайныхъ нашивокъ встрѣчаются:

1. Шесть кожаныхъ миниатюрныхъ кисетовъ — калта (рис. 25), съ украшеніями мелкимъ бисеромъ (јінді).

2. Шкура горностая — ак ас; символизируетъ шубу духовъ-отцовъ (ак ас тондұ адаларым — мои отцы, имѣющіе горностаевую шубу).

3. Шкурка дятла — томуртка (ала томуртка ат тұлар — пѣгій дятель лошадью сталъ). Изображаетъ посредствующаго духа — Суйлу, который сопровождаетъ шамана или шаманку при совершеніи мистерій.

4. Миниатюрный костюмъ алтайскихъ женщинъ — чәгәдәк, съ жгутами и кускомъ полотна, по бокамъ.

Означенные предметы: кисеты, шкура горностая и дятла и чәгәдәк служатъ для шамана и шаманки средствомъ, воодушевляющимъ ихъ во время камланія (камларға јәңіл), — располагають къ камланію.

е) Изображеніе лягушки (и ака), рис. 26; сшитъ изъ чернаго сукна, величиною въ ладонь (уі түжүнчә кара пака — черная лягушка съ коровью грудину). Она упоминается въ камланіи Эрлику на четвертомъ пұдак'ѣ (кыҕы јәтиәс кара кумақ — черныи песокъ (мѣсто), гдѣ не слышно звука).

Рис. 27.

Рис. 28.

V. Боковыя (мыкын) принадлежности манѣак'а.

а) Большой жгутъ (рис. 27 и 28) изъ темной или коричневой матеріи. Вверху имѣетъ голову и пасть (үс), ниже — двѣ ноги, на концѣ — еще двѣ

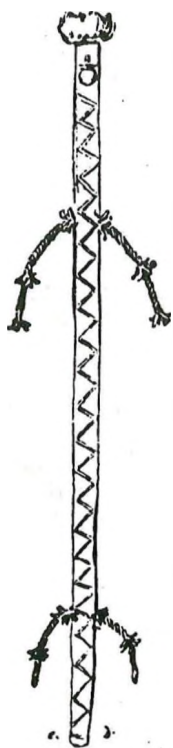

Рис. 29.

Рис. 30.

ноги и раздвоенный хвостъ. Называется: **Жутпа**¹ — чудовище подземнаго царства Эрлика, встрѣчающееся на пудак'ахъ.

Жгутъ свѣшивается за заплечьями во всю длину манѣак'а.

Жутпа защищаетъ шамана или шаманку отъ злаго кѣрмѣс'а: узут ѣак'а — душа мертвыхъ, поѣдающая живыхъ людей.

б) Абра — жгутъ, замѣняющій Жутпа; изъ зеленой матеріи (рис. 29).

Абра имѣетъ: голову съ пучками совиныхъ перьевъ (ульракъ) и мѣдной бляхой, изображающей глазъ (кѣс), четыре ноги и раздвоенный хвостъ.

Остовъ Абра шьется изъ зеленой матеріи, а ноги и хвостъ — изъ красной. Жгутъ имѣетъ девять (бір тобус) оторочекъ: шесть — на верхнихъ ногахъ и три — на нижнихъ.

По роду своему Абра принадлежитъ къ чудовищамъ моря наі таңис, которое находится въ преисподней Эрлика.

Для нѣкоторыхъ шамановъ Абра является тѣс'емъ, черезъ котораго входятъ въ общеніе съ высшими существами — Уйгал'емъ (Ада ѣзім, аі Абрам — Отецъ хозяинъ мой, мѣсяцъ мой Абра).

в) Параллельно съ Жутпа и Абра, во всю длину манѣак'а, свѣшиваются связки жгутовъ, по три въ каждой, всего одинъ девятокъ, и называются: заплечный манѣакъ — іінімнѣ таңаи манѣакъ. Вверху имѣютъ пучки перьевъ филина (ульракъ), а иногда украшеніе кажаңаі, съ однимъ жылан-баш'емъ.

Жгуты символизируютъ крылья (канат).

г) На нѣкоторыхъ манѣак'ахъ Жутпа и Абра не бываетъ; ихъ замѣняютъ три особыхъ жгута краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. Два изъ нихъ пришиваются по заплечьямъ, а одинъ, состоящій изъ связки жгутовъ — посрединѣ спины.

Около заплечнаго жгута, во всю длину его, тянутся простыя ленты трехъ же цвѣтовъ. Заплечные жгуты вверху

¹ Жутпа встрѣчается въ алтайской сказкѣ **Оскус ул** — «сирота», слышанной при р. Тоибодым, и значить приблизительно «живоглотъ».

выѣютъ перья совы (а туткан или кѣи канат — воздушное перо) и называются «двухъ плечъ крылья» — *äki inimiiц куркуны*¹.

VI. Набедренные принадлежности манѣак'а.

а) Постоянными принадлежностями набедренной части являются платки разныхъ цвѣтовъ (арчүл) и полуаршинные куски матеріи (баіры² пѣс), рис. 30; ихъ привязываютъ къ манѣак'у ремнями лица, желающія слушать камланіе.

Когда платковъ скопится много, то старые платки отвязываются и идутъ къ пользу шамана или шаманки.

б) Случайныя принадлежности:

1. Жгутъ съ оторочками, нашивками и перьями филиппа или беркута (рис. 31). Прикрѣпляется къ поясу и спускается до полу. Названій не имѣетъ.

2. Ноги беркута — *мѣркүдүң табыжы* (табыжы — ладопь), рис. 32.

Аі канаттү кара мѣркүдүм,
Авар тѣскѣ наштап жүрәттәп.

Съ луновидными крыльями черный мой беркутъ,
Къ чистому тѣс'ю впереди идти.

3. Подъ арчүл'ами, съ лѣвой стороны манѣак'а, подшиваются два толстыхъ жгута, изъ темной матеріи, въ $\frac{3}{4}$ арш. каждый. Первый изъ нихъ называется — *амѣя* (жылан), второй — *ужъ* (камык).

Алтын баштү сур камык,
Алты үстү кара жылан.

Златоглавый сѣрый ужъ,
Шестиротая черная змѣя.

Змѣя и ужъ для шамана и шаманки служатъ орудіемъ, которымъ изгоняются дурные духи (*јаман кѣрмѣстѣр*) изъ больного.

4. Лапы медвѣдя — *ају табыжы*.

Рис. 31.

Рис. 32.

¹ Куркун — буквально: остовъ крыла.

² Баіры — мѣра длины, равняющаяся одному локтю.

VII. Наплечные принадлежности манѣак'а.

а) Пучки перьевъ филина, совы и беркута, прикрѣпленные въ прямомъ положеніи къ двумъ плечамъ манѣак'а.

Пучки называются: уѣбрѣк (рис. 33) и изображаютъ двухъ беркутовъ (мѣркѣт) или соколовъ (шоѣкор).

Рис. 33.

Бала мѣркѣт

Акі інімѣ, окшон тѣшкѣн.

Беркуты-итепцы,

Клекоча, спустились на мои два плеча.

Акі інімѣ боро мѣркѣт сайѣан,

Ар алдыма акшыѣан шоѣкор сайѣан (= салылѣан),

На два мои плеча сѣрый беркутъ спустился,

Противъ меня клекоча, сѣрый соколъ спустился.

Какъ беркутъ, такъ и соколъ, невидимо несутъ шамана, шаманку и ихъ жертву къ ихъ тѣс'ю.

Куркундарын кымышѣакын

Кудайдын жолына јѣс алып јѣрѣтѣн.

Если прижметъ къ себѣ крыльями,

То прямо несетъ по пути къ Богу.

VIII. Передняя часть манѣак'а (нолы).

а) Края нолѣ обшиваются красной лентой; имѣютъ двѣ пуговицы (топчы): одна служить застежкой у ворота, другая — у пояса.

б) На грудной части манѣак'а швы съ девятью узлами. Швы иногда бываютъ расположены вертикальными линіями.

в) На нолѣхъ новый ридъ манѣак'овѣ: на каждой по семи, изъ коихъ четыре — ремни козьей кожи, три — изъ матеріи.

Ремневые манѣак'и имѣютъ отъ шести до девяти лентъ, матерчатые — отъ двухъ до четырехъ лентъ или жѣутовъ.

Ленты ремневыхъ манѣак'овѣ служатъ привязью для арѣул'овѣ и баіры.

Ремневые манѣак'и называются «голодный манѣакъ» (ач манѣак).

2) Шапка — пѣрѣк.

Шапки, со спеціальнымъ назначеніемъ для камланія, у алтайскихъ шамановъ и шаманокъ существуютъ двѣ: одна — манѣакная, другая — халатная.

I. Манячая шапка, съ тѣми или иными символическими украшеніями, называется: куш пѣрук или жыланмаштѹ куш пѣрук — шапка-птица, шапка-птица съ жылан-баш'ами (раковинками). Она употребляется при служеніи только съ маняж'омъ и самостоятельно не надѣвается.

При перевозкѣ изъ одного анла въ другой, шапку вывертываютъ наизнанку и кладутъ въ рукавъ маняж'а.

Въ анлахъ она хранится на томъ же мѣстѣ, гдѣ и маняж.

Украшенія на шапкѣ дѣлаются согласно образцамъ шапокъ умершихъ прежде шамановъ или шаманокъ (озо кам), а иногда варіируются приготвляющими се женщинами.

Количество украшеній на шапкѣ находится въ связи съ украшеніями обычнаго національнаго костюма алтайца: тамъ, гдѣ костюмы потеряли національныя особенности, и шаманская шапка имѣетъ видъ упрощенный. Такъ, у алтайцевъ лѣваго берега Катули, гдѣ обрусѣніе еще мало коснулось инородцевъ, шапки отличаются болѣе богатымъ убранствомъ, чѣмъ у алтайцевъ праваго берега той же рѣки.

Нѣкоторыя шапки отличаются правильностью геометрическихъ рисунковъ, которые получаютъ отъ вшиванія волосного или парчеваго шнура, и — подборомъ красокъ матеріала, изъ котораго приговляется шапка.

При каждомъ маняж'ѣ бываетъ только одна шапка.

II. Халатная шапка формой своей похожа на обычную мерлушечью шапку алтайца или алтайки, но съ нѣкоторыми отличіями. На темени ея пришиваются пучки совиныхъ перьевъ — уйбракъ, а назадъ — три бѣлыхъ ленты (жалама); отсюда и шапка называется: уч жаламалѹ куш пѣрук — шапка-птица съ тремя лентами.

Она употребляется при служеніи арѹ тѣс'ямъ: Уйгән'ю, его сыновьямъ, духамъ горъ жәр-су и чистымъ духамъ арѹ нәмә.

«Безманячные» шаманы (маняжы жок кам) специально шьютъ шапку изъ бѣлой мерлушки по тѣмъ соображеніямъ, что бѣлый цвѣтъ болѣе приличествуетъ «чистымъ тѣс'ямъ».

Обычныя шаманы (маняжтѹ кам), при камланіи, ограничиваются простой шапкой изъ черной мерлушки, только нашиваютъ къ ней на время камланія три бѣлыя ленты (уч жалама) и пучокъ совиныхъ перьевъ (уйбракъ). См. рис. 34.

У шамановъ «безманячныхъ» шапка хранится въ анлѣ на почетномъ мѣстѣ, подѣ изображеніями арѹ нәмә, рядомъ съ шаманскимъ бубномъ.

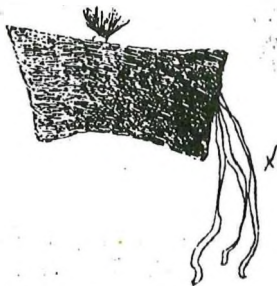

Рис. 34.

Части «мапјачной» шапки.

а) Основную часть шапки составляет чулокъ изъ красной матеріи, длиною около трехъ четвертей, съ продольнымъ прорѣзомъ. По бокамъ прорѣза —

Рис. 35.

Рис. 36.

три пуговицы (топчы)¹. Съ внутренней стороны шапка подшивается грубой матеріей.

б) Въ трехъ мѣстахъ шапка обшивается поперекъ шкуркой рыси (шүлүзүң); первая обшивка кладется на глазничную часть, вторая — на лобную, третья — на затылочную. Шапка, такимъ образомъ, состоитъ изъ трехъ частей (уч ужілү куш пѣрүк — трехсоставная птица-шапка).

в) Надглазничная часть (кѣстүң усту). По краямъ, параллельно оторочкѣ, пришивается рядъ кисточекъ (павѣски) изъ разноцвѣтныхъ бисеринъ, по пяти штукъ въ каждой кисточкѣ, на концѣ съ жылан-баш'емъ (раковинкой). Число кисточекъ бываетъ разное: 5, 9 и 16. Украшенія эти называются: јинділәр — бисеринки (см. на рис. 35). Кромѣ означенныхъ украшеній, на нѣкоторыхъ шапкахъ противъ уха пришиваются особый јинді съ крупною бисеринкою и бѣличій хвостъ. Первое украшеніе называется «серыга» (сырға), второе — «ух» (кулак).

г) Лобная часть (маңдаі). На ней нашиваются рядами или кучками жылан-баш'и, иногда — подвѣски, какія встрѣчаются въ надглазничной части. Жылан-баш'ей бываетъ 19, 29 и 41 (нечетныя числа), а подвѣсокъ — 13 (рис. 36). Къ указаннымъ украшеніямъ на нѣкоторыхъ шапкахъ прибавляются парчевый шпуръ (алтын утык) съ девятью узлами, шитый радугообразно, и пересѣкающій его другой шпуръ, тоже съ узлами (рис. 37).

¹ Шапки на рисункахъ изображены въ распластанномъ видѣ и не представляютъ собой высокаго тюрбана, но мягко ложатся съ головы на верхнюю часть спины.

д) Теменная часть шапки заполняется шнурами из овечьей бѣлой шерсти (їудур), вшитыми зигзагообразно, съ девятью узлами (полчок) въ срединѣ, или просто заполняется одними узлами безъ шнуровъ (рис. 38, 40, 41).

е) Затылочная часть шапки имѣетъ тѣ же наппяки (їудур), а иногда фигуры летящихъ птицъ (куш) (рис. 39, 42).

Конечъ шапки нѣсколько суживается и замыкается вшитыми по оторочкѣ двумя, девятью и тринадцатью пучками совиныхъ перьевъ (улбрак), рис. 43, 44.

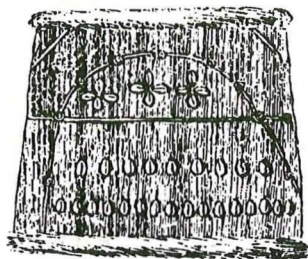

Рис. 37.

8) Шаманскій бубенъ (рис. 45, стр. 51).

Бубенъ алтайскихъ шамановъ и шаманокъ въ обиходной рѣчи часто называютъ либо туңур, либо чалу¹. Въ дѣйствительности, это два различныхъ термина. Туңур'омъ называютъ бубенъ въ собственномъ смыслѣ, а чалу — деревянную ручку бубна, представляющую изображеніе умершихъ шамала или шаманки. Каждый шамаль или шаманка являются ставлениками умершихъ шамана или шаманки (озо кам) по линіи отца или матери. Бубенъ приобрѣтается ими не по собственному желанію, а по требованію кровнаго духа-покровителя. Въ этихъ случаяхъ бываетъ то же, что и при шитьѣ маңжак'а, т. е. шамаль или шаманка подвергаются со стороны духа-покровителя внушеніямъ. Начинающіе свое служеніе шамаль или шаманка подчиняются желанію духа и устраиваютъ новый бубенъ съ тѣми особенностями въ формѣ и другихъ деталяхъ, какіи были у шамана-покровителя. Бубенъ приобрѣтается у алтайскихъ шамановъ и шаманокъ иногда по указанію чистыхъ тѣс'ей (ару тѣс) духовъ горъ (јѣр-су). Означенный бубенъ считается дарственнымъ, почетнымъ. Поэтому не безъ удовольствія шаманы и шаманки говорятъ, что

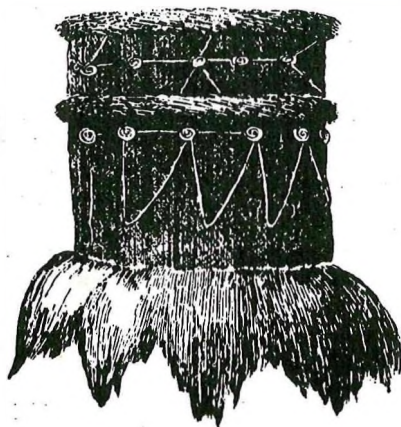

Рис. 38.

¹ По разъясненію акад. В. В. Радлова, туңур — терминъ, заимствованный отъ осетинско-монгольск., а чалу — слово турецкое, отъ глагола чал, ударить съ размаху. Такимъ образомъ, чалу есть настоящій алтайскій терминъ для бубна, но онъ можетъ быть переносимъ и на хозяина бубна.

чалу ими получено отъ горнаго духа: Абу-Кан'а, Ады-гана, Кара-Каја и т. д. О бубнахъ, получаемыхъ отъ духовъ горъ, встрѣчаются указанія въ разсказахъ о прежнихъ умершихъ шаманахъ и шаманкахъ.

Бубень пріобрѣтается шаманомъ или шаманкой вскорѣ послѣ того, какъ опредѣлится ихъ призваніе къ камланію.

Время призванія къ камланію граничатъ между 6 и 50 годами. Самый большой процентъ падаетъ на 20-й годъ жизни шамана или шаманки.

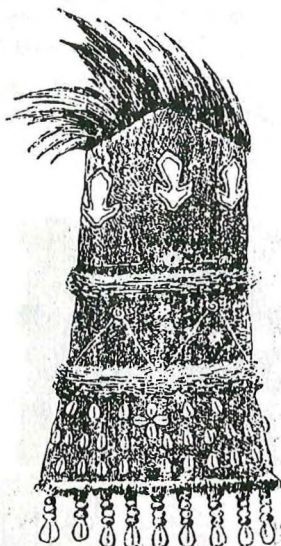

Рис. 39.

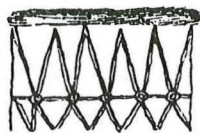

Рис. 40.

Рис. 41.

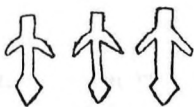

Рис. 42.

Рис. 43.

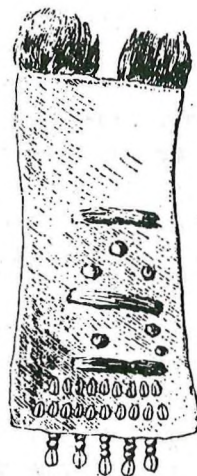

Рис. 44.

Соотвѣтственно возрасту, шаманскіе тундур'ы дѣлаются различной величины: у дѣтей они меньше, у взрослыхъ больше.

Между женскимъ и мужскимъ бубномъ разницы нѣтъ.

Въ натуральномъ видѣ бубень имѣетъ круглую и овальную форму; діаметръ перваго равняется одному аршину, втораго — длинный діаметръ одному аршину, короткий — $\frac{3}{4}$ арш.

Въ составъ строительнаго матеріала шаманскаго бубна входятъ: дерево, желѣзо, мѣдь, кожа и волосиыя веревки.

Изъ всего матеріала особеннымъ вниманіемъ пользуются березовое дерево (каіц) и кедръ (мѣш аѳаш). Относительно ихъ существуютъ свои традиціи. Береза должна быть чистой, безъ поврежденій, расти вдали отъ жилья; къ ней не долженъ былъ подходить скотъ, и ея не должна была касаться человѣческая рука. Такимъ же долженъ быть и кедръ.

Бубень дѣлають спеціалисты-мастера (ус кіжі).

Новый бубень, при чтеніи молитвъ, шаманъ или шаманка сначала обкуриваютъ зажженнымъ арчиномъ (можжевельникъ), потомъ кропятъ виномъ (араки). Съ этого момента бубень пріобрѣтаетъ значеніе священнаго предмета и употребляется при совершеніи религіозныхъ обрядовъ.

Бубны дѣлаются отъ 15 до 20 р. и хранятся въ переднемъ углу аяла, вмѣстѣ съ манѣак'омъ. Остовъ бубна, дерево, желѣзо никогда не перемѣняются, — перемѣняется только шкура, которою обтягивается бубень. Если въ моментъ смерти человѣка бубень находился въ аялѣ, то отъ присутствія посланника Эрлика Алдачы онъ оскверняется (ѣман болот) и теряетъ силу. Послѣ этого шкуру на немъ перемѣняютъ. Вмѣстѣ съ бубномъ, въ такихъ случаяхъ, оскверняются и всѣ священныя принадлежности: ѣалама, баіры, сумка, въ которой хранится Јаѣык и шаманская одежда. Чтобы сохранить отъ оскверненія, предусмотрительные шаманы и шаманки, или хозяинъ дома, въ моментъ смерти человѣка все это выносятъ вонъ изъ аяла.

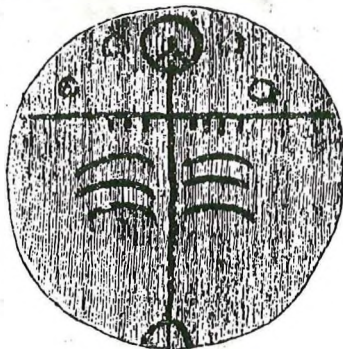

Рис. 45.

Прожогъ шкуры отъ огня считается дурнымъ предзнаменованіемъ для шамана или шаманки; послѣ этого шкура на бубнѣ тоже перемѣняется.

Если отъ постоянного употребленія бубна или неосторожнаго соприкосновенія съ острымъ предметомъ кожа прорвется, то на прорванномъ мѣстѣ нашивается заплатъ или наклеивается шкурча при помощи обыкновеннаго клея.

Старую шкуру бубна уносятъ въ лѣсъ, гдѣ оставляютъ на суку дерева.

Бубень изъ одного аяла въ другой, вмѣстѣ съ манѣак'омъ, перевозитъ другой человѣкъ, но не сами шаманъ или шаманка.

При перевозкѣ, обычно верхомъ, у бубна подвѣзываются ленточками всѣ бряцающія подвѣски, и при помощи кушака бубень подвѣзываютъ къ спинѣ всадника съ такимъ расчетомъ, чтобы рисунки бубна не портились отъ прикосновенія. Въ ненастную погоду бубень при перевозкѣ закрываютъ лѣтнимъ халатомъ.

Всякій бубень, по смерти шамана или шаманки, подвѣшиваются на сучокъ дерева, около котораго обычно хоронятъ самое тѣло, предварительно бубень изломавши.

Особыхъ ритуальныхъ процессій при похоронахъ шамана или шаманки не бываетъ и молитвъ не читается. Могила шамана или шаманки устраивается по возможности вдали отъ дороги и анла, на горномъ мѣстѣ, которое малодоступно насущемуся скоту.

Рис. 46.

Рис. 47.

Нѣкоторые родственники, по завѣщанію умершаго шамана или шаманки, дѣлаютъ новый бубень и ставятъ его на обычномъ мѣстѣ въ анлѣ.

Такой традиціи придерживаются шаманы и шаманки, имѣя въ своемъ анлѣ, такимъ образомъ, два бубна: однимъ камлаютъ, а другой стоитъ безъ употребленія.

Въ исключительныхъ случаяхъ шаманъ и шаманка могутъ замѣнять бубень лучкомъ — jölgö (рис. 46). Впрочемъ, jölgö не можетъ обслуживать полнаго камланія, а только часть его, когда узнаютъ волю духовъ.

Есть такіе шаманы и шаманки, которые при совершеніи многихъ обрядовъ ограничиваются только однимъ jölgö. Но послѣдніе обслуживаютъ религиозныя нужды только своихъ родственниковъ.

Части бубна.

1. Остовъ бубна составляетъ кедровая обечайка (каш); въ окружности имѣетъ отъ 10 до 12 четвертей, въ ширину — отъ 3 до 5 вершковъ. Скрѣпляется сыромятными ремнями.

Кедръ на обечайку берется изъ лѣса, удаленнаго отъ анловъ.

Тѳрт талазу аба јыштың тубунц,
Талдан аткыа ну кажым.

Изъ большого лѣса, вмѣщающаго четыре угла,
Выбралъ мою обечайку.

II. Внутренняя часть бубна.

а) Внутреннюю часть бубна разделяет на две равные части рукоятка. Она делается из чистого березового дерева (jаш kайн) и называется *йэй* — его хозяин; *йэй* — собственно, человеческая фигура на рукоятке, символизирующая давно умершего шамана, в память которого сделан бубен (рис. 47).

Голова *йэй* имеет овальную форму; на лице вырезаны: брови, глаза, нос, рот и борода. Место глаз всегда заполняется бликами из красной мёды. Брови (кабак), нос (тумчук), рот (ус), борода (сабал) в некоторых бубнах покрываются тонкой пластинкой красной мёды.

Грудь *йэй* под прямым углом пересечается витой прутьём железа (кіріш), изображающей руки (чалудың колы).

Внизу *йэй* имеет расширение и деление на две половины — бедра и ноги. Раздвоения в некоторых бубнах не бывает.

Над раздвоением в некоторых бубнах вырезается маленькая фигура человека — изображение самого камлающего (пожунд *йэй*), (рис. 48).

Наряду с обычным видом *йэй*, у алтайских шаманов встречается *йэй* с двумя головами (*йкі башту*) на одном общем остове (рис. 49). При этом одна голова находится в обычном месте и называется: чалудың бажы — голова чалуды, а другая — в ногах: кампың бажы — голова шамана.

б) *Кіріш* — железный пруть (собств. тетива); длина его — $3\frac{1}{2}$ четверти. Употребляется на бубне в двух видах: витой (толгомайдун тоң кіріш — витой крепкий кіріш) и простой. Путь завязывается наотмашь. С обеих сторон имеет горбики, изображающие плечи (*йін*). С правой стороны на кіріш подвешиваются пять железных пластинок, от 2 до $2\frac{1}{2}$ вершков, с левой — четыре, всего один девяток (бір тоғус), рис. 50. На некоторых бубнах их бывает больше и меньше.

Пластины называются коңура и символизируют стрелы, которыми отражают злых духов (jаман көрмөстөр).

Рис. 48.

Рис. 49.

Рис. 50.

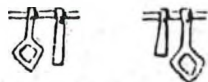

Рис. 51.

Рис. 52.

Съ коцура подвѣшивается стрѣла (jйбй или ох), иногда двѣ (рис. 51). Орудіе противъ злыхъ кѣрмѣсовъ.

Число стрѣлъ находится въ зависимости отъ числа арӯ тѣс'ей, которыя служатъ шаманъ или шаманка.

Стрѣлы даются отъ тѣс'я. На нѣкоторыхъ бубнахъ ихъ не бываетъ.

а) Къ кіріш'у, у шейной впадины, подвѣзываются разныхъ цвѣтовъ ленточки длиною въ $3\frac{1}{2}$ четверти. Онѣ называются кѣңй. Число ихъ неопредѣленное; подвѣзываются онѣ лицами, пригласившими шамана или шаманку совершить религіозный обрядъ.

1) Вверху, по обѣ стороны лица йзй, желѣзные серповидные крючки (рис. 52) величиною въ $1\frac{1}{2}$ вершка — уxo и серьга (ай кулак, сырға).

Рис. 53.

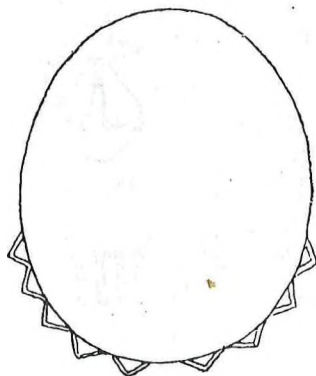

Рис. 54.

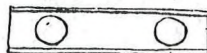

Рис. 55.

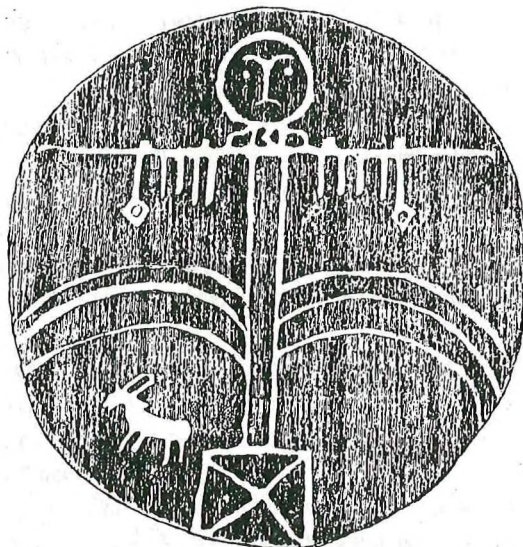

Рис. 56.

Во время камланія шаманъ или шаманка прислушиваются къ ихъ бряцанію и узнаютъ черезъ нихъ волю духовъ (кам кіжінің ай кулак тыңырты).

III. Ободъ бубна (тәғйрәк).

а) Ободъ бубна покрывается кожей (тәрі) марала (сығын), а въ исключительныхъ случаяхъ — кожей молодой лошади (малдың тәрізі). Кожа къ ободу пришивается конопляной ниткой; края кожи скрѣпляются другой ниткой, образуя своеобразную оторочку (jakka — воротникъ), рис. 53.

б) На верхней части обода, надъ головой йзй, вкладываются подъ кожу и перевязываются волосными перевками отъ пяти до девяти березо-

выхъ палочекъ. Образуются выпуклости — горбики. Горбики называются ёркёш (рис. 54). Служатъ для усиленія звука бубна (резонаторы).

а) Между ёркёш'ами подъ кожей вставляются два деревянныхъ кружка — карылдаш (дощечка), рис. 55. Къ нимъ съ внутренней стороны прикрѣпляются подвѣски: сырѣа и кулак.

IV. Рисунки (рис. 56 и 57 а) на бубнѣ (уікәрі).

Все рисунки на бубнѣ выполняются двумя красками: бѣлой и красной (ап-адаш таш, кызыл таш). Ту и другую краску готовятъ изъ мягкихъ камней, которые берутъ въ вершинахъ рѣчекъ. Способъ приготовления

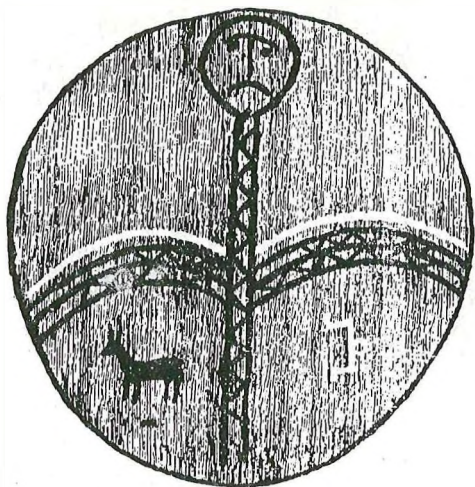

Рис. 57 а.

Рис. 57 б.

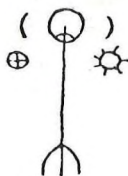

Рис. 58.

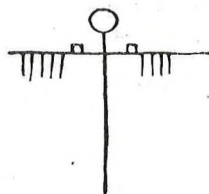

Рис. 59.

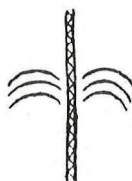

Рис. 60.

Рис. 61 а.

Рис. 61 б.

краски простой: камень разбиваютъ на мелкія части, кладутъ ихъ между другими камнями и растираютъ. Образовавшійся порошокъ смачиваютъ слюной и, при помощи указательнаго пальца, зарисовываютъ бубенъ. Выполненіе рисунковъ производится болѣе опытными мужчинами, называемыми ју-ручі (рисовальщикъ).

V. Рисунки внутри бубна.

а) Аэі — толстая прямая линія, разсѣкающая бубенъ на двѣ половины; вверху — голова, внизу — ноги, по бокамъ головы — полуовалы (кулак — ухо) и кружки (кун, аі — солнце и луна). Рис. 58.

б) Кіріш — поперечная черта, съ полосками (коңура) и плечиками (бркѡш — букв. горбикъ), пересѣкающая йзї (рис. 59).

в) Солоңы — три дугообразныя полоски, пририсованныя съ правой и лѣвой стороны йзї. Такъ называются радуги, которыя являются постоянными рисунками всякаго бубна (рис. 60, 61 а, 61 б, 67 а).

г) Подъ радугами встрѣчается изображеніе березы (баї каиц — богатая береза), рис. 62 и 66, — той березы, изъ которой дѣлается рукоятка —

Рис. 62.

Рис. 63.

Рис. 64.

Рис. 65.

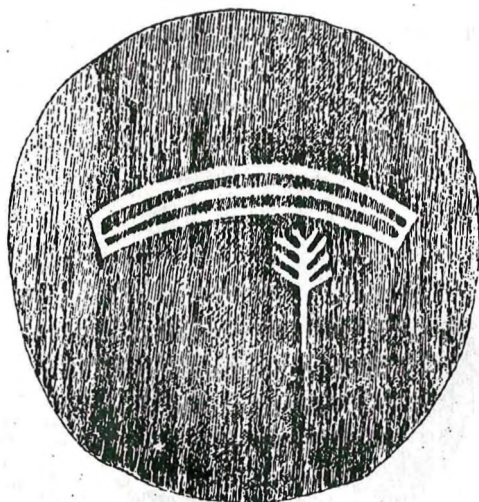

Рис. 66.

йзї. О березѣ вообще шаманисты-алтайцы думаютъ, что она происходитъ (букв. отдѣлена) отъ Бога (кудайдац айрылған), — поэтому ее никогда не разбиваетъ громомъ.

д) Рисунокъ марала — сыбын (рис. 63), кожей котораго обшивается бубень.

е) Ужъ — камык (рис. 64) — обитатель береговъ озеръ преисподней, которыми владѣетъ сынъ Эрлика Пї-Батыш.

Кяр јутпалу Пї-Батыш,
Јыланду, накалу, камыкту!

Пї-Батыш, имѣющій живоглода,
Змѣю, лягушу, ужа.

VI. Рисунки на обечайкѣ (рис. 57 б, 67 б, 69 а, 69 б, 73 б).

На этой части бубна встрѣчаются полосы, идущія по краямъ обода, и пересѣкающія ихъ линіи. Последнія проводятся по горбикамъ (бркѡш); число ихъ — пять, семь, девять и болѣе. Промежутки отъ пересѣкающихся

линій заповнюються точками или фигурами зв'яздъ (jылдыс). Всѣ лінії на ободѣ бубна називаються: пілдур (орнаментальное украшение).

VII. Рисунок на лицевой сторонѣ бубна.

Лицевая сторона бубна изобилуетъ разнообразными рисунками, которые можно раздѣлить на двѣ основныя категоріи: рисунки предметовъ земной сферы и небесной (рис. 68, 70).

а) Господствующимъ рисункомъ этой части бубна является фигура человека — Ёзі (хозяинъ); изображение умершаго шамана (озо кам). Рис. 71.

Это изображение на бубнѣ наблюдается въ двухъ видахъ. Первый — представляетъ собою толстую лінію; вверху лініи — овальная голова, два глаза, брови, носъ, ротъ; внизу, около обода — раздвоение (аіры), ноги; по бокамъ головы — по одной парѣ черточекъ (ухо и серьга — кулак, сырға). Рис. 65.

Второго типа Ёзі вверху вмѣстѣ обрисованные: брови, глаза, носъ, ротъ, бороду; остовъ его состоитъ изъ двухъ прямыхъ параллельныхъ ліній

и третьей зигзагообразной; внизу у ногъ — расширение, а между ногами — миниатюрная фигура человека (рис. 68 и 72). Последняя, какъ мы сказали, называется тоже Ёзі — хозяинъ; это — изображение духа (кёрмёс), который руководитъ шаманомъ. Этотъ духъ называется Аігъан. При камланіи онъ приводитъ камлающаго въ особое состояніе, въ экстазъ.

б) Кіріш — поперечная лінія, разсѣкающая Ёзі въ плечевой части; съ двумя горбиками (ін — плечи), съ длинными полосками (коцко), короткими полосками — пять, семь, девять (коцура) — и стрѣлами по краямъ (яба).

в) Кун, аі — солнце и мѣсяць. Кружки, съ пересѣкающимися внутри лініями и черточками по краямъ (яркын — лучи). Находятся въ верхней

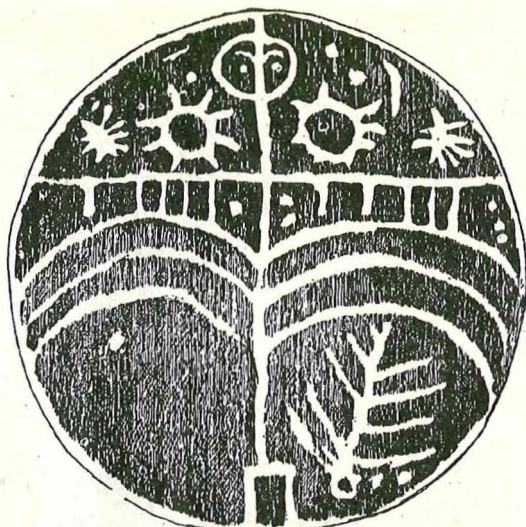

Рис. 67 а.

Рис. 67 б.

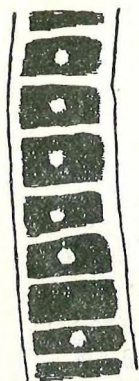

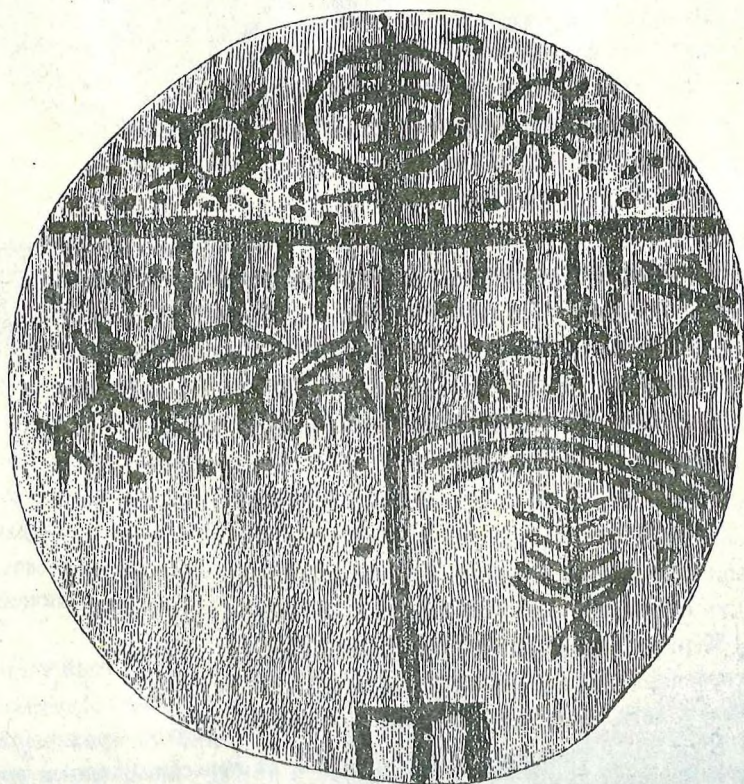
Рис. 69 а.

Рис. 68.

Рис. 69 б.

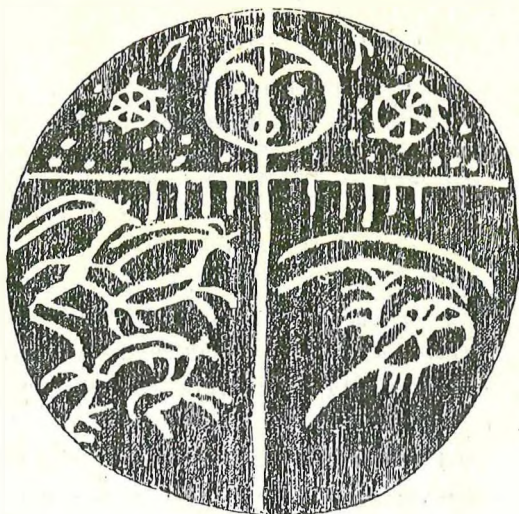

Рис. 71.

части бубна, надъ кіріш'емъ; на правой сторонѣ айі—мѣсяцъ, на лѣвой—солнце (рис. 74). Такое распределение замѣчается на всѣхъ бубнахъ. Соответствуетъ лѣтнему хожденію солнца и луны. По шаманской мистеріологiи въ это время года шаманы могутъ восходить на небо.

Около солнца и луны рисуются кружки меньшихъ размѣровъ — утренняя зоря (таң чолмон), вечерняя зоря (аңйр чолмон) (рис. 75).

Въ области, занимаемой мѣсяцемъ, солнцемъ и зарницами, на бубнѣ накладываются точки, изображающія звѣзды (йылдыс). Число ихъ неопредѣленное — отъ одного до восьми десятковъ. Въ нѣкоторыхъ бубнахъ точки встрѣчаются и на нижней части кожи.

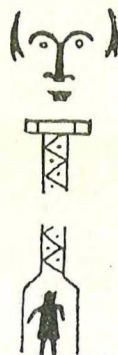

Рис. 72.

Рис. 73 а.

Рис. 73 б.

Рис. 74.

Рис. 75.

Рис. 76.

Рис. 77.

Рис. 78.

Рис. 79.

Рис. 80.

Айлү кундү тайңарым
Ак ажастан айрылган.

Мое небо съ солнцемъ и луной,
Отдѣлившееся отъ Бѣлой Ясности (Уйган'я).

1) Солоңы — радуги. Онѣ изображаются кучкой въ видѣ трехъ, четырехъ и пяти дугообразныхъ линій и стоятъ на бубнѣ или самостоятельно (рис. 66, 73 а, 86), или по бокамъ Ызї, образуя какъ бы ребра человеческой фигуры (рис. 56, 57 а, 67 а, 68, 76).

Число радугъ въ шаманскихъ молитвахъ упоминается три (уч солоңы) и шестьдесятъ восемь (алтон сәгис солоңы).

д) Баї каиң (богатая береза) рисуется на бубнѣ съ привизаннымъ къ ней жертвеннымъ животнымъ (мал), а иногда и безъ него. Изображается моментъ при жертвоприношеніи чистому тѣс'ю (рис. 77).

е) Мѡш аҗаш (кедръ) (рис. 78), рядомъ съ нимъ — фигура марала. Изъ кедра дѣлается обечайка бубна и покрывается кожей марала.

ж) Противъ березы съ жертвеннымъ животнымъ иногда рисуются фигура шамана въ халатѣ, шапкѣ съ лентами и бубномъ въ рукахъ (рис. 79) и другая фигура человека (наш туткан — голову держащій, рис. 80). Картина взята изъ мистеріи, когда шаманъ ударомъ бубна отсылаетъ жертвенное животное съ человекомъ (наш туткан) къ тому или другому чистому тѣс'ю на небо. Дѣйствіе называется — мал казын јат (животное посылать).

з) Подъ рисунками радугъ (солоңы) на нѣкоторыхъ бубнахъ встрѣчаются изображенія предметовъ «таилги»: 1) паканы (толстая береза съ раздвоеніемъ вверху), 2) јүкәлі (длинный шестъ, съ одной стороны упирающійся въ землю, а другою перекинутый черезъ развилку паканы; на концѣ — шкура жертвеннаго животного), 3) јәк (два шеста съ веревкой; на веревкѣ — ленточки, а въ срединѣ шкура зайца — айгыр којон самецъ-заяцъ, или айгыр тулаї — почтительное обращеніе къ зайцу), 4) шоңкор (соколы, изображенные на шестахъ јәк'а, 5) тайкпіш

(лѣстницы — двѣ деревянныя площадки съ палочками, на двухъ шестахъ),
6) шірѣ (престолъ, состоящій изъ четырехъ кольевъ, перекладинъ и хвороста),
7) казык (коль, около котораго шаманъ читаетъ молитвы при жертвоприношеніи) (рис. 81).

и) Надъ солоцы (радугами) — изображеніе, называемое пура (рис. 82, 83). Пура рисуется въ видѣ качкара (барана) съ тремя длинными рогами. На бубнѣ ихъ рисуется всегда три (уч пура).

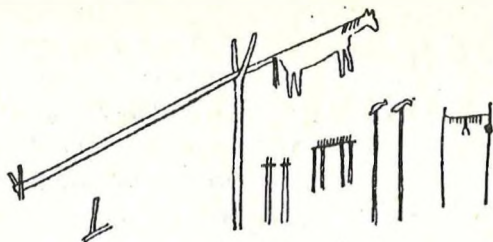

Рис. 81.

Рис. 82.

Рис. 83.

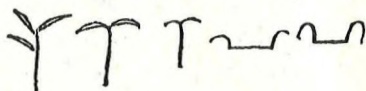

Рис. 84.

Рис. 85.

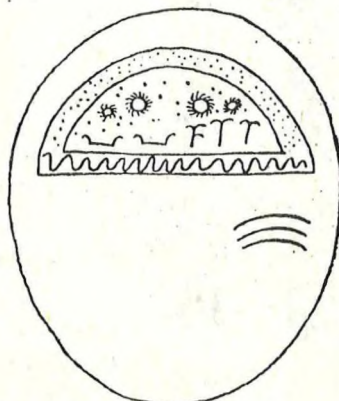

Рис. 86.

Другой видъ пура представляетъ собою палочку съ раздвоеніями
вверху или горизонтальную линію съ отрогами на концахъ (рис. 84).

Пура славословится въ мистеріяхъ къ чистымъ тѣс'лямъ.

Сут¹ — кбѣдѣ уч пура,
Аідың кувѣдѣ јајағаны.

Молочнаго озера три пура,
Твореніе мѣсяца и солнца.

¹ Сут-кбѣ — «молочное озеро» — находится на горѣ, близъ р. Кемчика, при впадении въ нее р. Ак-суг (Сойотил).

Каш пажының
Кара пура!
Канча төскө камдаза,
Мәнің бажыма кујак бол.

Вверху обода (бубна)
Черный пура!
Сколько бы төс'ю ни камлали,
Всегда будь обручемъ моей головы.

По объясненію алтайцевъ, громъ на небѣ производитъ пура.

і) Въ области между кіріш'емъ и солоң'ы, по обѣимъ сторонамъ ӕзі, на нѣкоторыхъ бубнахъ встрѣчаются рисунки девяти дочерей Ӱлгән'и (аға кыстар или кыјандар), рис. 85.

У алтайскихъ шамановъ и шаманокъ встрѣчаются бубны безъ рисунка ӕзі, съ предметами небесной сферы: ай, күн, үч пура, үч солоңы, јалбын (молнія), јылдыс, чолмон. Всѣ рисунки на такихъ бубнахъ расположены въ верхней части (рис. 86).

VIII. Орбу (колотушка), рис. 87.

Орбу всегда дѣлается изъ дерева молодой березы (јаш кайң). Длина орбу — $\frac{1}{4}$ арш., ширина $1\frac{1}{2}$ верш. На концѣ, гдѣ берется рукой, пробивается дыра, въ которую вдѣваютъ ремешокъ (пидіргә); завязываютъ его кольцомъ. При камланіи кольцо надѣваютъ на кисть, чтобы орбу не выпадала изъ руки. На ремешкѣ привязываютъ ленты (кбңя) или жгуты (манјак). Все это называется уҕакјр (украшеніе).

Лицевая сторона орбу обшивается кожей отъ ногъ животнаго.

Другая сторона орбу (алакан — ладонь) украшается кольцами (тәрбәк), которые располагаются въ три ряда по три, всего одинъ девитокъ (бір тобус). Иногда бываетъ только три кольца.

Орбу въ молитвахъ называется плетью, потому что камлающій бьетъ ею по бубну.

Пидіргәлү сәі орбум,
Ұлакәрлү сәі камчы,
Үч ујалү сәі орбум!

Съ подвязкой разстилающаяся моя орбу,
Украшенная разстилающаяся плеть,
Трехсоставная разстилающаяся орбу моя!

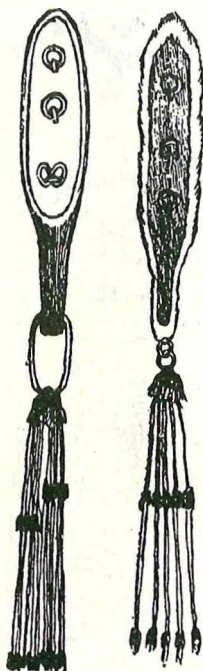

Рис. 87.

Общій видъ рисунковъ на бубнахъ.

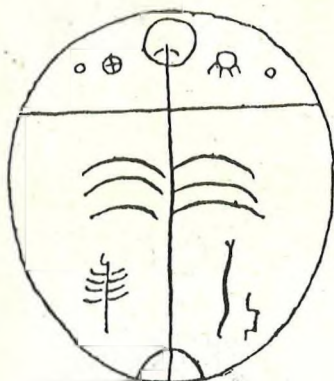

Рис. 88 а.

Рис. 88 а. Внутренняя сторона бубна.

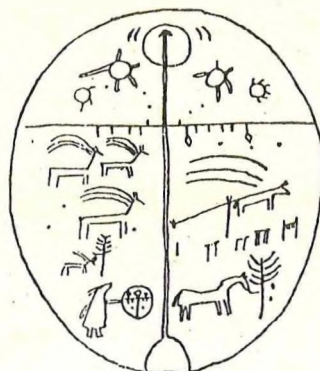

Рис. 88 б.

Рис. 88 б. Внешняя сторона бубна.

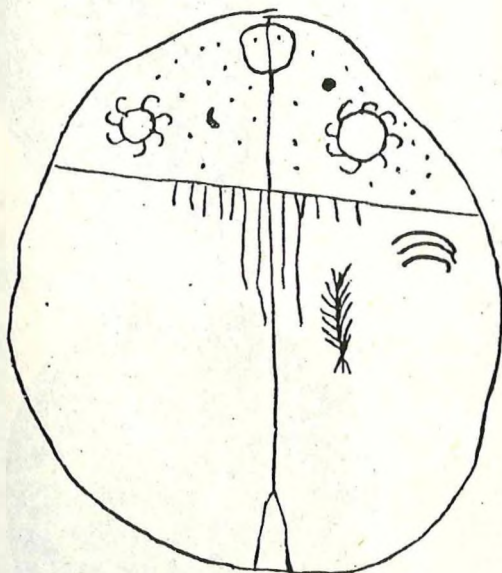

Рис. 89.

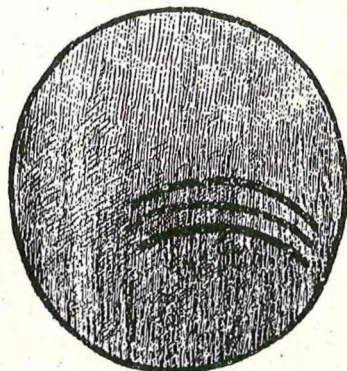

Рис. 90.

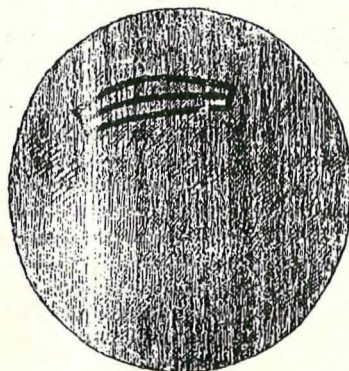

Рис. 91.

Рис. 89 — 91. Внешняя сторона бубновъ.

Общій видъ рисунковъ на бубнахъ.

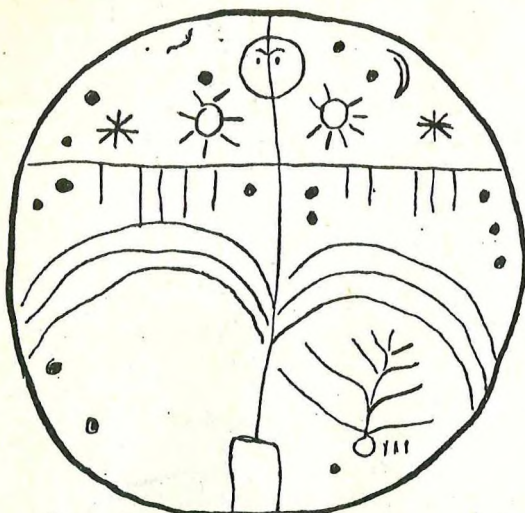

Рис. 92.

Рис. 93.

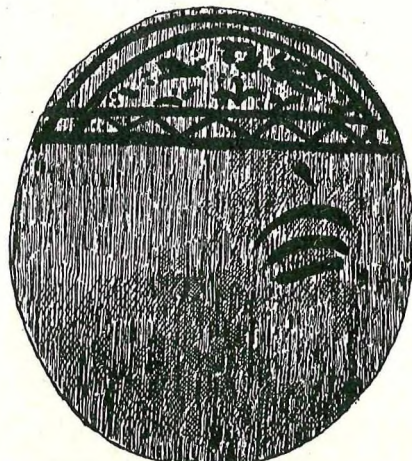

Рис. 94.

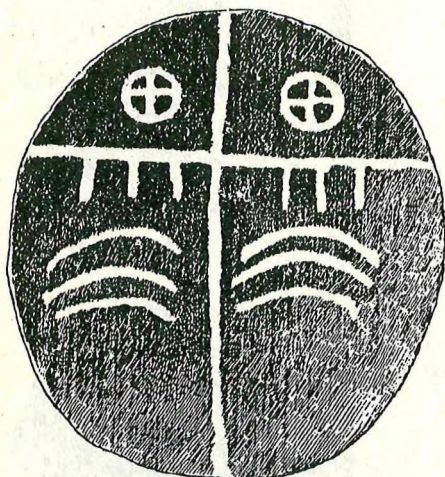

Рис. 95.

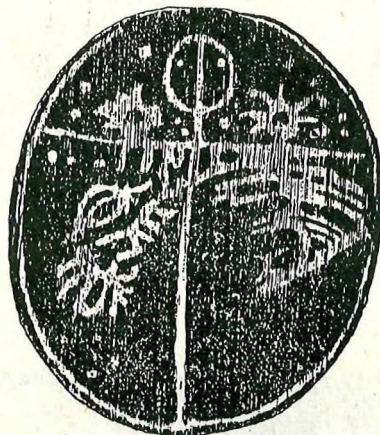

Рис. 96.

Рис. 92—96. Внѣшнія стороны бубновъ.

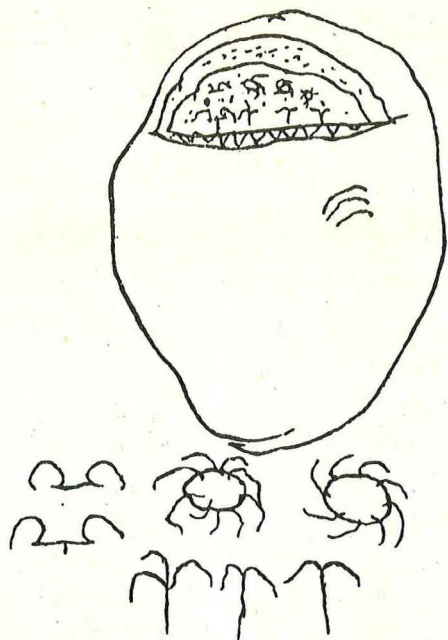

Рис. 97. Рисунок на внешней стороне бубна.

V. Камланія (тексты¹ съ переводомъ).

I. Шаманъ Полштопъ.

Шаманъ Полштопъ, 32 лѣтъ, I-ой алтайской дучины, рода Маѣмалар-кѣжѣ, кости (сѣк) Очы. Живетъ на рѣчкѣ Арѣмѣс, правый берегъ р. Катунѣ. Его родословная:

Родъ матери:		Родъ отца:	
шаманъ ●	Чуѣук (отдаленный родственникъ).		
шаманка ●	Аршан (отдаленная родственница).		
не шам. ○	Өңдөк.		
шам. ●	Сѣргәй (прапрадѣдъ).	○	Мәтрәй (прапрад.) не шам.
шам. ●	Сѣмәйәк (прадѣдъ).	●	Саңызак—шам. (прадѣдъ).
шам. ●	Тіскінәк (дѣдъ).	○	Мәгидәк (дѣдъ) не шам.
Ястакон ● шаманка.	● Тыкма (мать),		
братъ Тыкма,	сѣк Кәргил.	○	Паштра (отецъ) не шам.
шам.	Полштоп.	●	

¹ Полностью записать тексты камланія возможно только при помощи графофона; даже человекъ, вполне знающій языкъ, не въ состояніи успѣвать записывать за шаманомъ, который изъ своихъ призываній диктуетъ только безсмысленныя отрывки. Въ виду этого нижеприводимые тексты представляютъ собою лишь разрозненныя, часто недоконченныя и поэтому непонятныя отрывки.

Полштопъ призываетъ: 1) кровныхъ духовъ (ару нѣмѣ): Чуѣукъ, Саргаі, Сѣмѣнѣк, Тіскіпѣк и Саңызакъ, Аршѣн.

2) Изъ духовъ горъ (алтай): Ёч мѣстѣ Кара-Каја.

3) Ару тös — духовъ неба: Каршыт (сынъ Ылгән'я).

Кара тӧс — духовъ преисподней:

Караш, Патыш — Кярй (сыновья Эрлика).

1) Призываніе кровныхъ духовъ.

А л к ы ш (благословеніе) к ъ р м ъ с' амъ шамана.

Чу́жк'у.

Аі кунѹм Шулмустар!
 Пулут кѳстѹ Пѹра-Кѳан!
 Мус аҗакту Пѳ-киҗи:
 Пулут кѳстѹ Таи Пѹра!
 Арѹ туҗаи Үч җалҗис!
 Өлгѳн киҗи (ползо) кирбѳитѳаи.
 Аҗазым пычын турҗан,
 Үч тѳкпиштѹ Паи Каршыт!
 Алтын кырлѹ Ак-Җаҗырым!
 Үч мѳстѹ Кара-Җаҗа Алтаҗым!

Сүт көлдүң Кяр-Пура!
Агарарда ак Жылдыс
Ак адамнаң төгүлүп-жат.
Ала шоңкор ар алдыма акшыңаи.

Поро мүркүт әккі інімә шыңыңай.

Ләзім тағбадаң сунған Чујук!

Мои мѣсяцъ и солнце—Шулусъ!
Облачноглазый Бүра-Ханъ!
Бі-кіжі, имѣющій ледяныя ноги!
Таі Бүра, имѣющій облачныя глаза!
Чистые, равныя три jälбіс!
Не заходящій (въ юрту), гдѣ умершій.
Вырѣзывающій мою ясность (небо),
Трехступенный Баі Каршыт!
Златогранный мой Ак Јајык!
Трехрогая Кара Каја (Черная
Скала), мой Алтай!

Каръ Буръ молочнаго озера!
Въ бѣлющемъ (небѣ) бѣлыя звѣзды
Отъ Бѣлаго Отца моего сыплются.
Пусть кричитъ предо мной лѣгкій со-
колъ.

Пусть выпускает звуки сѣрый бер-
кутъ надъ двумя моими плечами.
Съ Јазімі тайги стремящийся Чујук!

Саңызақ'у.

Алаш-шыла Кәмдік тағға тајанған.

Көк мөңкө кырлу кыштаған.

Старшая и младшая двѣ сестры:
Абага и Кадыл!
Опирающіяся на горы: Алаш и
Камдік.
На высотѣ синевы и вѣчности зи-
мующій.

Кѣк аяс тѣп айттырған,
Тяңарайы тәдирған,
Ада Пуркан тѣп айттырған.
Абӯ-кәнды тајанған,
Алтын кѣлгѣ јунунған
Абӯ тајым Саңызак!

Прозванный синей ясностью (небо),
Призванный небеснымъ,
Прозванный Отцомъ Буркан'омъ.
Опирающийся на Абӯ Канъ,
Омывающийся въ Алтын Кѣл'ѣ.
Дядя мой (по отцу) Саңызак!

Сәргәй'ю и Сәмәнәк'у.

Јәзім паскан,
Сумѣр таикә јѣлбәгән,
Ак улубурак сиккәнгән.

Ак јаламазы төгүлгән.
Аіды күнді алақан,
Ак тајым Сәргәй (Сәмәнәк)!

Ступающий на Јәзімъ,
Прислонившійся къ Сумѣр горѣ,
Встряхивающий бѣлымъ улубу-
ракомъ,
Чьи бѣлыя јалама разсыплются,
Мѣсяць и солнце славословящій,
Бѣлый дядя (по матери) Сәргәй
(Сәмәнәк)!

Аржән'у.

Олуттү паскан,
От алышкан Он Сурӯ,

Ойтго түшкән Он албыр.

Кујушканы мызыл түшкән,
Кујурманы јалкын түшкән;

Тал түңүрүңә тајанған,
Таш орбузун јаңынған,
Аттү чүлү Аржән!

Наступающая на плоскогоріе,
Производящая молнію (огонь) Он
Сурӯ (десять конусовъ),
Опять спустившіеся Он албыр [де-
сять (доскутовъ) пламеней].
Чья потвоя (сѣдла) блещущая,
Чей колчанъ низвергается, какъ
молнія;
Опирающаяся на средину бубна,
Махающая каменной орґу,
На конѣ въ доспѣхахъ (знаменитая)
Аржән!

Тіскінәк'у.

Јәзім паскан, Тіскінәк!
Кун әбірбәс Куләр Тү;

Аі әбірбәс Алтын-Тү,

Сут-Кѣлгѣ јунунған,
Сумѣр таикадаң јарғы алған.

Опирающийся на Јәзімъ, Тіскінәк!
Куләр Тү (Стальная гора), которую
солнце не обходитъ.
Алтын-Тү (Золотая гора), которую
мѣсяць не обходятъ,
Омывавшійся въ Сут-Кѣл'ѣ (Молоч-
номъ озерѣ).
Взявшій рѣшеніе отъ Сумѣр-горы.

Аға Кыстар'амъ.

Абӯ кәһә тајанған,
Абӯ кәһәң Аға Кыстар!
Сут-Көлдiң Пұралар;
Ак Аданы тајанып,
Айды күндү алкап жүргән,
«Кугурчi» тәп,
«Јалбынчы» тәп,
Кугурчiдiң әзi,
Јалбынчының улузы.
Јалағалұ Паи-Тәисән,
Јалбырақтұ Паи-Кәһәң!

Опирающіяся на Абӯ кәһә,
Абӯ кәһә'а (дочери) Аға Кыстар!
Сут-Көл'я (Молочнаго озера) Буры;
Опираюсь на Ак Ада,
Славословящія солнце и мѣсяць,
Говоря: громовержцы,
Говоря: молніеносцы,
(Вы) хозяина громовержца,
Народъ молніеносца.
(Вы) съ лентой Баи-Тәисән,
Съ листьями Баи-Кәһәң (т. е.
густолиственная берёза)!

Бади.

Акта кәһәң Пады!

Јәһәм паскап,
Сумәр тағә јөһгән,
Сут көлгө јунған.

Айға барған палә јазал полбон.

Јуртка калған ұлға сакчы полбон.

Јатка пәргән палазына,

Јаш кабаи јәкаткан.

Јаш корбо өскүргән...
Паскап іскә пәрым салған,

Јаманға јол бәрбәйттән.
Аза-јәккә јол бәрбәйттән.

Въ бѣлизнѣ (небесной), тесть мой
Бади!
Ступающій на Јәһәм,
Прислонившійся къ Сумәр горѣ.
Омывавшійся въ Сут Көл'ѣ (Молоч-
номъ озерѣ).
Украшеніе для дѣвушки, отданной въ
народъ (замужъ),
Хранитель юношѣ, оставшемуся въ
юртѣ (сиротѣ).
Отданную къ чужіе люди дѣвушку
(замужъ),
Заставляющій качать колыбель мо-
лодую.
Взростившій плоды и побѣги...
На слѣды прошедшаго полагающій
баирым,
Не дающій злomu дороги,
Не дающій дорогу Аза-Јәк'у (т. е.
злomu духу).

Көк-Өлө.

Көһөк көстү Көк-Өлө!
Ајак көстү Көк-Өлө!
Әділ куштұң уяу
Јаңкыл түшкән «Көк-Өлө»!

Көк-Өлө съ глазами, какъ ведра!
Көк-Өлө съ глазами, какъ чашки!
Звукъ пѣвчей птицы (кукушки)
Громко раздается: Көк-Өлө!

Арман ағаш пүрү
 Жалбыр тушкан Ак-үлб,
 Көк манжабың табыжы
 Көк тәдәрәдің сыңылтї.
 Көк күзүң табыжы
 Көк аястың күкүртїндї.
 Ағазі жок өксүскә
 Пүр сапайтган,

Пузәлү аң киккә

Піјан пәрәтгән.

Почки красивыхъ деревьевъ
 Распустились пушисто, Ак үлб!
 Шумъ синяго манжак'а твоего
 Подобенъ грозѣ синяго неба.
 Шумъ синихъ колодольцовъ
 Подобенъ грому синей ясности.
 Безматерней сиротѣ
 Полагающійся на печень¹ (сердеч-
 ный).
 Длкимъ звѣрямъ, пмѣющимъ моло-
 дыхъ,
 Дающій милость.

2) Молитва Каршыт'у.

Аіды күндү жылыштырған,
 Ак пулуту ажырған,
 Кара ағажын өткөп,
 Калбакка сакпакка кәмдәп калған.

Кара тажын өткөп,
 Оттук ташка тундәгән.
 Жалбынчы, Куңұртчі!
 Тұра жалду малдың кудұн жајаит,

Тулку сындү паштың кудұн жајаит.

Кіндіктүдү жапа салған,
 Кірбіктүдү пычып салған.
 Тізірт әдіп ігәндә,
 Јәр тәңіс сікінәт.
 Тібірт әдіп ігәндә
 Јат кижинің
 Јал јурағї жалырайт.
 Орө тұрған Кудайбыс,
 Јалбарабыс!

Движущій солнце и луну,
 Перекачивающій бѣлыя облака,
 Разрушающій черныя лѣса,
 Имѣривъ (щепки) ложкой и савкой
 (черпакомъ).

Разрушающій черныя скалы,
 Дробящій (ихъ) въ величину кремня.
 Моліеопосецъ, Громовержецъ!
 Создаешь ты кут² скотскій съ одно-
 сторонней гривой,
 Создаешь ты голову съ круглымъ
 туловищемъ.

Создалъ имѣющаго пуповину,
 Вырѣзалъ имѣющаго рѣсницу.
 Когда топнеть (ногою),
 Земля и море сотрясаются.
 Когда дѣлаетъ трескъ,
 У чужестранныхъ людей
 Горитъ отъ страха самое сердце.
 Въ высотѣ пребывающій нашъ Богъ,
 Умоляемъ!

¹ Человекъ дѣлаетъ добро подъ давленіемъ печени, а не сердца.

² Кутъ — одна изъ душъ человека и животныхъ (собственно счастье въ значеніи жизненной физической силы).
 Гед.

Ј а ј ы к' у.

Куңурчидиң айрылган,
Куигакчидиң чайылган,
Тинди полуп тизилган,
Либак полбон чөйлган...

Урбуны нажын јаажып салган.

Улу тыныбысты пычып салган.

Отъ грозоносца отдѣлившійся,
Отъ Палящаго отвязавшійся,
Какъ поводъ (бисеромъ) наизанный,
Какъ шелковый (поводъ) протяну-
вшійся...

Главныя головы совмѣстно (съ Бо-
гомъ) создавшій.

Вырѣзавшій нашу тягостную душу.

К у р м у ш' у.

Ўч уялу Паи-Курмуш!
Арман ағаш айу.
Ада полуп, сакыган,
Айбыр полуп, кудуп калган.
Алты айрыдың кујағы,
Јазы јардиң жаманына јол барбайттан.

Амдик байтал көлкө тарткан.

Алик кик таппи туткан.

Корволдың нап мызыл тушкан.
Корум адак шырыл тушкан.

Трехсоставный Баи-Курмуш!
Въ красномъ (?) деревѣ твой духъ,
Будучи отцомъ, охраняешь,
Какъ жеребецъ, табунъ пасешь.
Ты броня шести развилигъ,
Къ худому изъ ровныхъ мѣстъ за-
граждаешь путь.

Невыѣзженную лошадь (кобылицу
трехъ лѣтъ) превратилъ во выюч-
ное животное.

Тебѣ преподносятъ блюдо съ лѣсной
дичиной.

Свинцовая голова сілетъ.
Мелкіе камни у подошвы горы тре-
щаютъ.

А р у к а м' амъ.

Аи кунум, Ўч Шулмус!
Аязым, Ўч Пура!
Киндик адим кискан,
Кирбик жажым жажаган.
Пулут көстү Таи-Бура!
Мус ажактү, Пи кизи,

Арү түп, Ўч јилбіс;
Јатти туңаи, Саја-Кыс.
Сумар таига јолбуну калган

Мѣсяцъ и солнце мои, Ўч-Шулмус!
Моя ясность, Ўч-Бура!
Отрѣзавшій пуповинное тѣло,
Создатель слезъ рѣсницъ (глаза).
Таи-Бура, съ облачными глазами!
Би кизи, имѣющій ледяную чашку
(или: — ледяныя ноги),

Чисто рожденныя Ўч јилбіс¹;
Семь равныхъ Саја-Кыс!
Прислонившійся къ Сумар-горѣ

¹ Ўч-јилбіс — дочери Абү-Кан'а.

Сут-Көлүм, Кәр-Бүра!
Сумәр тайға тажанған,
Ағарарда ак жылдыс
Ак ададаң төгүлгән.
Ала шоңкор ыр алдымнаң акшыған;
Поро шоңкор аккі инім шыңыған,

Алт-он сәгіс ак солоңы
Ак инімә сайған.

Чужук Јазім тарткан.
Учар адам Абай,
Ак манжактаң аңданған,
Улу адам Кадыл.
Аи күзүңү ачкәлгән,
Ак күләрі толбоңгон.

Тобус манжак ачкәи калған,
Убуракту куш ибрук оинол калған,

Кәр-Камдик јөлөнгөн,
Алаш Камдик тажанған,
Абурајым Саңызак!
Абу Канға тажанған,
Алтын Көлгө јунуңған,
Сумәр Улан тажанған,
Көкө (?) мөңкү өткөн,
Көк ајаска јалбарған,
Курүлү кышта Аилү күндү

Таңарә азкаған.
Таңарә улу тәдиргән,
Ада Пурхан тәп айттырған.
Кыдырғаным: Сәргәи, Сәмәнәк,

Канас, Аржан, Ачәгә, Накыбаи,
Пајады, Тіскінәк, Ады-јок,

Паді, Көк-өлө.

Сут-Көл мой и Кәр-Бүра!
Опираься на Сумәр-гору,
На бѣлизнѣ небесной бѣлыя звѣзды
Отъ Бѣлаго Отца разсыпались.
Пѣгій соколъ кричитьъ предо мной;
Сѣрый соколъ кричитьъ надъ двумя
моими плечами.

Шестидесять восемь бѣлыхъ радугъ
На бѣлыхъ плечахъ моихъ водрузи-
лись.

Чужук'а притягалъ Јазім.
Летающая тетка моя Абай,
Катавшаяся отъ бѣлаго манжак'а,
Старшая тетка моя Кадыл.
Дуновидные колокольцы сотрлсаются,
Бѣлыя чугуны (бубенцы металличе-
скіе) катаются.

Девять манжак'овъ сотрлсая,
Играя «птичьей шапкой» съ развѣ-
вающимися перьями,

Прислонился къ Кәр-Камдик'у,
Опираься на Алаш Камдик,
Дядя (по отцу) Саңызак!
Опирающійся на Абу-Кан,
Омывавшійся въ Алтын-Көл'ѣ,
Опирающійся на Сумәр-Улан,
Сивеву, вѣчность разрушал (ледъ),
Синей ясности молился.

Въ обильную инеемъ зиму съ солн-
цемъ и мѣсяцемъ

Небо славословило.
Названъ сыномъ Неба,
Именуешься Отцомъ Бурхан'омъ.
Призываемые мною: Сәргәи, Сәмә-
нәк,

Канас, Аржан, Ачәгә, Накыбаи,
Бајады, Тіскінәк, Ады-јок (т. е.
безымянный),

Баді, Көк-өлө.

Огню.

Ўч-талам таш очок,
Ўзу куйган ал жалбыным.
Таш очоғу тайкылбас.
Мийику турары канді?
Салған оду чокту јурай канді?

Талкан оду чокту адары канді?

Ўзулбаска улу пайи јадары канді?

Ўлгурайбас (?) јарғы алады јадары
канді?

Ўзулганын улап јадары канді?

Ајас Каның улу,
Айдың кунің улаји, —
Пір піјанды алады
Јадары канді?

Треугольный каменный очагъ,
Жарко горящій красный мой огонь.
Каменный очагъ не покачнется;
Будетъ ли долговѣчнымъ?
Положенный огонь будетъ ли жар-
кимъ?

Будетъ ли съ нагаромъ огонь, какъ
толокно? ([?] или: Зажжённый
огонь будетъ ли метать искры? [?]).
Остается ли (родъ), давши долю (т. е.
потомство), чтобы не прекратиться?
Не изнашиваться (не ветшать, не
бѣдствовать) дастся ли рѣшеніе? (?)

Надставится ли порванное?
Доля Ајас Кан'а,
Части мѣсяца и солнца, —
Будетъ ли направлена
Хоть одна милость?

Молитва, читаемая при выходѣ изъ юрты и около жер-
твенной лошади.

Јарғы јарға томүлүн,

Кулор ай салынарба?
Кумуш уйган суғуларба?
Ок Пуруи ма!
Алтын чадаңга пірігарба?

Ак брғо табыжарба?
Ак казыкка чалынарба?

Ўзулбаска улу јајаиры канді?

Кудайыбыс піска пір улу пайарба?
Оп Куруи!

Айдап јадар малыбыска піјан пай-
райба?

Оп Куруи!

Приноспому въ жертву на судилищѣ
(животному).

Положится ли бронзовое сѣдло?
Надѣнется ли серебряпал узда?
Ок Пуруи мѣ!

Присоединится ли къ золотой го-
родьбѣ?

Бѣлому дворцу вручится ли?
Обмотается ли (поводомъ) вокругъ
бѣлаго кола?

Чтобы не прерваться, создастся ли
доля?

Богъ нашъ дастъ ли намъ одну долю?
Оп Куруи!

Переходящему скоту нашему дастъ ли
милость?

Оп Куруи!

Поѣбыстың пажыбыска наш кожу-
ралы канді?

Ак шалтырак (?) пәрәрі канді?

Тар тйбәзі кәңиң жадары канді?

Улу аркыт кәңүргә

Үзүбәзі канді?

Оп Куруй!

Јат јоболҗо пәрбәзі канді?

Бистің әргің јүрәрібіс канді?

Карчыт Кудайбыс!

Оп Куруй!

Малдың сузын каҗын јат.

Сузү сомү јәдшсін.

Пу Кудайҗа пу Сула алатсын.

Јарҗы јәрдәң алтын јарҗы пу-
рулгүн

Јалыр отко піріктіргән.

Әзәндік јылҗа нјап пәрәрі канді?

Әмді јылҗа аңчу салары канді?

Әмді јылҗа јаш өйөңдї

Таң назары канді?

Куруінаң пәрәрі канді?

Туңаі јылды чыбарҗа

Пәк јарҗы пәрәрбә?

Алты аҗыдаң нурҗалдың,

Үч сыранаң аҗылып,

Үзү оттоң тәбилдің.

Ак нарылҗаң, алтын сулу (?)

Ајас Кәпҗа томулар.

Сурҗак саин суләнәр

Къ напямъ головамъ нашихъ тѣлъ
прибавятся ли еще головы?

Дастся ли бѣлый шалтырак?

Узкая столлика будетъ ли обширной?

Большой аркыт (кожаный мѣхъ) съ
закваской

Будетъ ли неисчерпаемъ?

Оп Куруй!

Не будетъ ли опъ подвергать насъ
чужому страданію?

Будемъ ли мы жить до старости?

Каршыт нашъ Богъ!

Оп Куруй!

Отправление къ Богу жер-
твеннаго животнаго (его
души).

Души и формы ихъ (т. е. жертвъ)
пусть достигнутъ.

Этому Богу этотъ Сула доставитъ.

Изъ суднаго мѣста вернетъ золотое
рѣшеніе

И присоединитъ къ пламенному огню.

На будущій годъ дастся ли милость?

На этотъ годъ дастся ли спокойствіе?

На этотъ годъ на молодую траву

Будемъ ли наступать вровень (съ
ней)?

Дастся ли отъ Куруй?

Наравитъ (съ прошедшимъ) прожить
годъ

Дастся ли крѣпкое рѣшеніе?

Взвился отъ шести развильнъ,

Отдѣлился отъ трехъ жердей юрты,

Отъ горячаго огня взлетѣлъ.

Твоя бѣлая жертва, золотой обѣтъ

Ајас Хану преподнесется (въ
жертву).

На каждомъ Сурҗак'ѣ (?) выполнить
обѣщаніе.

Алтаі ашкан ак кѣчкіл

Абун көгүн чөжүләр.

Аки түңәі ат шоңкорұң
Учар куштаң улулған.
Төрбөлдүң төрт паккан

Тозын алып жазаған.
Жулуи болгон жүгәлім,
Паі Каиңа кадыбан.
Аілу күндү Ајас Каиңа уткулзун.

Жалабалү Паі Тәисәң,
Жалбырактү Паі Каиң;
Азрайттан паштың кудун

Жајаиттан анаң көрөр.

Айдап јадаттан малдың кудун анаң
нычылаттан.

Жалабалү Паі Тәисәң,
Жалбырактү Паі Каиң ку Сургак.

Ас кижинің пажын бычаттан,

Ас ур мал аітаң (?)
Куңурчыдың жарбызы 6 кәләтгән.

Орто Сургак.

Абар пашты јажажаттан,
Ас пашты нычыжаттан,
Аң канду ажына піјан пәрәтгән.

Ас тапканына улу пәрәтгән,
Азрабанымыска піјан пәрәтгән,

Абар (?) пажыбыска аздаңдік жылға
Піјан пәрәтгән канді?

Бѣлый кѣчкіл, перетянувшійся чрезъ
Алтай,
Протянется, какъ горная куропатка
и слѣпень (то бѣлыми, то синими
лентами).

Два одинаковыхъ твоихъ коня-сокола
Выкроены по формѣ летящихъ птицъ.
Изъ четырехъ сошекъ четырехуголь-
никъ

Сдѣланъ, взявши бересту.
Жугали мой, ставшій мозгомъ,
Къ Баі-Каиң'у стало покато.
Съ солнцемъ и мѣсяцемъ Ајас Хана
встрѣтитъ.

Баі Тәисәң съ лентой,
Баі Каиң съ листьями;
Кут душа — счастье головы для
питанія (дѣтей)
Будетъ ли создаиъ, это видно будетъ
затѣмъ.

Кут перегоняемаго скота затѣмъ
вырѣзается.

Баі Тәисәң съ лентой,
Баі Каиң съ листьями есть блѣдный
Сургак.

Вырѣзываетъ голову немногихъ
людей,

Создателя немногаго скота.
Рѣшеніе Куңурчы приходитъ туда.

Средній Сургак.

Пособникъ въ созданіи головы.
Вырѣзываетъ немногихъ головъ.
Дающій милость на пищу съ кровью
дичи.

Дающій долю мало пріобрѣвшему,
Дающій милость для питаемыхъ
нами.

Нашей головѣ на будущее лѣто
Дастся ли милость?

Јарбы јарга јадарга јадырыбыс.
Ќуңурчі, Куигачі, Јалбынчы, таң
јадыбыс.

Јал јурак шік јалырап јадат,
Ѓт јурагим алап јадат.
Тізирт адиң иганда,
Јарібис торбулаң јадат...
Анаң ары Јарбы јар
Кара ағажың одот

Калбакка, сапакка кәмдіт.
Каттү тажын одот,
Оттук ташка кәмдіт.
Аиды күндү жылыштрың јадат,
Ак пулутты көчүргән таң аидадыбыс.

Тізирт адиң иганда,
Јар таңизім сілкінәт.

Кіндіктүдї јапан салбан Кудайбыс!

Кірбіктүдү пычып салбан салымы-
быс.

Қукуп полуп кыбырғаныбыста,
Кудайыбыска узулбайт.

Кулуп полуп чыңырғаныбыста,

Салым-пыла узулбайт.

Кіндік ағтї јапан салбан,
Кірбік јатты пычып салбан
салымдубус,
Ада бббкббистің јаңдан салбан жаңы

Анаң пәрі нис жаңдан јадырыбыс.

Хотимъ достигнуть мѣста суднаго.
Громовержецъ, Огнепалитель, Мол-
ніеносецъ, говорили мы.
Самое сердце умоляетъ со страхомъ.
Мясное сердце стирается (отъ бѣшенїя).
Когда произведетъ трескъ,
Наша земля сотрясается.
Послѣ того Судное мѣсто
Разрушаетъ черныя лѣса (и дѣлаетъ
ихъ)

Въ величину ложки и совка.
Крѣпкіе камни разрушаетъ,
Обращал ихъ въ величину кремня.
Передвигаетъ мѣсяцъ и солнце,
Переселяетъ бѣлыя облака, такъ мы
говоримъ.

Когда произведетъ трескъ,
То вселенная моя (букв. моя земля и
и море) сотрясается.

Нашъ Богъ создалъ имѣющихъ пу-
повины!

Наше опредѣленіе быть (существами)
съ вырѣзанпными рѣсницами.

Когда мы кричимъ крикомъ воропа,
То (моленіе) не достигаетъ слуха
Бога.

Когда мы визжимъ, какъ жеребе-
нокъ,

Также не слышно по положенію
(положено Богомъ не слышать
насъ).

Создавшій мясо пунопинное¹,
Рѣсницы для насъ создалъ,
Таково наше положеніе.
Исповѣдуемая вѣра (есть вѣра) отцовъ
и дѣдовъ нашихъ.

Съ тѣхъ поръ и мы также вѣруемъ.

¹ Пунопину пасушиваютъ, и женщины носятъ ее на подвѣскахъ хушака, въ кожа-
ныхъ мѣшочкахъ.

Прошеніе на Сургак'ъ Богу.

Карыларың тудаттан
Пубадың куду канді?

Чалырада чайкайра
Чалтырак сузу канді?
Көнөк толо сайра
Суттуң сузу канді?
Улу аркыт узулбаскы
Көнүргәзі толо болоры канді?
Тар тәбәзі кәңірі канді?

Тапчы чытказы узаыры канді?
Пу айлу кунду Аяс Каныс!

Абаш ташту Алтаяс!
Јаинабаска, јажыбаска.

Астыңарыс көптөдү,

Алтај Кудажыбыс тәп јаинаырыста,

Абар паш пјан полоры канді?
Өбөі јадарыбыс сурап јадыбыс,
Өчиби одыбыс сурап јадыбыс.
Пу Кудажыбыс тәп пажырып јады-
рыбыста.

Өбөі јакшы јадарыбыс канді?
Јаинап јадарыбыс көп полды.
Калжу улус көрмөс исті јандап јат

Если (дашь) кут на колыбель
(То будемъ) держать, обнявши лок-
тями.

Есть ли суз на шалтрак,
Чтобы, бряцая, качать.
Есть ли сус на молоко,
Чтобы полнымъ ведромъ доить?
Чтобы большой аркыт (былъ)
Съ закваской и не опоражнивался?
Будетъ ли обширниѣ тѣсная столника
(скота и жилища)?

Будетъ ли длиннѣ тѣсная привязъ?
Нашъ Аяс Ханъ съ солнцемъ и
мѣсяцемъ!

Съ лѣсами и камнями нашъ Алтай!
(Вы не вышуждайте) умолять и пла-
каться (о милости).

Сбивчивость (пробѣлы въ нравствен-
ной жизни) наша умножилась.

Когда стали умолять; Алтай нашъ
Богъ,

Будетъ ли милость на нашу голову?
Просимъ безсмертную жизнь,
Просимъ неугасяющей огонь.

Когда поклоняемся, говоря: этотъ
(нашъ) Богъ,

Будемъ ли мы жить не умирая?

Просьба наша умножилась.

Сумасбродный народъ көрмөс'ы (ду-
ши умершихъ) насъ побѣ-
ждаютъ.

Возвращеніе шамана на гусѣ съ Сургак'а.

Арыбанда адың ползын,

Аріккәндә әжің ползын

Сумәр таікә кујун аткәп,

Когда устанешь, пусть будетъ тебѣ
копемъ,

Когда соскучишься, пусть будетъ
тебѣ товарищемъ

Производящій вихри на горѣ Сумәр,

Сут-кѳгѳ јунѳ калѳан,

Канат тѳзѳн каира салѳан,

Куркун тѳзѳн кумѳ тарткан,

Кулаѳында сырѳалѳ,

Куіруѳунда јабѳлѳ

Ўч палалѳ коңур кас.

Обмывающійся въ Сут Кѳгѳ (Мо-
лочпомъ озерѣ),

Держашій навыворотъ мышцы

крыльевъ,

Держашій плотно мышцы перьевъ,

Съ серьгами въ ушахъ,

Со стрѣлю въ хвостѣ,

Съ тремя птенцами, Каурый Гусь.

Перерывъ и рассказъ шамана о своемъ путешествіи къ
Каршыт'у. Заключение камланія; обращеніе къ духамъ
«арѳ-нѳмѳ».

Ак манѳакка орол,

Ак кузѳцѳ толѳол,

Ак куіарѳгѳ аңдан,

Ак адаңа токуна,

Ач кірішкѳ аңдан,

Ач коңурѳ ѳкчѳл.

Ак кѳцѳ пурѳаі тудѳн коңѳр.

Обвейся на бѣлый манѳак,

Накрутись на бѣлые колокольцы,

Накатись на бѣлую бронзу,

Остановись у Бѣлаго Отца,

Накатись на голодную тетиву,

Пристань на голодное коңура.

На Бѣлый Кѳцѳ обвейтесь коль-
цомъ, почувте.

Ала парс таѳанѳан,

На нѣгаго тигра (ала парс) опи-
рающійся,

Алтын камчы аңынѳан...

Золотою плетью замахвающійся...

3) Утреннее служеніе «Ўстѳгу». Около жертвенника; уду-
шеніе животнаго (мал пурун јат).

Куңдуртѳ, Куігѳкѳ, Јалѳынчы!

Громовержецъ, Огнепалитель, Мол-
неносецъ!

Куіар ѳр салынѳанба?

Положилось ли бронзовое сѣдло?

Кумѳун уігѳн суѳулѳанба?

Надѣлась ли серебряная узда?

Алтын чѳдѳнгѳ табышканба.

Попало ли (животное) въ золотое
стойло?

Ак казыкка чабынѳанба?

Привязалось ли къ бѣлому колу?

Кукурагѳн Кун-Ајас!

Гремящій Кун-Ајас!

Ўзулбѳскѳ уѳ аілапары кандѳ?

Будетъ ли доля не перерываться?

Ўігурубѳскѳ јарѳы пѳрѳрѳ кандѳ?

Дастся ли рѣшеніе не изнашиваться?

Кіпдігѳнѳ кір кірѳзі кандѳ?

Будетъ ли, чтобы пуповина не за-
грязнилась?

Кірбігѳнѳ јаш кѳлбѳскѳ кандѳ?

Глаза чтобы не слезились?

Өрө турган Кудайыбыс, канді тай?	Какоеъверху пребывающій нашъ Богъ?
Јаінап јадарыбыс.	Такъ умоляемъ и просимъ.
Азрап јадар наштың куду канді?	Будетъ ли кут на дѣтей, которыхъ будемъ кормить?

4) Моленія при жертвенникѣ, совершаемыя при прино-
шеніи «аракы» приѣзжими на «Устугу».

Аракы чачар (кропленіе виномъ).

Азындыгі жылға піјан пәрәрі канді?	На будущій годъ будетъ ли даваться милость?
Амдігі жылға апчу бәрәрі канді?	На этотъ годъ будетъ ли даваться спокойствіе?
Амді чығаттан көк өлөң,	Теперь зеленую траву
Туңаі назары канді?	Будемъ ли также топтать?
Амді жылда куш	Въ этотъ годъ птица (кукушка)
Туңаі адарі канді?	Будетъ ли также пѣть?
Ак јадакты	Бѣлую корликупу (зимняя докучливая лежка)
Алташ чығарыбыс канді?	Можемъ ли перепахнуть?

Бросаніе чашки.

Ағаш ајак албатышың	Деревянная чашка данинкова
Ак алчаза, Ајас Каның,	Если упадетъ правой (къ низу дномъ) — Ајас Хана.
Чочоі ајак албатышың,	Стеклянная чашка данинкова,
Чак алчаза Куңұртгичің.	Если упадетъ безошибочно, то бу- детъ принадлежать Куңұртгичі.
Оп Куруі!	Оп Куруі!

«Чолбу» — обрядъ, бросаніе мяса на жертвенникъ.

Куңұртгичі, Јалбынчы, Чакпынчы,	Громовержець, Молніеносецъ, Чак-
Куігакчи!	пынчы (высѣкатель огня), Огне- पालитель!

Кара ағажын одот,	Сокрушаетъ темные лѣса,
Калбакча йдѣт.	Дѣлаетъ съ ложку (мельчить)
«Јыррр!» айдѣт.	«Јыррр!» дѣлаетъ (подражаетъ треску лѣса).
Катұ тажып одот,	Твердые камни сокрушаетъ,

Оттук ташка кәмдт.
 Тізірт әдін ігәндә
 Јәр тәңсә сикһәт,
 Јібірт әдін ігәндә.
 Кара аҗажыбыс өдүлүн калат.
 Јат кижиниң.
 Јат јурәги јалырат
 Әі кижиниң.
 Аг јурәги әләи пәрәт.
 Сәгис кырлұ таш мөндүр
 Алтаи-Каңаи сабап салат.
 Ог катгүңды пәрбә,
 Піјаның сурап јадыбыс.
 Таш мөндүрү-білә
 Калыкты сабаба!
 Айлұ кундұ тәңирә!
 Ак нулутты ажырған,
 Аиды кундұ жылыштырған,
 Јат јурәкті јалыраткан,
 Аг јурәкті калажыдырған.

Равняется кремню огнива.
 Когда сдѣлаетъ тізірт (трескъ),
 Вселенная сотрясается.
 Когда сдѣлаетъ јібірт (топотъ),
 Темные лѣса наши сокрушаются.
 У чужихъ людей
 Чуждые сердца пламенѣють.
 У своихъ людей
 Мясныя сердца истираются.
 Восьмигранный камешный градъ
 Обиваетъ Алтаи-Каңаи¹.
 Не будь къ намъ такимъ жестокимъ,
 Просимъ твою милость:
 Каменнымъ градомъ своимъ
 Народъ не обивай.
 Небо съ солнцемъ и мѣсяцемъ!
 Перекачивающее бѣлыя облака,
 Движущее солнце и луну,
 Устраняющее сердца чужеродныхъ,
 Заставившее трепетать наше мясное
 сердце.

При кропленіи въ аилѣ огню.

Сургулдинің Кәи-ајаска табышкан.

Марево (огня) присоединилось къ
 Хагъ-Ајас'у.

Судазынын јәр тәңсәкә јайлған,
 Аргән чыккан кун сус алышкан,
 Аңір чыккан әі сус алышкан.

Дымъ разоспался по вселенной,
 У утреннего солнца ты взялъ сус,
 У вечерняго мѣсяца взялъ сус, т. е.
 жизненную силу.

Астыкканды піріктіргән,
 Айрылғанды табыштырған.
 Јалыр одым Әзі!
 Ышгалғалұ таш очок,
 Ұзғу күйгән Кәр-јалғын.

Заблудшихъ присоединяль,
 Отдѣлившись вручиль,
 Хозяинъ пламеннаго огня!
 Законѣмый камешный очагъ.
 Жарко горлице мѣстечко плам.

Јајык'у.

Ајас Кәшнә уләжі,
 Аидың Куншұң улу,

Доля Ајас-Хана,
 Доля Солнца и Луны,

¹ Каңаи — Хаңгай. При этихъ словахъ шаманъ дѣлаетъ кропленіе (чөктөір)
 въ аилѣ илсомъ, унесеннымъ съ мѣста жертвоприношенія (тайлаба).

Алтын жаргы сян сура,
Ал отконго табыштыр!
Албата піріктір
Узулбаска улу!

Качанда алып-жатсын.

Куцуртчидиц ун алыжын жатсын,

Албата піянын јаттіріп жатсын!

Ты проси золотое рѣшеніе,
Присоедини къ грозному огню!
Народу вручи
Ты долю, крѣпостью, чтобы не
рваться!
Всегда пусть (безъ отказа) получаетъ
(народъ).
Отъ Громовержца пусть получаетъ
голосъ,
Данникамъ пусть будетъ доставлена
милость.

Алтаю.

Мал кычырын јат.

Зоветь (жертвенное) живот-
ное.

Кун абірбас Кулар-тү,

О, стальная гора, которую не можетъ
обойти солнце,

Аі абірбас Алтын-тү,

О, золотая гора, которую не можетъ
обойти мѣсяцъ,

Аба-јыжым пуркуну,

Покровъ «Кузнецкой черни»,

Ылыкчылдү јан түм.

Моя священная большая гора!

Јандарыс, адаларыс мургуп калган,

Отцы наши и старцы поклонились
тебѣ.

Бір алкыжыц пірарба?

Дастъ ли хоть одно благословеніе
свое?

Узулбаска улу јајап пірін-јат.

Создаетъ ли долю, чтобы не пре-
рваться (роду)?

Карыланын тудаттан.

Руками держаннаго.

Кабаі кудун јајагтан.

Созданной кут колыбели.

Аідар малба піјан пір!

Пусть дастъ милость перегоняемому
скоту!

Абар јуртуна кайкын пірзін.

Пусть дастъ для населенія благоден-
ствіе свое.

Ылыкчылдү јан тү Кара-Каја!

О, священная великая гора «Черная
скала».

5) Вечерняя мистерія Алтаю.

Порядокъ первоначальныхъ молитвъ тотъ же, что и при мистеріи Кар-
шыт'у, т. е. Огню, Јаык'у, Күрмүш'у и къ ару иймә (кормос'амъ —
своимъ предкамъ).

При выходѣ изъ юрты къ жертвенному животному.

Ыжычылдү жән Алтайға табышсын! Да вручится священному великому
Алтаю!

Жарбы жарға піріксін!
Пір жарбызын чачарбай?
Пір піянын пярйрбай?
Пұдак саип сүлініп,
Жән Алтайға табышсын!

Присоединится судному мѣсту!
Отвяжеть ли отъ одно рѣшеніе?
Дастъ ли хоть одну милость?
Бесѣдуя при каждомъ препятствіи,
Пусть вручится великому Алтаю!

Жакка пұдак.

«Крайнее препятствіе».

Ыжычылдү кәң Алтаидың жарбычы
жәрі,

Судное мѣсто священнаго широкаго
Алтал,

Ұзулбайса ұлу пәряттәп,
Ұтурабайса жарбы бәряттәп.
Абар пашка пір анчуді айдәйттан!

Дающее долю не прерываться,
Дающее рѣшеніе не ветшать.
Устроитель одного удобства для бѣ-
лбующей головы!

Ада оббкб тужұнда кбдұруп калбан.

Во времена отцовъ и предковъ ты
былъ возносимъ.

Жәр таңіс жајалар тужұнда,
Ада ына кбдұруп калбан.

Во времена созданія вселенной
Былъ возносимъ отцомъ и матерью.

(Шаманъ даетъ девять выкуповъ).

Орто пұдак.

«Среднее препятствіе».

Паза ұлу, жарбы жајаттан,

Соучастникъ въ созданіи доли и рѣ-
шенія,

Ұзулғанн ұлап жадагтан,
Ұтурағанн чыірадып жадагтан.
Абар пашка пір піжан жәдәрбай?

Связующій порвавшихся,
Укрѣпитель обветшалыхъ.
Дастся ли хоть одна милость бѣлбю-
щей головѣ?

Ыжычылдү жән Алтаидан ун алыш-
кан.

Отъ священнаго великаго Алтая го-
лось получавшіе.

Кипдіктуді жаапкан,
Кірібіктуді пычыған,
Аидан жадар малға піжан пәрған.

Создавший имбющихъ пуповины,
Вырѣзавшій вѣмбющихъ рѣсницы,
Дающий милость перегоняемому
скоту.

Улу аркыт кбнбргбзін
Узулбайсін жајап жадагтан.
Ас тынба піжан аіладып,

Большой мѣхъ съ закваской
Неязскающимъ творящій.
Короткой жизни (человѣка) милость
направляя,

Абар шапка піжан пәрәи.
 Жаһнабаска піжаныңды сурап јатка-
 ныбыс,
 Оң Курујың пәрәрбә тәп.

Ұчунчі нұдак

Јаһ Алтадаң ун алыжып...
 Албатты кижәй пә пәмәнің
 Јулакарын пычып јадаттан.
 Пу албаттым Аза јәккә јәңдәдін јат.

Ач јоболдоң айрылбаста.

Пу Кудајым пір піжанын пәрәи пә?

Өзөр тыным ас полот,
 Өзөр јажым туттак полот.
 Јаһ нұдак јәр қаидар?

Пір јарғызын пәрәрбә?
 Атка туңаі јажарба?

Ұзулбаскә тып пәрәрбә?
 Аідап јадар малға, тар тәбә,
 Пір јарғызын аіладарба.

Төртүнчі нұдак.

Куң әбірбәс Кулар-тұм!

Аі әбірбәс Алтын-тұм!

Өргә јәргә тајанып кірәрум канді?

Ала көскө көрөрім канді?
 Аі кулакка тыңдаіры канді?
 Алтын јарғы аіладып пәрәрі канді?

Бәлбүщей головѣ давшій милость.
 Мы просимъ милость твою (чтобы не
 обращаться опять съ просьбой),
 Говоря: дастъ ли Онъ Куруи?

«Третье препятствіе».

Получая отъ великаго Алтая голосъ...
 Людямъ дащикамъ вырѣзывающій
 образъ всякихъ вещей.
 Эти мои дашники побѣждаются Демо-
 номъ.

Не могутъ отдѣлится отъ тяжелыхъ
 страданій.

Этотъ Богъ мой дастъ ли хоть одну
 милость?

Растущая жизнь моя мала,
 Коротки въ ростѣ годы мои.
 Какъ будетъ на землѣ больного
 препятствіа?

Дастъ ли хоть одно рѣшеніе?
 Создастъ ли, пристраивая къ коноу (до
 возраста, когда человѣкъ упра-
 вляетъ конемъ)?

Жизнь непрерывающуюся дастъ ли?
 Перегоняемому скоту, тѣсной стоянкѣ
 Направить ли одно рѣшеніе?

«Четвертое препятствіе».

О, стальная моя гора, которую не
 можетъ обойти солнце,

О, золотая моя гора, которую не мо-
 жетъ обойти мѣсяцъ!

Войду ли, облокотившись¹ на землю,
 во дворецъ?

Увижу ли пѣгими глазами?

Услышу ли луновидными ушами?

Направивъ, дастъ ли золотое рѣшеніе?

¹ Обычный азіатскій поклонъ, — присѣданіе на корточкахъ.

Абар журт каккады,

Ас наш жуады.

Арӯ Алтајым кайтѣн?

Ак сәлдӯ Адаларым!

Көдүрүп калган јан Алтајым!

Кайжик пәрәри канді?

Киндигібіскә кир салбазы канді?

Кирбігіскә јаш салбазы канді?

Алтын јарғы аладып пәрәри канді?

Ұзулбаска улӯ пычып пәрәри канді?

Амді айдидіккә пїјанын пәрәри канді?

Амді кәләр жылға пїјан пәрәри канді?

Мәңгун ползун јарғызын,

Ам чыбарары канді?

Јан Алтајым наш ползун!

Алтын јарғызын аладып пәрп
јатсын!

Качапдә мургун јидарыбыс,

Кудажыбыс таштабасыс.

Аилӯ кундӯ Ајас-Кан

Јалабалӯ Паі тәисәң!

Јалбырактӯ Паі Кайц!

Јакка сургак кӯ сургак ази,

Јал јүрәгі јалыран.

Орто сургак јарғычының Ам. . .

Киндіктүдә јіјан салбан,

Кирбіктүдә шычып салбан.

Јарғычы, күйәкчә,

Күкүртчә, Јалбышчы!

Бѣлый журт поперхается (не домо-
гается),

Малый народъ ухудшился (бѣд-
ствуешь).

Что мнѣ дѣлать, мой чистый Алтай?

Бѣлобородые Отцы мои!

Возносимый великій мой Алтай!

Дастъ ли (Алтай) благополучіе?

Будетъ ли такъ, чтобы въ пуповину
нашу грязь не попадала?

Будетъ ли такъ, чтобы на рѣсницахъ
нашихъ не было слезъ?

Дастъ ли, направивъ, золотое рѣ-
шеніе?

Не прерваться, выкровивши, долю
дастъ ли?

Теперь, дастся ли милость къ благо-
получію?

Теперь, дастъ ли милости на будущій
годъ?

Серебряное рѣшеніе,

Выведетъ ли теперь (для насъ)?

Великій Алтай мой, я прошу!

Да дастъ, направивъ, золотое свое
рѣшеніе!

Всегда будемъ молиться,

Не оставляя своего Бога.

Ајас-Ханъ съ солнцемъ и луной!

Священная равнина, украшенная лен-
тами!

Покрыта листьями священная бе-
реза!

Ты хозяинъ крайняго сургак'а,
блѣднаго сургак'а.

Все сердце его плачетъ

Хозяинъ судьи средняго сургак'а. . .

Ты сотворилъ имѣющихъ пупы,

Ты создалъ имѣющихъ рѣсницы.

Ты рѣшающій, зажигающій,

Производитель грома и молніи!

Јал јурѧк алтанат,

Ѐл кижинѧ аѧ јурѧгѧ јазыраѧт.

Јаинап јадат рл аабатты,
Мунѧн учѧн камдан јадым.

Кудајым јајап коѧзон
Мунѧн учѧн јурѧм!
Кукурѧгѧн Куи-ајас,
Кундѧ аѧзѧ јѧјѧным.

Кымыраѧан кызым куртѧн јајап-а.

Кымыктапѧкан тыныштѧды пычып
којот.

Кудајыбыс, салымыбыс
Пѧстѧ салып калѧан.

Внутренность сердца приводишь въ
трепетъ,

Сердца людей рода ты воспламе-
няешь.

Народъ находится въ мученіяхъ,
Изъ-за этого я камлаю.

Ты сотворилъ (меня), мой Богъ,
Поэтому я живу!

Куп-ајас ты стремишь,
Ты мой творитель съ солнцемъ и
луной.

Ты, который сотворилъ движущимси
краснаго червя.

Ты и создаешь движущихся одуше-
вленныхъ.

О, нашъ Богъ, нашу судьбу
И насъ ты опредѣлялъ.

II. Шаманъ Мамный. Ашыјакту, притокъ р. Катунн.

I. Мистерія Эрлику.

Вступленіе.

Куѧзалѧ пажыбысты Кудѧі јајаѧан,

Кѧ пажыбысты Ѐрлѧк алѧан . . .

Пу ѧр-атты парылѧа ѧдѧп јадыбыс.

Пу ѧндѧ јаткан амар-тамар¹ аѧар
толѧ пѧзѧбістѧ пѧрѧп јадыбыс.

Актазу јакшы адыбысты пѧрѧп ја-
дыбыс.

Пу парылѧабыс табыншып,
Пажыбыс ѧзѧн ѧтѧн, наш пользып!

Јѧттѧ адабыс тужѧнда кѧдѧрѧп кал-
ѧаныбыс!

Богъ создалъ наши головы съ ви-
хрями,

А черенъ нашъ взялъ Эрликъ . . .

Этого коня дѣлаемъ жертвой.

Вотъ эти широкіи, разнообразныи ма-
терѧн приносимъ тебѣ въ видѣ вы-
куна.

Хорошаго коня съ сѣдельной по-
душкой тебѣ отдаемъ.

Пусть эта паша жертва достигнетъ.

Пусть будетъ просьба: да сдѣлаегъ
онъ (Эрликъ) наша головы здо-
ровыми.

За время семи предковъ мы (тебя)
возносили!

¹ Амар-тамар — кой-какѧе, разнообразно.

Мөргүп пажырып јајап калган тө-
зүбіс айд, наш ползын!

Поклонялись, молились, упрасивали
тебя, нашъ тѣс (Эрликъ), пусть бу-
детъ (это) молитвой (-благодарс-
ніемъ)!

Каттүлана-пйргәпдй кара пажыбыс
каттү полүи туратган айд.

Когда грубѣетъ (гнѣвается Эрликъ),
переживаютъ и наши черныи
головы невзгоды.

Пу парылбабыс табышкажын
Пажыбыс амыр јатсын!
Алчи байлалү јан Арлик-пй.

Если эта жертва достигнетъ,
Пусть наши головы будутъ въ покоѣ.
Ты, величественный Эрликъ-бй, имѣ-
ешь вѣстниковъ — алчи байла.

(Амдй көмкөрүлүп кам Алатынчы ороп-
жо јуруп парзаны).

(Теперь шамапъ, перевернувшись,
отправляется въ темную область).

Призываніе духовъ («арү пай»).¹

Алты айрыдаң айрылып көдүрүлүп
аттаныбар;

Отъ шести развилиңъ (шесть шестовъ
юрты) отдѣлитесь, подымитесь,
уѣзжайте;

Адам Арликкә көдүрүгәр.

Къ Отцу моему Эрлику направьтесь.

1. Пүдак (препятствіи).

Кара төдөш палга јар.
Өбөрдүң өзөрдүң јажын піләр јав јар.

Черный пень — мѣсто гаданія.
Большое мѣсто, гдѣ можно узнать
о смерти и жизни (человѣка).

Каптал тарткан кара јол,

Черная дорога, глубиною до палыцъ
(сѣдла),

Јандар јарышкан кара јол,

Черная дорога, по которой скачутъ
старцы.

Јандар јорткон Кара-оин.

Черная игра, на которой бывають
старцы.

2. Пүдак.

Собулзактү¹ Кара-оин.
Төрт пулуцдү чоі әдіргән.
Төрт талалү пай төжү;

Черное игрище, трепетнос.
Квадратное чугунное гумно;
Свищенвал, четырехгранная нако-
вальня;

Капылтаған кара кыскаш.

Черные щипцы, непрестанно смы-
кающіеся и размыкающіеся;

¹ Сок — бить, собулзактү — мѣсто, гдѣ все находится въ движеніи и другъ
друга бьетъ, толкаетъ.

Шыңыраткан кара маска,	Звучащій черный молотъ,
Куркурийган кара көрүк —	Гремящій черный мѣхъ —
Адам Әрлік жабаңаны.	Твореніе Отца моего Эрлика!
Јаң камның кучу алып јаңаткан јәр,	Мѣсто, обезспивающее большихъ шамановъ,
Јамаң камның пажын алып тура	А у дурныхъ шамановъ голову бе- рущее.
калбаң јәр.	
Јакшылыкта піјан нәргәлдә,	Когда онъ въ благопріятное время даетъ милость,
Јазаң јәрді өдүп әрттміс,	Тогда мы проходимъ это открытое мѣсто,
Јамандавбаңда кіжінің бажын алып	Мѣсто, гдѣ въ неблагопріятное вре- мя человѣчская голова берется.
параттан јәр.	

3. Пүдак.

(Арба паштү кара тал,	(Черный тальникъ съ верхушкой,
Адам Әрліктің жабаңаны).	какъ у ячменя, твореніе Отца Эрлика).
Јажарын пүткән јажыл пүк.	Зеленая котловина создана зеленой.
Јазаң тушкән јаш абаштү јәр,	Небольшая площадка, съ молодыми лѣсами (роща)!
Көгөрүшкән көк пүк,	Синѣющая, синяя котловина,
Јажарышкан јажыл пүк,	Зеленѣющая, зеленая котловина,
Јазаң тушкән Поро-Тал . . .	Площадка съ сѣрымъ тальникомъ . . .

4. Пүдак.

(Кыҕы јайтөс кара кумак,	(Черные пески, большіа площадь,
Адам Әрліктің јапан көйбөң јән јәр),	Созданные Отцомъ моимъ Эрликомъ, черезъ которыя не проходитъ го- лость),
Кыҕы угулбас кара јарлар.	Черные яры, черезъ которые не слышно голоса,
Адам Әрліктің јабаң.	Твореніе отца моего Эрлика.
Аңданышкан кара паккалар,	Кишаңці черныя лягушки (на пес- кахъ),
Аңданышкан кара јутпалар ¹ ,	Кишаңці черныя живоглоты,
Оңырышкан кара ајулар Кәп-Әрлік- тің жабаңаны.	Рычаңці черныя медвѣди — созданіе Ханъ-Эрлика.

¹ Чудовище изъ пресмыкающихся.

Катгү пұдак ол йдә.
Каираккан, Кудайға баш ползып!

Это есть грозныя препятствія.
Благодареніе Богу, Каираккан!

5. Пудак.

(Абыдындү табидіндү
Азбындү жалбындү).
Тобындү Кара Кузуп,
Каинарактү Кара Көл,
Каинактү Кара Тамы.
Тоғус тамы тақиндү.
Тоғус кузун оінду.

(Качающеся, быющеся,
Вертлявое, колеблющееся).
Пыльный Черный Вихрь,
Кипящее Черное Озеро,
Кипящий Черный Адъ.
Девять адскихъ ступеней.
Игрище девяти вѣтровъ.

6. Пудак.

(Тоғус пуба сургактү).

(Сургак, гдѣ девять быковъ ведутъ
бой между собой).

Кузүрәшкан, оңырышкан. . .
Тибілдіган көл — Чаяык,

Съ громомъ и ревомъ. . .
Выбуливающее глубокое озеро —
Чаяык,

Аңданышкан Кара Талаі,
Аланышкан Кара Таңис.

Волнующаяся Черная Рѣка,
Крутящееся Черное Море.

7. Пудак.

Жалмандары жажарышкан,
Кү јутпалар.
Көк талайдың жакказы,
Тоібодымның жакказы,
Тоғус талаі пакшыт јәр.

Блѣдныя живоглоты,
Съ зеленѣющими бедрами.
Берегъ синей рѣки,
Берегъ Тоібодым'а
Девяти рѣкъ поклонное (пакшыт)
мѣсто.

Умар-тымар тоғус талаі пакшыт јәр.

Умар-тымар — девять рѣкъ (есть)
поклонное мѣсто.

Тоібодымның талајы
Тоғус талаі пәлтірі.
Пәлтір јәрдің жакказы.
Кірініш паізың өргөлі.

Рѣка Тоібодым,
Устье девяти рѣкъ;
Берегъ устья рѣкъ
Съ каменнымъ дворцомъ и ставкой
(резиденція хана).

Кара налкаш өргөлі
Кан-Әрліктің,
Јілірмәлі кү башту тәмір-чакы.

Съ дворцомъ изъ черной глины
У Кан Әрлика,
Желѣзная коновязь, съ блѣдной го-
ловой и цѣпью.

Äрлік пидің кармак салар албырлары
Тігә соғор мәргәндәрі
Äжігіна јұлған.

Пловцы-багорищики Эрлика бія и
Стрѣлки, убивающіе козловъ,
У дверей тѣхъ собрались.

Шаманъ ведетъ переговоры съ Эрликомъ.

Пу нарылҕам сіәргә табышсын!
Пажым äзін јатсын!
Каја көрүп алкатиаҕар.

Эта моя жертва пусть вамъ вручится.
Голова моя да здравствуетъ!
Назадъ оглядываясь, не вынуждайте
славословить.

Качаада ползо иҕаныҕар пәрігәр!
Адам Äрліккә паш ползын!
Уч јылға амыр јатсам,
Паза нарылҕаҕар паза јатсін.

Всегда давайте вашу милость.
Отцу моему Эрлику кланяюсь.
Если три года проживу въ покоѣ,
Еще жертва ваша пусть дойдетъ (до
васъ).

Јакшы камыһың күчүн алаттан äдәгәр.
Јакшы иҕаныҕар јаткапда,

Вы обезсиливаете и хорошего ша-
мана,
Когда доходитъ ваша хорошая ми-
лость,

Поро көкшүн полун јадаттан äдәбіс.

Тогда мы дѣлаемся сѣдыми, уважде-
мыми (старичками, доживаемъ до
старости).

Адам Äрлік алкыш пәрзін!

Отецъ Эрликъ да дастъ благосло-
веніе!

Өрө турған Ыҕан-білә,
Төмөн турған Äрлік Ада,
Јарҕы алыжаттан јәр әдә.

Съ стоящимъ вверху Ыҕан'емъ,
Внизу стоящій Отецъ Эрликъ,
Причина тому, что (отъ нихъ) полу-
чаемъ рѣш ііе (судьбу).

Свое путешествіе къ Эрлику шаманъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

Кара пажым јајаҕар
Кал-Äрліккә паш ползын!
Куикалҕ пажым јајап көйҕон,
Өрө наккап Ыҕан пидә, паш ползын!

Создавшему черпую голову мою,
Грозному Эрлику кланяюсь!
Косматую голову создавшему,
Живущему вверху (на небѣ) Ыҕан-
бію кланяюсь!

Послѣ этого шаманъ, держа бубенъ передъ собой, ждетъ вопросовъ
хозяина юрты. Хозяинъ вѣжливо подаетъ шаману трубку и говоритъ:

«Ја, јургән јәрігәр јакшы јәңіл
подды па?»

«Ну, мѣста, гдѣ вы странствовали,
оказались ли хорошими, легкими?»

Шаманъ: «Ә, јакшы јүрүп кәлдім,

Шаманъ: «Да, хорошо путешество-
валъ.

«јүрәрин-лә јүрүн кәдәм.

«Адам Әрлік пір піянын піріп көрөр
болғоі.

«Јуруп кәләм-дә паза пір, уч жы-
дың пажында, јакшы јүрәй паза
пір

«Әдіп көрөр. Күдәі алкыш пәрзә,
«Әрлік піјан пәрзә, паза пір әдіп
көрөр.

«Ја, әмді токтоп јадым.

«Чалү чабыдымды арбап токтодып
көрөш тәп јадым».

Спутешествовавъ, я возвратился,

И Отецъ мой Эрликъ, вѣроятно, дастъ
одну свою милость.

Хотя спутешествовавъ, но еще разъ
послѣ трехъ лѣтъ, если будемъ живы,
однажды сдѣлаемъ (жертву).

Если Богъ дастъ благословеніе я
Эрликъ дастъ милость, еще разъ
сдѣлаемъ (жертву).

Но теперь я останавливаюсь (путе-
шествовать).

Думаю свой Чалү чабыт нагово-
ромъ остановить».

Шаманъ начинаетъ славословить Чалү.

Јылдыс көзүң чабылзып!

Јызан тіің жылышсып!

Самурадї көгүстү әдәң¹;

Салкын кујун тыныштү әдәгүр,

Албынымла албырбаң әдәм.

Адам Ыган јапан коіҗон әдә.

Обым пыла оптолбогон әдәм,

Адам Әрлік јапан коіҗон әдә.

Кулар көзүң чабылыш

Куннүң алтын алкан тур!

Мөнүн көзің мөлтүңдәжін

Аі карауды кәлә шіртә.

Әбіріңгә ынчү пәр!

Әрлік підін алкыжы

Албаттә тәкші чарчап турзәп!

Әбіргән йжің ынчүіү јатсын!

Пусть блещутъ звѣздныя очи твои!

Пусть движется земный языкъ твой!

Ты разумный, какъ книга мудрости;

Ваше дыханіе, какъ вѣтры и вихри,

Съ моей глупой головою я не сдѣ-
лалъ глупости.

(Таковымъ меня) создалъ Отецъ мой
Ыган.

Лицепріятствомъ я не занимался,

(Таковымъ меня) создалъ Отецъ мой
Эрликъ.

Пусть блещутъ бронзовые глаза твои!

Ты благословляй низъ солнца (под-
солнечную область).

Серебряныя глаза твои, моргая,

Прорѣзаютъ тьму.

Кружащемуся (шаману) дай удобства.

Благословеніе Эрлика бін

Пусть на всѣхъ данниковъ отдѣляет-
ся (отъ Эрлика).

Двери твои створчатія да будутъ въ
покоѣ.

¹ Самуразын сабар — пыла саіҗардым.

(Книгу мудрости его пальцемъ — указкой я разбираю).

Ар ажігіна аңчү пәр!
Албатә айттырба.

Алтын моңун жарғып чач.

Кудайдың салымы пыла
Токуналу ужуку жаап көр.
Аркытанду ар ажік
Аңчү жатсын!
Ардаңалү наі-чакызы
Ат тышыжы амыр жатсын!

Арлік підің алкыжы...
Тар табәзі албак жатсын!

Талчы жаләзі¹ чөбө жатсын! узун
ползып!

Чымалыд кін ползын!

Чыдырманд² пак жатсын!

Көбөктүлү кам-аңажыңа токунап
көр;

Көбжөгөлү наі-аңажыңа аңкәліп көр.

Ончо полуш суран туру.
Ончо піжан суран,
Ончо полуш суран тур:
Ал санам жарызын,
Ала көзүм жарызын!

Албатгыма санбам кірзін! табышың!

Кудай саңбан курчум!

Почетнымъ дверямъ дай покой.
Не вынуждай даппиковъ просить
тебя.

Развяжи свое золотое и серебряное
рѣшеніе.

Богомъ заповѣданный спокойный
сонъ дай.

Преимущественныя почетныя двери
Пусть находятся въ мирѣ.
Драгоценная, хорошая коновязь
(И) дыханіе лошади пусть въ покоѣ
пребываютъ.

Благословеніе Эрлика біл...
Тѣсная столпка скота пусть будетъ
обширѣе.

Узкая привязь для животныхъ пусть
растянется, пусть сдѣлается
длинной.

Пусть, какъ муравьи, будутъ (обиль-
ны) пуповины (т. е. дѣти)
И живутъ крѣпко, какъ чаща де-
ревьевъ.

Остановись (послѣ долгаго стран-
ствованія) у тѣнистаго твоего
шаманскаго дерева;

Къ почетному дереву твоему съ за-
вѣсою присоединись (сплотись).

Всеъ просить помощи.

Всякую милость проси,

Велкую помощь проси:

Дикій разумъ мой пусть просвѣтится,
Цыгіе (двухцвѣтныя) глаза мои
пусть просвѣтлѣютъ,

Моя дума пусть войдетъ и присо-
единится къ даппикамъ моимъ.

Созданныя Богомъ обручи мои (духъ
покровители)!

¹ Жәлі — протянутый арканъ, за который призывають жеребятъ, телятъ, лгнать.

² Чыдырман — роща карликовыхъ березъ на высотахъ горъ.

Таркап чыбыбар.

Куикалү паш курчү,
Куш пөркүмнүң ази чыксын.

Јузүп јуру јус манжактү
Киган кабим курчулары,

Таркан чыбыбар,
Катү төзүм Каным-пала тилдажа пә-
ригар.

Алты адамың кыбырбан

Абу-Канға, ак таңдакка јөлдөн-пир.

Казыр камым, Качы кам!

Катү јан кал Арлика алкандың.

Абубайым Тинаш-кам, Сурдын-кам,
Маныш-кам.

Адар мыттык јөлгөлү¹ Ар-Садак кам:

Күзүңүлү Көстөи кам.

Кун жаркындү Тош-кам,

Катү јан кал Арликтан,

Таң атканча, алкангылап турубар!

Расходитесь (какъ облака въ небѣ
исчезаютъ).

Обручъ вихорчатой головы моей,
Хозлигъ «птичьей шапки» пусть
(тоже) выйдетъ.

Имѣющіе разповидные сто жүговъ
Обручи (покровители) моей надѣтой
одежды

Расходитесь,
Уговоритесь съ грознымъ төсемъ
моимъ Ханомъ.

Шестью предками моими призывае-
мый (Абу-Ханъ)!

Къ Абу-Хану, бѣлой зарѣ прислоня-
тесь.

Грозный мой шаманъ, Качы-ша-
манъ!

Ты славословилъ жестокаго, вели-
каго и грознаго Эрлика.

Диди мой (по отцу): Тинаш-шаманъ,
Сурдын-шаманъ, Маныш-
шаманъ.

Ар-Садак-шаманъ, у котораго
ружье-лучокъ:

Көстөи-шаманъ, имѣющій коло-
кольцы и бубенцы.

Тош-шаманъ, имѣющій солнечное
сіяніе,

Отъ жестокаго великаго и грознаго
Эрлика,

До зары занимайтесь славословіемъ!

II.

Мистерія Алтая-Чанты-Хану.

Айбыр јалду кан, Чанты-Кан!

Оң кулакка узар ползо,

Ханъ Чанты-Ханъ, имѣющій гриву
жеребца!

Если услышитъ правымъ ухомъ,

¹ Јөлгө — лучокъ.

Оң көзүң көрбө ползо,

Пу малыңнаң акка пүткөн

Малымды айбыр жалду
Чапты-Кан тий пәріп жадым.

Пу малымды айбыр жалду Чапты-
Кан алар-ползо,

Пу аябым алча түшсүн!

Муны албас, кәрәк жок ползо,

Көмкөрө түшсүн.

Парымбазы табынсын!

Паи толү жәдіпсін!

Пу жазабан пәмәдән

Көп жапан пәрзін.

Тумчуктуду паштадым жадырым,

Жакалудан жазап пәрә турум;

Албатты кижі кунукпаска, ачын-
баска,

Алтаи амыр жарбы пәргәи-минә,

Малыма мал кожүлүп,

Пажыма паш кожүлүп,

Оноң жапан пәргәи-минә?

Качанда амыр пычып койгои-минә?

Ак сағалду Адам!

Аја, тузак жазабан.

Аңдап мандан турарда,

Азык улаш пәргән.

Азрайттан пала кудун жазабан.

Арбадайттан малдың кудуп жазабан,

Арү Алтаи јәрім-сула!

Если увидать правымъ своимъ гла-
зомъ,

(То) изъ этого блага нажитого скота
твоего

Свою скотину даю Чапты-Хану,
Имбющему гриву жеребца.

Если эту скотину мою приметъ
Чапты-Ханъ, имбющій гриву
жеребца,

То эта чашка моя пусть упадетъ на-
взничъ.

Если онъ ее не беретъ, если она не
пужна,

То пусть упадетъ вверхъ дномъ.

Пусть жертва его вручится!

Обильные выкушы пусть достигнутъ!

Изъ этихъ приготовленныхъ вещей

Пусть много создастъ (милости).

Направляя впередъ имбющаго носъ
(животное), въ жертву даю,

Отъ имбющихъ воротъ (одежды) даю;
Дабы данники не печалились, не го-
ревали,

Алтаи дастъ ли успокаивающее рѣ-
шеніе,

Къ скоту моему прибавляя скоть,

Къ головамъ моимъ прибавляя го-
ловы,

Такъ создастъ ли (Чапты-Ханъ)?

Выкронтъ ли, чтобы постоянно былъ
покой?

Блѣобородый отецъ мой!

Создавшій самострѣлы и петли (ло-
вушки),

Когда спѣшать на охоту,

Дающій припасъ и долю.

Создавшій кутъ воспитываемыхъ
дѣтей.

Создавшій плодливый скотскій кутъ,
Чистый Алтай, земля-вода!

Пура жалдү кың-Алтай!

Муң кулактү Жәрім-Су!

Арү Алтай Чапты-Кан муны сурап
жадым!

Алкағаным јакшы уксун.

Пу амадабан јуртка

Піјаны јәтсін!

Пу качанда алкап турған

Албатты јакшы јатсын!

Пу качан-да јарбым јакшы ползын!

Пу албаттыдың ортозына,

Акі тілдү полун,

Тілмәш полун калдым.

Јирдің устунда албат,

Ончо јакшы ползын!

Канча јүзүн албатта,

Ончо јакшы ползын!

Обширный Алтай, вмѣющий гривы
верблюдовъ!

Страпа моя, вмѣющая тысячу ушей!

Объ этомъ прошу чистый Алтай,
Чапты-Ханъ!

Пусть хорошо выслушаетъ онъ мое
хваленіе.

Этому просящему населенію

Пусть достанется его милость!

Этотъ народъ, постоянно славосло-
вящій,

Пусть живетъ хорошо!

Это рѣшеніе мое пусть будетъ вѣчно
хорошимъ!

Среди этихъ данниковъ,

Будучи двухъязычнымъ,

Сталъ я толмачемъ.

Данникамъ, на землѣ живущимъ,

Всѣмъ да будетъ хорошо!

Сколько есть разнородныхъ данни-
ковъ,

Пусть будетъ всѣмъ хорошо!

Бросаніе чашки.

Ала көскө көрөр ползо,

Арү Алтай кулакка ууар ползо,

Ар јург амыр ползын!

Албатты йзән јакшы јадаттап ползо,

Пу ајак алча түшсүн,

Ак јүкәлі шидәлзін.

Алтын чолбу тәдәйн бәр!

Пу мал јарабас ползо,

Көмкөрбө түшсүн.

Если будетъ видѣть пѣгими глазами

И слышать ушами чистый Алтай,

Всякій юртъ да будетъ въ покоѣ.

Если данники будутъ жить въ хоро-
шемъ здоровьи,

То пусть чашка упадетъ навзничь,

И бѣлый јүкәлі уиираетъ.

Уравний золотое чолбу!

Если это животное не годится (для
жертвы),

То пусть (чашка) упадетъ вверхъ
дномъ.

(При паденіи чашки вверхъ дномъ, выбранное животное отпускаютъ въ поле. Если же чашка упадетъ навзничь, то шаманъ продолжаетъ мо-
литься):

Өргөзүңа піріксің,
Оркөжіңа табышың.
Пу жазаған мал учуң
Мунаң көй мал пәрзін.
Пу албаттының журтұна
Уру, жобол кідірбәй, жакшы жатсын.

Узун жалә жапан пәрзін,

Улу аркыт нычың пәрзін,
Малды пычың,
Пашты кожұң жатсын.
Катұ таштұ капча сүргәк,

Јаш ағаштұ Чапты-Кәп!
Пу жазаған парылға
Чапты-Кәпқа табышың.
Ту өткүрә көзүң көрүң,
Јар өткүрә көксүң санаң,
Јараштыра мал жапан,

Јакшынак журтұң нычың пәрған.

Качандә ползо,
Азған амыр жатса,
Кара пажы картағанча јадар.

Качандә ползо, јандағанча јадар.

Да присоединится къ двору,
Да вручится горбамъ (горнымъ).
За это приносимое животное
Пусть дастъ больше скота.
Въ жилища этихъ данниковъ
Да не придутъ болѣзнь и страданія,
пусть они живутъ хорошо.

Да создастъ онъ длинную привязь
(для скота),

Да вырѣжетъ онъ большой мѣхъ,
Вырѣзая скотъ,
Пусть прибавляетъ головы.

Сколько грубокаменныхъ сур-
гак'овъ,

Чапты-Ханъ съ молодымъ лѣсомъ!
Эта приносимая жертва
Пусть вручится Чапты-Хану.
Смотри глазами сквозь гору,
Сквозь землю проникая душой,
Соразмѣрно (съ потребностями людей)

создаванъ скотъ,

Прекрасно вырѣзая онъ жилище
(для людей).

Когда бы ни было,
Живи въ покоѣ и здравіи,
Будемъ жить до сѣдины черной го-
ловы.

Всегда будемъ вѣровать.

Вечернее служеніе въ юртѣ.

Ат карактұ Кән-Суіла,
Аіры тілдұ Кән-Кәлә!
Айбыр јалдұ Кән-Чапты-Кән!

Пу парылғаны табыштыр!
Анаң аятың јарғы сурап тур.
Ағар журтка ак піјанды тіләп көр,
Астықнастаң пәк јаја,

Ханъ-Суіла съ конскими глазами,
Хапъ-Кәлә съ двойнымъ языкомъ!
Хану Чапты-Хану, имѣющему гриву
жеребца!

Доставь эту жертву.
У него проси золотого рѣшенія.
Для населенія проси бѣлой милости,
Создай крѣпче безблуднаго (человѣка
лучшаго, чѣмъ порочный),

Айрылбас паш амыр пыч!

Качандā жаңдағанға жалбарғанча ту-
рар.

Жаңдағанға јакшы кѳр,
Јалбарғанға пїјап нѳр.
Ак јукāli кадылӯ:
Арталыштаң јамālп,

Ажӯ јардāң шідālп.
Кара ағашты аралап,
Катӯ ташты јаккалап,
Канча сүргāк јалбарып,
Катӯ пӯдак чөгөдӯн,

Паі толӯдаң уйлāп,
Парылбадаң алыжып;
Ағартӯдӯ сүрүн јајап нѳрзін.

Адыстӯды өңдӯ пычып нѳрзін.

Үч сыранып нāк јајазын.
Үзӯ одып чоктӯ пычсын!
Кунукинаска Кудāи,

Ачынбаска Алтай.

Алтајым тāн пажырып турӯм!

Үргүјā нāк јајазын!

Үјā-білā амыр пычсын!

Катӯ кāлзā јакарзын!

Кајыр кāлзā тыйкарзын

Ок тығынбас кујак ползын!

Неотъемлемую голову вырѣжь спо-
койной.

Всегда вѣруемому (Богу) молясь,
стояли.

Хорошо смотря на вѣрующего,
Дай милость поклоняющемуся.
Съ покаятию бѣлый јукāli:
Прибываетъ (матеріальное благопо-
лучіе для народа) съ перевѣснаго
мѣста,

Унираетъ съ перевальнаго мѣста.
(Шаманъ) проходитъ темные лѣса,
По краямъ твердыхъ камней.
Нѣсколькихъ сүргяк'овъ, умоляя,
Суровыхъ пӯдак'овъ прося на ко-
лѣняхъ,

Изъ почетнаго выкупа беря долю,
Изъ жертвы (часть) беря;
Пусть создастъ образъ (живущаго)
долговѣчнымъ.

Пусть выкроитъ пригляднымъ ямѣю-
щаго загоны (десятины).

Создастъ три шеста юрты крѣпкими.

Пусть выкроитъ горячій огонь.

Не (нужно) печалиться, ибо (есть)
Богъ.

Не (нужно) горевать, ибо (есть)
Алтай.

(И я) говорю: «Алтай мой» и мо-
люсь!

Создастъ навсегда (народъ) крѣп-
кимъ,

Изъ рода въ родъ счастливымъ. вы-
кроить!

Пусть распорядится (удалить), если
придетъ твердость (болѣзнь)!

Если будетъ жестокость (болѣзнь),
то пусть отвратить.

Будь непроницаемой броней для
стрѣлы.

Ју тырынбас чӳрү ползын.

Јаш аҗаҗы алҗаң,
Јажы пурӯ җаҗылҗаң.
Адӳр куштың унӯ білӳ жалбардым,
Амдӳ кӳлӳр җылҗа,
Азӳн амыр ӳткӳи-пидӳ?

Ак җарыктың алтына,
Пу Алтаҗым устунӳ,
Амыр җакшы җургӳи-пидӳм?
Каралтӳ кӳдӳрбӳи

Кандӳ җаманҗа тубӳлтӳиӳ;
Качандӳ кара наҗым калҗаңча,

Албатыма җакшы җургӳи-бидӳм?

Ар җуртка амыр болҗы-бидӳм?
Јаккаладып мӳнӳ туттӳрбаска,

Јакшы җаҗаң пӳргӳи-бидӳ?
Јаманҗа мӳнӳ кӳдӳрбӳи,
Јажым җӳдӳп ӳлгӳбӳнӳм?
Пу ак җарыктың алтына,
Ак саҗышла җурӳргӳ
Пу албаттымның алтына
Јаманы јок җакшынак җургӳинӳм?
Пу җаңдаң јаткан Кудажым, пӳр ал-
кыҗың пӳрзӳн.

Пу алкаткан албаттым, комудабӳи,

Качандӳ сугумчулӯ җурзӳн.
Аӳлӳк ползӳн адым җаман полбозың!

Албаттымды алкап турарымды,

Алкыҗым җӳтсӳн!
Пу наҗырып јаткан Кудажым,
Мӳнӳң учӳн пӳр пӳҗаны җӳтсӳн!

Будь оюлченіемъ непобѣдимымъ не-
пріятелю.

Согнувшіеся молодые лѣса,
Распустившіеся зеленые листья...
Я молюсь голосомъ поющихъ птицъ,
Теперь, съ наступившимъ годомъ,
Сдѣлаетъ ли (насъ) здоровыми и спо-
койными?

Подъ бѣлымъ свѣтомъ (небомъ),
На поверхности этого моего Алтал,
Буду ли жить спокойно и хорошо?
Не вводя (меня) въ черноту (въ бѣд-
ствие),

Не впутывая во все худое;
Пока существуетъ черная голова
моя,

Среди дапниковъ буду ли я жить
благополучно?

Буду ли я покоенъ среди населенія?
Чтобы никто не могъ брать меня за
воротъ (обижать),

Создастъ ли для меня силу?
Не вводя меня въ худое,

Умру ли, доживши до старости?
Подъ этимъ бѣлымъ свѣтомъ (желаю)

Жить съ чистою совѣстью
Съ этими моими дапниками

Буду ли жить безъ всего худого?
Этотъ вѣруемый (признаваемый) Богъ
мой одну милость пусть дастъ.

Этотъ славословившій народъ мой, не
обижался,

Постоянно пусть (будетъ) веселымъ.
Мое имя на разстолпій мѣсячной
лѣзды чтобы не было худымъ!

Такъ какъ соданниковъ моихъ благо-
словляю,

Мое благословеніе да будетъ!
Этотъ поклоняемый мой Богъ,
Ради меня, одну милость да сдѣлаетъ!

(Послѣ перерыва я бесѣды шамана съ хозяиномъ):

Ја, ну айланган журтү амыр ползып! Этотъ кругомъ нашедшійся юрть
пусть будетъ спокоенъ!

Абирган журтум аичу болзып! Окруженный юрть мой пусть будетъ
съ удобствомъ!

Пу албатты-кижиң јакшы јатсын! Эти даиники-люди твои пусть живутъ
хорошо!

Пу пала паркка аичу амыр јатсын! Эти дѣти пусть живутъ въ покоѣ и
удобствѣ!

Кішимнән јаман айттырбазып! Потомъ меня пусть не помнятъ
плохо!

Ам јанып јадым. Теперь возвращаюсь (домой).

Јуртка јаман пайа кірбазип! Худое въ юрть пусть не входитъ!

Појына ар журтуна табып! Самой семьѣ вручись (доброе)!

Алтын айрыңа пірік! Къ золотой развилинѣ присоединись!

Арт нобочыны алкап аш! Благословляя, переваливай (пере-
ѣзжай) сѣдловину (перевалъ)!

Аккан суды амыр кәч! Текущую рѣку благополучно пере-
ѣзжай!

Ак адамың аяй, Хозяинъ бѣлаго отца моего,

Ар кумақтың улузы, Народы великихъ пещекъ,

Ат карактү Кән-Суйла! Ханъ-Суйла съ конскими глазами!

Адам Јазім, јәтти бұра! Отецъ Јазім, јәтти бұра (семь вер-
блюдовъ-самцовъ)!

Алтын көлдүн үч бұра! Золотого озера үч бұра (три вер-
блюда-самца)!

Ас панштү Абу-кан! Имѣющій высокую голову Абу-кан!

Үч әжіктү ұжабай! Үжабай, имѣющая три двери!

Таш јаккалу Ала-кан! Ала-кан съ каменнымъ берегомъ!

Кан јаккалу Кән-Сумулты! Кән-Сумулты, имѣющій кровавый
берегъ!

Казыр таікам Кәйыр-Кубу, Кән- Чамал! Кәйыр-Кубу, Кән-Чамал — мои
грозиныя горы!

Кәтү түм, Кара-Көл! Жестокая гора моя, Кара-Көл!

Таіларым алкап тарткан. Дяди мои (по матери), славослови,
притянули.

Тарак тінштү Кән-Адыған, Кән-Адыған, съ гребневидными
зубьями,

Айыыр јалду Кән-Чолобо! Кән-Чолобо (гора), имѣющая
гряду жеребца!

Алты әжіктү Ак-Каја!
 Уч ужалу Кураң-Арт,
 Жакыл тонду Аба Сас,
 Аңарлу Жакы-жаш,
 Каптап тонду Кән-Чобор,

Тарак тіштү Кән-жожо,

Каја тушкән Кән-Чө,
 Кар'аі јустү аһи.

Ұч мусту Кара-Каја,
 Јас кура Јазім-бі,
 Јајап којор тужунда,
 Алкап турған канча таікам у.
 Појымшың алты аірі табынсын!

Азыр отко піріксің!

Ак-Каја о шести дверяхъ!
 Трехсоставный Кураң-Арт,
 Аба Сас въ зеленой шубѣ,
 Жакы-жаш, наводнящая болѣзнь,
 Кән-Чобор, имѣющій шубу-каф-
 танъ,

Кән-жожо, съ гребневидными зу-
 бьями,

Кән-Чө, оглидывающийся назадъ,
 Старуха (?) съ луновиднымъ чернымъ
 лицомъ.

Кара-Каја, съ тремя рогами,
 Јазім-біі, съ мѣдной ставкой,
 Когда меня создавали,
 Славословиями горы мои были эти.
 Пусть примкнуть къ шести развили-
 намъ моимъ!

Пусть присоединятся къ грозному
 огню!

III.

Мистеріал сыну Улған'я — Каршыт'у.

Молятва, произносимая шаманомъ у себя дома передъ отъѣздомъ.

Албатты кіжі амадан кәді.
 Муның учун бажым білгән Бајанам!

Паштап турған јән Кудајым!

Пу албаттының учун мәні баштап
 алкатсын!

Јар таңара бүдәрді,
 Јаңдап калған јаңыбыс,

Јәтти ујадың турруза бажырын калған,

Јаңдап калған Кудабыс.

Пу албатты сурап кәләрдә,

Давники-народы пришли съ просьбой.
 Ради этого, вѣдающій моею головой,
 Баяна мой!

Руководящій (мшою) Великій Богъ
 мой!

Ради этихъ данниковъ, мной руководя,
 пусть Онъ благословить!

Когда земля и небо творились,
 Съ тѣхъ поръ осталась исповѣдуемая
 вѣра наша;

Поклопявшіеся семь поколѣній вѣ-
 рующими остались

Въ тебя, Богъ нашъ, которому покло-
 нялись.

Этотъ народъ пришелъ съ просьбой,

Мунуң учуң ак жарык, аи күн тап, Называя (тебя): бѣлый свѣтъ, луна
я солнце;
Мунуң учуң амадап жалбарып жат Поэтому данники просятъ съ вѣрою.
албатты.

По пріѣздѣ въ юрту. Јајык'у.

Алыр оттың ази!	Хозяинъ грознаго огня!
Ал жалбының улузы!	Старшина грознаго пламени!
Айрылбас тын јајаған,	Создатель неотъемлемой души,
Астыкпас тын бычыған!	Выкормившій неблудную (чистую) душу (жизнь)!
Алыр оттү Ак-јајык!	Бѣлый Янкъ, имѣющій грозный огонь!
Таңарадагі кудаі!	Богъ Небесный!
Мунуң учуң жалбарып жадым.	Поэтому, вѣрул, молюсь.

Къ Таңара (Каршыт'у, сыну Ылган'я).

Ылган Бѣдаң айрылған,	Отдѣлившійся отъ Ылган Біл,
Үч тақипштү Баі Каршыт!	Баі Каршыт, имѣющій три ступени!
Озоғы улус пұдәрді,	Когда творились прежніе народы,
Адам Ылган, тап жалбарып турған!	То, вѣрул, молились, говоря: Отець Ылган!
Озоғы жаңыбыс пұдәрді	Какъ образовалась старая вѣра,
Артқан калған урпй,	Мы, оставшіеся потомки,
Ал-та-ок жаңдаң турұбыс.	Съ тѣхъ поръ также вѣруѣмъ.
Јәр јаңис пұдәрді,	Со времени образованія вселенной
Јатті оббөкө жаңдаң калған жаңыбыс.	Наша вѣра признавалась семью пред- ками.

Омовеніе жертвенныхъ животныхъ.

Ас ұрдың талдан алдым,	Изъ малаго стада я выбралъ,
Аідар малдаң шұлуғ.	Изъ среды перегонного (пасомаго) скота я вынелилъ (по согласію съ своими духами опредѣлилъ).
Таңарада Кудаі көрөр болзо,	Если на небѣ призрѣтъ Богъ (это животное),
Ұстуңа ајак салып жадым.	Ставлю на спину чашку.
Алча тушсұн тіп.	Желаю, чтобы пала навзничь.
Таңарада кудаі мұны көрбөс болзо,	Если на небѣ Богъ не призрѣтъ,

Пу салган аҗак көмкөрө түшсүн;	Пусть эта положенная (на спину)
Пожодын јадым.	чашка упадетъ сверху дною;
Муны көргөнү чын болзо,	И я отпускаю (животное).
Пу малды таҗын турум.	Если правда, что (жертва) признана,
	То это животное приношу.

(Ударомъ бубна отослалъ).

Послѣ омовенія, шаманъ уходитъ въ юрту. Къ Јајык'у.

Ајас Каңға баштазын,	Будь путеводитель къ Ясности-Хауу,
Өлбөс јургтәи бек јаја,	Создай прочно безсмертный юртъ
	(населеніе),
Өчибө отты чокту быча,	Вырѣзан огонь неугасимый и пы-
	лающий,
Өлбөскө башты бек јаја,	Создай крѣпкую, безсмертную го-
	лову (благоденствіе),
Јамаңға баштабаі,	Не ведя къ худому,
Јақшызылыкты бәрігәр!	Дайте добро!
Колтук алтынаң корбозын,	Изъ-подъ мышць (руки) пусть не
	убываетъ (дѣти),
Адак алтынаң йидәлбәйп.	Изъ-подъ полы (одежды) да не бу-
	детъ ошибки.
Паптың сузун ¹ сурадым,	Прошу для (будущей) головы плодо-
	витости ¹ ,
Папн кожырамын тіләдім.	Просилъ о прибыли головы.
Акі боҗы азаң болзын!	Пусть оба (хозяинъ и хозяйка) здрав-
	ствуютъ!
Аидәлбәстәң суран турум:	Я прошу отъ Безощбочнаго:
Пала сузун бәрзин,	Пусть дастъ плодовитость на дѣтей,
Мал кудын јаҗазын!	(Пусть) создастъ счастье ² на скоть.
Палалу болуп јаткаі пәм?	Буду ли жить, имѣя дѣтей?
Малым йаң турҗаі пә?	Будетъ ли скоть мой благополученъ?
Папн кудуи бычызын!	Пусть выкормитъ счастье ² головы!
Јобол тап пәмә јок поззын.	Что называется страданіемъ, то пусть
	не будетъ.
Качан амыр јадарға суран турум,	Прошу всегда жить спокойно,

¹ См. выше, стр. 11, 73, 76 и 79. Ср. В. Вербицкий. Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка. Каз. 1884 г., стр. 310—311: подъ словомъ «сузы»; В. В. Радловъ. Ошибъ словаря тюркскаго нарѣчій, т. IV, 781: подъ словомъ «сусл». Ред.

² Ср. стр. 69, сноска 2.

Канді жаман нямй табылбазын.
 Жабымбаным жука болды,
 Јастанганым жабыс полды.
 Јараштыра јажан пәрғәй бәді,
 Јакшынак пычыи коіҗоі бәді?
 Јалбарғаным Тәңәрә,
 Јалтанғаным Ајас-Кән!
 Ајтан чығар Кун алды,
 Аңір тіјәр Аі алды —
 Ајас Кәнһиң јарғызы.
 Јараштыра јажачы,
 Алтаіды кәркәдін јажаған,
 Албаттыны тәң јажаған.
 Амәл ағаш пүрләвди.

Јырлұ көк әтгі.
 Аі албатты әзән болұп јадарда,
 Амәл ағаш пүр јайды.
 Јажачы тәң јалбарып турұм.

Вечернее служение. Къ Паш-туткан'у.

Ак јадәккә оролҗон албатты кижі
 Ам мунаң ойтто бурулұн јан!
 Аһиң уләжі ойтто јанза
 Ам кәләттән коңур күстә, —
 Пір әлік Кудәі ы бәрзін!
 Пәрилді. Оп Куруй!
 Јајык, Тәңәрә сә јажан пәрзін!

Пусть не случается ничего дурного.
 Моя покрывка стала тонка,
 Моя подушка стала низка.
 Создасть ли все это удобно,
 Вырѣжетъ ли все это хорошо (Јајык)?
 Небо, которому я поклоняюсь,
 Ясность-Ханъ, котораго страшусь!
 Рано выходящее солнце,
 Мѣсяць (луна), сіяющій вечеромъ, —
 Предопредѣленіе Ясности-Хапа.
 Создатель стройной красоты,
 Алтай въ красѣ создавшій,
 Создалъ равноправный народъ.
 Ядровый лѣсъ (кедръ) покрылся ли-
 ствой.

Певунья кукушка запѣла.
 Когда народъ — данники, здравствуи,
 стали жьть,
 Тогда ядровый лѣсъ распустилъ хвою.
 Молюсь тебѣ, называя Создателемъ.

Карлык'у.

Ат пажынча,
 Ала Карлык!
 Коі бажынча,
 Коңур Карлык!

Съ голову коня,
 Пѣтій Карлык!
 Съ голову овцы,
 Каурый Карлык.

¹ Куруй — посланианіе (срп. монг. халх. ург. хор'е! ойратск. хорй-хорй!) при
 призываніяхъ божества. II. II. Сравни. «Оп» и «Куруй» въ Словарикѣ Н. В. Радлова и
 В. Вербицкаго. Ред.

Пудак.

1.

Уч олбукту¹ Pai-Kaiц!²

Жалабалы³ Pai-Тайсаң!

Ол албаттының йткәнің

Ак каралаң шылайтган.

Албаттының азрап јаткан малын
біләтгән,

Јурттап јаткан јуртууң

Јакшы јаманын біләтгән.

Ол йткән нәмәни

Канча јәпсәлдї біләтгән.

Мал азрайтган кјінің

Тибәзі анда турун-јат.

Пала азрайтган кјінің,

Палазы анда туруп јат.

Возсѣдающій на трехъ сѣдалищахъ
Pai-Kaiц!

Bai-Тайсаң, съ (шапочной) лентой!

Исслѣдователь бѣлизны и черноты

Поступковъ этихъ подданныхъ.

Выращенный скотъ данниковъ иѣ-
дающій,

Знающій доброту и зло

Живущихъ въ своей средѣ.

И эту приносимую (жертву)

И разное приготовленіе знающій.

Кому надлежитъ имѣть скотъ,

Того стоянка (будущаго скота) нахо-
дится тамъ.

Человѣка, которому надлежитъ имѣть
дѣтей,

Того дѣти паходятся тамъ.

2.

Јардїң устун сајып јаткан Солоцы!

Айлу Кунду Таңара!

Алтон сәгіс Ак-солоцы!

Албаттыны јајан јаткан,

Ада бббкб Таңара!

Айлыктуды бычып јаткан

Апәм, akka-Ајас-Кан!

Кат алышкап Казыр-Бура!

Радуга, вонзающаяся въ поверхность
земли!

Небо съ солнцемъ и луной!

Шестъдесять восемь бѣлыхъ радугъ!

Создающее данниковъ

Небо отцовъ и предковъ!

Благополучныхъ людей вырѣзываю-
щая

Моя мать и старшій братъ Ясность-
Ханъ!

Слоями громоздящійся Казыр-
(лютый) Бура!

¹ Олбук — заимствованное изъ монгольскаго языка слово и означать «пойлокъ» (на которомъ сидятъ) Н. П. Якутск. Олбох — почетное мѣсто для сидѣнія, назначенное уважаемымъ гостемъ, сѣдалище. Э. К. Пекарскій, Словарь якутск. яз., столб. 1814. Ср. олюок (кара-кирг.) панцырь; олюак (таранч.) — панцырь, шлемъ. В. В. Радловъ. Опытъ словаря... т. I, столб. 1096.

² Pai-Kaiц (густолиственная береза) принимается за одухотворенное существо.

³ Жалаба — лента, призываемая къ національной калмыцкой шапкѣ.

3.

Каілап турған Ыч Сургак.
Қуа жалкын Азі,
Қу аяғам улузы!

Пу кучыякты —
Јаш ұранді јајап қоғон.
Јар устунді албаттыны бычып јаткан.
Јајап јаткан јазучы,
Јарык кундұ Таңард.
Пычып јаткан бычучы,
Пу таңардә јаңыс Кудә!
Оз ірдііні бычыған —
Таңардәді жарғызы.
Пу әі албатты јалбарған,
Ада әнәің јаңы.

Гуломъ гудящій Ыч Сургак.
Хозяинъ блѣдныхъ молиій,
Старшина блѣдныхъ шаговъ (мерца-
нїй молиіи).

Эпихъ пташекъ (дѣтей) —
Молодой плодъ создавшій.
Вырѣзывающій данниковъ на землѣ,
Создающій создатель,
Мое небо со свѣтлымъ солнцемъ.
Вырѣзывающій вырѣзыватель,
На этомъ небѣ единый Богъ!
Выкроявшее ірдіі (счастье) —
Небесное предопредѣленіе.
Народы и данники вѣрующіе,
Вѣра отцовъ и матерей.

Молитва на небѣ, на третьемъ Сургак'ѣ.

Пу ак жарыкты амадан кәлдім,
Албатты біјаып јәткәі-нә тәп.

Пу албатты сләрді күзәп
Такып туру.
Таңардәің әжігі,
Алтын әжік ачылазып!
Ак күрә біріксіп!
Кумуш үігән субүләп,
Ісулар әр салынзып!

Алтын ноктом
Оітто аїланып
Амыр отко табышсын!
Акыш пәріп калыбар...
Оп курыі, оп курыі, оп курыі!
Оп курының курыјы!

И явился (на свѣтъ), желая этого
блага свѣта,
Думая, не дастся ли данникамъ ми-
лость.

Эти данники вась¹ ждутъ и
Жертвуютъ.
Небесная дверь,
Золотая дверь да растворится!
Да присоединится къ бѣлой ставкѣ!
Пусть надѣнется серебряная узда,
Пусть положится (на коня) бронзовое
сѣдло!

Моя золотая узда
Да возвратится обратно
И вручится мирно огню.
Оставайтесь, благословивши...
«Оп курый, оп курый, оп курый!»
«Оп курый'я курый!»

¹ Здѣсь, помянувъ вѣстрѣчающіхъ послѣдника Ы'ігін'я — уткучы.

Ал отковро¹ біріксің,

Да присоединится къ грозному царю
огни,

Алты айра табышың.
Албатгыңа бір біяны бәрішің.
Ак Жауық сән пәктәп тут
Ол-ок куруиды!
Азар бажы амыр болзың,

Вручится шести развляппамъ.
Хоть одна милость дастся данникамъ.
Бѣлый Яикъ, держи крѣпко
Этот самый «курый»!
Пусть будетъ покой головѣ, надле-
жащей сѣдѣть (хозяину юрты),
Малая семья да будетъ покойна!
Бѣлый Яикъ, держи крѣпко!
«Он курый, он курый, он курый!»

Ас урұ аңғұ болзың!
Ак Жауық, сән бәктәп тут!
Он курың, он курың, он курың!

При возвращеніи съ пудак'овъ.

Палабалұ Пай-Кайң...
Ат кулактұ ала-кас.
Ұч палалұ коңур кас,
Алыр отко табыштырың,
Ал жалыңа біріктірің!
Айрылбас тынымды,
Ашпас пажымды
Амыр әдіп табыштырың!
Айла алты айра ойтго табыштым!

Вѣтвистая Густолиственная береза..
Пѣгій гусь съ лошадиными ушами.
Каурый гусь съ тремя птенцами,
Пусть доставитъ пылающему огню,
Къ грозному пламени присоединить!
Неотъемлемую душу мою,
Непереходную голову мою
Возвратить (обратно) съ миромъ!
Въ аилъ къ шести развляппамъ я воз-
вратился!

Пу тәңдәрәдін жарғызы-была
Кас ойтго табышың! тән.

Рѣшеніемъ сего неба
Гусь пусть возвратится обратно!

(Ударилъ въ бубенъ).

Послѣ маленькаго перерыва, шаманъ дѣлаетъ заключеніе.

Къ Чалұ.

Әмді амыраң жбктон токунағар,
Әртән таңның алды-была кун чыкса,
Алтын чолбу тәңдәп туруғар,

Теперь спокойно на сонъ остано-
вьтесь (кормясь),
Завтра передъ зарей, когда взойдетъ
солнце,
Золотую чолбу развляйте (дѣлайте
достойной)²,

¹ Откон < от «огонь» — кан «ханъ». Срв. монгольск. одкан балакан еке
«мать огня, царица огня». II. II.

² См. выше, стр. 78.

Ак тіріі көдүрүңдөр.
Аны бурун жазан, сiргi

Тiңдiн бiрiр.

Возносите на бѣлый престолъ.
Его умертвятъ (животное), пригото-
вить

И вамъ, сравнивъ¹, дадутъ (долю).

Утромъ, передъ удушеніемъ животнаго.

Андi таң адарда,
Кун чыңарда,
Сундiйи табышсын!
Төрт шаңкылү Bai Kaiңын

Оң жагына коштолын,
Жуун болгон ак жүгiлi,
Кадылын жат.
Жүрiк болгон төр-баккан,
Арұ алдынаң шдiлiн жат.

Алтаi кiчкiн Ак-Кiчкiл,
Аңарарда ак-којон,
Арба алдынаң баштан туру.

Үкiгiрлү ала шоңкор, ат-картыңа,

Ак пулутка шдiлiзiн!
Аiға, Кунгi табышсын!
(Үч уялу ула тiкiш тiбiлiзiн).

Үбурiктү куш пiрүк сiкiнiн,

Ајас Кiңға шдiлiзiн!
Үч жалама жайылын.
Ак жарыкка жалбарып жадым.

Теперь, когда заря озаряется,
Когда солнце восходитъ,
Пусть душа (животнаго) вручится!
Имѣющій четыре «шаңкы» (уборъ дѣ-
вичій) Густолиственной березы

(жертвенники),

На правую сторону стань въ рядъ,
На бѣлой јукелi², ставшей мозгомъ,
Ложись вдоль.

Передшій столбъ, ставшій сердцемъ,
Передъ чистой — тобой упирается
(животнымъ).

Бѣлый Кечкаль, перетинувшійся че-
резъ Алтай,

И бѣлый заяцъ, бѣлѣющійся,
Главенствуетъ въ призываніи (при
жертвоприношеніи).

Имѣющие знаки нѣгiй соколъ и
ястребъ-конь

Пусть упираются въ бѣлыя облака!

Мѣсяцу и солнцу вручится!

(Да будетъ пощраема лѣстница съ
тремя ступенями).

Птичья шапка съ перьями встряхи-
валась,

Пусть упирается въ Ясность-Хана!

(У меня) три ленты развѣваются.

Молюсь бѣлому Свѣту.

¹ Сравнить = сдѣлать достойнымъ.

² См. выше, стр. 60.

Кудаымның жарбызы отко жәдіжп Рѣшеніе Бога моего пусть будетъ у
турзун! огня
Албатта табыжып турзун! И народу достанется!

Къ переднему углу (съ тарелкой, наполненной мясомъ).

Къ подземнымъ духамъ (күрмөс):

Пу Кудадың улажі, Эта божественная доля,
Мунаң алып турзун! Возьмите отъ Него!

Кругомъ очага.

Ада чаккан от албын.	Отцомъ высѣченный пламенный огонь.
Анй көмгөн таш очок.	Матерью водруженный каменный очагъ.
Ўч бурбалған бос түдүн, Ајас Кѣнге томулған. Ўзү чаккан жалыр одым,	Сѣрый дымъ трижды перевившійся, Ясности-Хану воскурившійся. Горячій, высѣченный пламенный огонь мой,
Јәр-јәдіскә йбір көр! Ак Јајықтаң Алтај жарғы сурап турзун!	Обвейся вокругъ вселенной! Отъ блага Яика Алтай пусть просить рѣшеніе!
Аідаң кунийң бір біјаны јәдішсін!	Отъ солнца и мѣсяца пусть достанется милость!
Јалыр отко табышсын!	Вручится пламенному огню!

Молитва при возвращеніи Чалу домой.

Пу айланған јүртүң Амыр болзын! Качанда јаманға јуктурбаі Јакшы јатсын. Ам мән тәңірәзинің камдап алкадым. Ам јанып ойтто алым тән, Сананып јадым. Јәр устуңда канча албатты алкыжын Ончо јакшы бйрзін! Амді јанып јадым.	Да будетъ благополучіе этого дома, Въ который вернулись! Никогда худое не прилѣпится, Да живетъ хорошо. Въ настоящее время я камлаагъ небу. Теперь, возвращаясь домой, Думаю о своемъ жилищѣ. Сколько есть на землѣ народу, На всѣхъ пусть дастъ благословеніе! Теперь возвращаюсь (домой).
--	--

Кудайымың жарызы отко жәдіжіп Рѣшеніе Бога моего пусть будетъ у
турзұн! огня

Албатта табыжып турзұн! И народу достанется!

Къ переднему углу (съ тарелкой, наполненной мясомъ).

Къ подземнымъ духамъ (кѣримъ):

Пу Кудайдың улажі,
Мунаң алып турзұн!

Эта божественная доля,
Возьмите отъ Него!

Кругомъ очага.

Ада чаккан от албын.

Отцомъ высѣченный пламенный
огонь.

Аяң көмгөн таш очок.

Матерью водруженный каменный
очагъ.

Ұч бурбалған бос тудун,
Аяс Кәнге томулған.
Ұзұ чаккан жалыр одым,

Скрый дымъ трижды перевившійся,
Ясности-Хану воскурившійся.
Горячій, высѣченный пламенный
огонь мой,

Жар-жәдіскә йбір көр!

Обвейся вокругъ вселенной!

Ак Жайықтаң Алтай жарбы сурап
турзұн!

Отъ блага Яика Алтай пусть проситъ
рѣшеніе!

Айдаң күннің бір бѣяны жәдішсін!

Отъ солнца и мѣсяца пусть достанется
милость!

Жалыр отко табышсын!

Вручится пламенному огню!

Молитва при возвращеніи Чалу домой.

Пу айланған жұртұң
Амыр болзын!

Да будетъ благополучіе этого дома,
Въ который вернулись!

Качанда жаманға жүктурбаі
Жакшы жатсын.

Никогда худое не прилѣпится,
Да живетъ хорошо.

Ам мѣн тәңірәзің камдап алкадым.

Въ настоящее время я камлағъ небу.

Ам жанып ойтто алым таң,

Теперь, возвращаясь домой,

Сананып жадым.

Думаю о своемъ жилищѣ.

Жар устұңда капча албатты алкыжып

Сколько есть на землѣ народу,

Ончо жакшы бѣрзін!

На всѣхъ пусть дастъ благословеніе!

Амді жанып жадым.

Теперь возвращаюсь (домой).

VII. Родословная алтайских шаманов и шаманок и их обоготворенные предки ¹.

Куртү-арт, лѣвый притокъ Катуня.

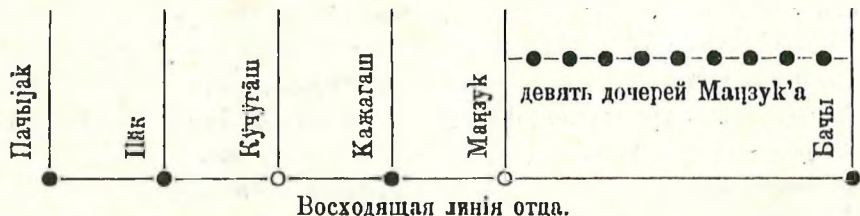
Шаманъ Кидимай, 25 лѣтъ, кости (сѣк) Тобус. Камлаетъ шесть лѣтъ безъ манжак'а. Жертвоприношеніе совершаетъ только чистымъ тѣс'ямъ: Угән'ю, его сыновьямъ, духамъ горъ алтаи и своимъ предкамъ-шаманамъ.

Предки-шаманы (тѣс), воздѣйствующіе на шамана Кидимай'я: Сандін, Ак-нилак, Урділа. Предокъ Сандін жилъ на берегахъ Телецкого озера. Камлаетъ безъ манжак'а. Чалу Сандін'а — два малыхъ тундурчак'а съ лентами.

Ак-аҫры, лѣвый притокъ р. Катуня.

Шаманъ Пачыжак, старикъ, кости (сѣк) Іркіт.

¹ Родословная алтайских шамановъ записана во время поѣздки по Алтаю въ 1910 г. Въ 1912 г. записи эти пополнены новыми разсказами. Сюда же вошло нѣсколько записей о шаманахъ-предкахъ — учителя Н. Я. Никифорова.

² Первая восходящая линия изображаетъ родословную по отцу шамана, а вторая — по матери. Боковыми линиями изображается родословная братьевъ или сестеръ. Шаманы и шаманки изъ родословной линии отнѣжены затупшенными точками.

Пачыѣакъ — маѣячнѣй шаманъ. Камлаетъ только чернымъ тѣс'ямъ: Арлѣк'у и его сыновьямъ.

Предокъ шамана Пачыѣак'а принесъ въ жертву Ылгѣн'ю лошадь съ поврежденнымъ глазомъ. Ылгѣн разнѣвался на него и запретилъ его роду приносить жертву чистымъ тѣс'лямъ.

Въ аилѣ шамана Пачыѣак'а на мужской сторонѣ изображеніе (чалу) предка шамана Ыдѣок'а. Изображеніе сдѣлано изъ трехъ плоскихъ жгутовъ желтой матеріи съ красными кистями (чачак). Длина изображенія — 40 см.

Алтаецъ Токпадан Токпан, кости (сѣк) Чапты, 5 алтайской дючины (не шаманъ).

Въ аилѣ Токпадан'а — ленточное изображеніе шаманки Сандѣ или Сандѣн. Изображеніе виситъ на мужской сторонѣ; оно состоитъ изъ девяти лентъ (жалама) сѣваго коленкора арчул'овъ, подвѣшенныхъ по краямъ. Ленты (жалама) изображенія украшены въ серединѣ и внизу кистями.

Длина чалу 35 см., ширина 30 см., арчул — квадратный, сторона — 16 см.

Сандѣн — шаманка, кости (сѣк) Кѣргѣл, вдова, бездѣтная, сойотка.

Сначала жила по р. Куѣум'у (притокъ Катунѣ), а потомъ съ братьями перекочевала на р. Кан. Тамъ она заболѣла. Тѣло ея покрылось зловонными язвами. Братья стали пренебрежительно относиться къ ней и удалились въ горную пещеру Кадыр-кабакъ или Каѣраканъ куѣ. Дали ей пять козъ, молокомъ которыхъ она и питалась. У проѣзжающихъ мимо пещеры Сандѣн издали выпрашивала на закладку кирпичный чай.

При жизни своей Сандѣн говорила:

Мѣнѣ карындаштар ѣрулу тѣн, ѣ- скѣндѣ,	Мною братья пренебрегли, говоря: большая...
Ылгѣн тужумда, кажы-дѣ нѣжѣ,	Когда умру, чужой ли человекъ,
Карындаш-та кѣжѣ ползын,	Пусть будутъ хоть братья,
Турвулузу полорымъ.	Поставятъ меня (сдѣлаютъ изобра- женіе и будутъ почитать).

Алтайскіе шаманисты чтутъ Сандѣн, какъ покровительницу домашнего скота. При болѣзняхъ коровъ кропятъ ей первый отваръ новаго кирпичнаго чая.

Огъ нелъ хворають и люди. При болѣзни человека, Сандѣн'ѣ приносятъ въ жертву бѣлую овцу или черную козу. При совершеніи обряда часть мяса, въ видѣ мелкихъ кусочковъ, бросаютъ Сандѣн'ѣ, а остальное

съѣдаютъ присутствующіе. Кости жертвеннаго животнаго не сжигаютъ, какъ при жертвоприношеніяхъ другимъ предкамъ, а бросаютъ въ поле.

Первое благословеніе Сандяп'ѣ.

Каппычъ ічі Кабак-тайка турзулұ	По рѣкѣ Кан'у, въ тайгѣ Кабакъ обитавшая,
Санді ады, кам ады!	(Тетка) Сандяп, шаманка (тетка)!
Ак малға біјандұ адығар.	Вы были милостивы для благопри- обрѣтеннаго имущества.
Арұ тѳзін Абу-кан ады.	Твоимъ чистымъ тѳс'емъ былъ Абу- кан.
Ай тапдакта тапкінду адың.	Имѣешь ступень на зорѣ иѣсяца.
Албатта біјандұ адығар.	Вы были милостивы къ даникамъ.
Айла чака пудуп калған адығар.	На вѣкъ народный такъ установились.

Второе благословеніе Сандяп'ѣ.

Албатта адырған. . .	Данниками почитаемая. . .
Јагті јукъ кѳдуртқан.	Семь поколѣній возносили тебя.
Тамғалұ кара чай сузынду,	Черный чай съ (фабричнымъ) тавромъ питье твое,
Ак коі барылғалұ.	Бѣлая овца служить тебѣ жертвой.
Кара бажыма біјан шар!	Дай милость на черную голову мою!
Ажылым ічипаң јоболы чығарба.	Въ жилищѣ моемъ болѣзни не про- вляй.
Ажылымының ічипаң сларді кундулап јадырым.	Въ жилищѣ моемъ васъ почитаю.
Појым олуп калғажым,	Если самъ умру,
Палам сәні кундулазін.	То пусть дѣти мои теби почитаютъ.
Качан сәні унутпаин,	Никогда не забуду тебя,
Сй бажырып јурпаин.	Буду поклоняться тебѣ.

Өндіік — предокъ-шаманъ.

Чалұ Өндіік'а — три желтыхъ жгута, съ тремя кисточками (чачакъ) на каждомъ жгутѣ.

Өндіік по происхожденію — сойотъ. Сначала жилъ на рѣкѣ Кемчикѣ, потомъ перекочевалъ въ Алтай. Отъ него въ Алтай остался родъ Пактыякъ.

Өндіік — грозный и мстительный — укту јан кам (т. е. благородный и почтенный шаманъ). По разсказамъ алтайцевъ, умершій предокъ Өндіік

будто бы по ночамъ камласть и заходить даже въ аилъ. Если шамана Ёндіак'а слышать камлающимъ въ аилѣ, то хозяину аила грозить большая бѣда и даже смерть.

Въ жертву Ёндіак'у приносятъ бѣлаго барана.

Благословеніе Ёндіак'у.

Јагтгѣ ажіктѣ јар-су.

Ана јадіс Кѣн Алтай,

Кабак-тайка, каттѣ тѣм!

Карым-тайка — ай тѣм!

Адіргѣнцѣ уч бѣчѣк...

Сумултыныцѣ уч ыжыкка

Тѣп јургѣн јарің ол.

Ёндіактің јаттгѣ чолмон,

Аккіп тѣң ол айдѣ.

Каттѣ тѣң казылбаның аккі ыжык...

Каіра тушкѣн казылбандѣ,

Аккі амчѣктѣ, аккі Чамал...

Страна о семи дверяхъ (пѣдак'ахъ).

Мать мохъ (родина) — царь Алтай
мой,

Кабак-тайга, грозная гора моя!

Карым-тайга, гора моя, имѣющая
(своего) хозяина!

Три бѣчѣк гумна...

На Сумултинскихъ трехъ ыжык'ахъ
(Раньше) ты дорогу топталъ.

Ёндіак'а семь зарницъ;

Гора твоя съ сильнымъ вѣтромъ.

Грозная гора твоя два ыжык съ
(красной) кислицей...

Назадъ раскинувшіяся съ (черной)
кислицей,

Съ двумя сосцами, два Чамал'а...

Качі-кам, предокъ изъ кости (сѣк) Чапты,
алтайскій шаманъ.

Изображеніе имѣетъ матерчатое изъ трехъ лентъ
съ нашивками (чачак) и полотномъ (арчѣл), подвѣ-
шиваемымъ сбоку.

Качі-кам внушаетъ шаманамъ различныя же-
лѣнія — кулафуна кіжі болуп, айдар бѣрѣр (для
ушей человѣкомъ дѣлается; даетъ говореніе).

Черезъ три года Качі-кам'у приносятъ въ
жертву барана.

Акыт-кам, предокъ, сѣк — Кѣргіі. Покрови-
тель дѣтей. Когда дѣти болѣютъ горячкой (кара јаң — горячка, а не вѣра),
Акыт'у приносятъ въ жертву черного козла.

Изображеніе дѣлается ленточное, безъ арчѣл'а (рис. 98; ср. рис. 99).

Сатыја или Сат — предокъ-шаманъ, сѣк — Кѣргіі. Сатыја — ста-
руха, жена Кабак-кам'а. Чалу ея — пучокъ лентъ (јалама).

Рис. 98.

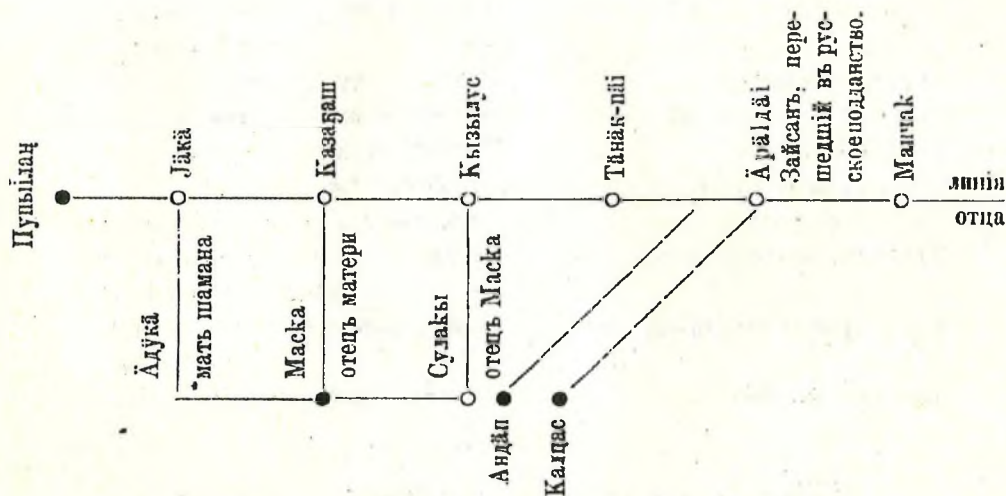
Рис. 99.

Въ жертву приносятъ саба (тулѣ съ брагой). Изъ браги выкуриваютъ въ двухъ казанахъ вино, которымъ брызжутъ на изображеніе Сатыја.

Чічкѣ-чарвы, притокъ р. Семы.

Шаманъ Пунылацъ, 40 лѣтъ; камлаетъ 22 года, изъ кости (сѣк) Мундус, 1-ой алтайской дючины.

Пунылацъ — шаманъ маңачный, камлаетъ только чернымъ тѣс'имъ.

Тѣс'и шамана Пунылац'а: шаманъ Андäп и шаманъ Калпас.

Предокъ, по линіи матери Пунылац'а, шаманъ Андäп, былъ бездѣтный и просилъ своего дядю шамана Калпас'а покамлатъ духамъ о дарованіи дѣтей. Жена Андäп'а вскорѣ родила сына. Съ тѣхъ поръ родъ матери Пунылац'а сталъ чтить Калпас'а, а впоследствии и Андäп'а.

Калпас жилъ во времена ойратскаго владычества. По распоряженію ойратскаго чиновника, Калпас'а жили на кострѣ вмѣстѣ съ другими восемью шаманами. Калпас въ огнѣ лежалъ на другомъ шаманѣ и хотѣлъ улетѣть съ нимъ, но сдѣлать этого не могъ, такъ какъ лежавшій подъ нимъ шаманъ не имѣлъ силъ подняться съ Калпас'омъ. Тогда Калпас продолжалъ лежать на кострѣ до конца и спасъ отъ смерти не только себя, но и своего собрата.

Чинovníкъ приказалъ раздуть новый костеръ мѣхомъ о семи жерлахъ и бросить въ него Калпас'а. Но и тутъ Калпас остался живъ, сперва

лишь поблѣлъ, а потомъ сдѣлался буроватымъ. Видя это, чиновникъ сказалъ: ты дѣйствительно шаманъ.

Шаманы въ своихъ благословеніяхъ (алкын) шамана Калпас'а называютъ:

Кунга куібас кураң таш,
Айға куібас алтын таш.

Несгораемый на солнцѣ бурый камень,
Несгораемый на мѣсяцѣ золотой камень.

Алкын (благословеніе) Калпас'у.

Кызыл тілдің әрмәні,
Кыл жіқтың топчузу,
Ала көстің чолмоны,
Ай кулактың шынылаты!
Жакка тонго и болжон,

Жал жүрәккі бәлгі салған!

Үстугу баккан Үлгән-ајас,
Үлгән-ајазын алканын,
Жардің төзі жіткі
Абұ-қанға алканған.
Жәтгі сары ат көлгөлу,

Жәтгі саңаі салымдұ.

Кунга куібас кураң таш,

Айға куібас алтын таш!

Абуғајым Калпас кам!
Арқанду йр мундус.
Самурау саі мундус!
Жәтгі саңаі алкаілы.
Жәтгі мәт тудунған,
Жәтгі мәт тудунала,
Жәтгі аймакка алкыжы жіткан.
Аракыда сузындұ,
Ак көі тәділу.

Красноярѣчіе краснаго языка (моего),
Пуговица волосныхъ щекъ (моихъ),
Зарница иґъихъ глазъ (моихъ),
Звонъ луновидныхъ ушей (моихъ)!
Хозяиномъ (ты) сталъ шубы съ во-

ротомъ,

Въ середину сердца вложилъ силу
вѣщанія!

Повинуясь вышнему Үлгән'ю-свѣту,
Үлгән'емъ-свѣтомъ прославлялся,
Основанія земли достигъ,
Воздавалъ славословіе Абұ-кан'у.
Имѣешь семь соловыхъ лошадей съ
упряжью,

Имѣешь (почетное) положеніе въ
семи сагаяхъ.

Отъ солнца несгораемый бурый
камень,

Отъ мѣсяца несгораемый золотой
камень!

Дядя мой по отцу Калпас-шаманъ!
Свободный герой-мундус.

Имѣешь гѣстовку, почетный мундус!
Семь сагаевъ будемъ славословить.

Державшій семь споровъ,

Одержавши семь споровъ,

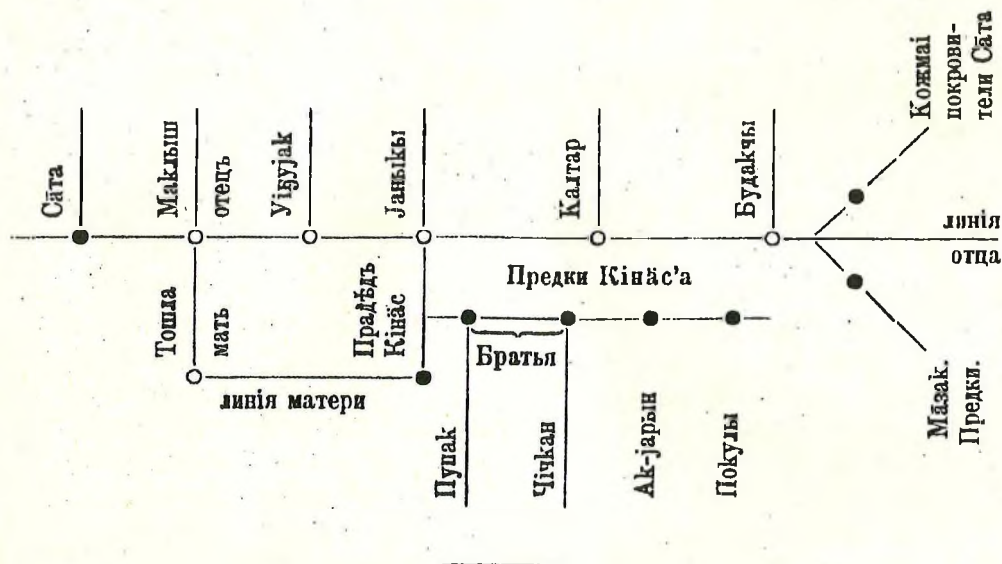
Семи племенамъ доставилъ милость.

Въ винѣ (имѣешь) питье,

Въ бѣломъ баранѣ (твоя) жертва.

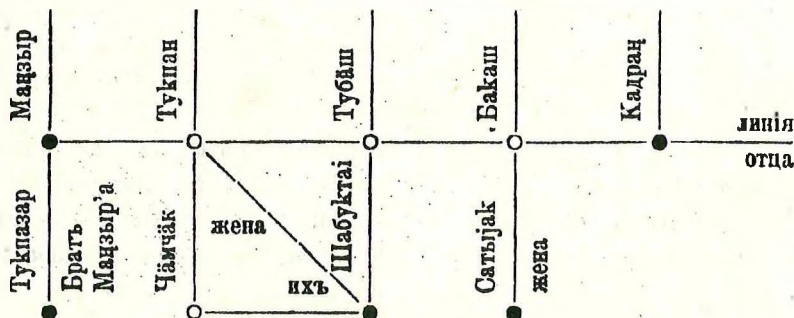
Вершина Аноса, (лѣвый притокъ Катуня).

Шаманка Сѣта, 30 лѣтъ, начала камлать до замужества 20 лѣтъ;
изъ кости Кузѣн. Имѣетъ манѣжъ. Уступу не дѣлаетъ по женской природѣ.

Вершина р. Аноса.

Маңзыр, алтаецъ, предрасположенный къ камланію. Его родословная.

На Маңзыр'а воздѣйствуютъ (кабѣліп ѣт) предки: Качы, сѣк Чапты; Татар, сѣк Чапты; Сатыѣакъ, сѣк Наіман, и Шабуктаі, сѣк Наіман. Подъ воздѣйствіемъ этихъ духовъ-предковъ Маңзыр находится

уже 6 лѣтъ, но упорно противится предрасположенности къ камланію. Съ нимъ бываютъ припадки; послѣ припадка онъ дѣлаегъ кропленіе виномъ и при этомъ къ своимъ духамъ обращается такъ:

Аі кунум жарбызы,
Абураім Качы-кам!
Тоғус ұја тоғолоғон,
Тоң сбігімді шылаған,
Абураім Качы-кам!
Аі кунум жарбызы,
Ұлған ұлы Ұрту-кан.
Ұч тайкпіштү Баі-Каршыт,

Ұч ұжалу Ак-Јаык,
Аркін төзім Ар-каным!
Јарбы јәрім жылым кәја,

Кызы јәрім кызыл кәја.

Аркін төстөн аңкалған,
Ар канымнаң бычылған,
Татар-камды тартындым
Учар аңам Сатыјак,
Аркін төзім Ар-каным,
Төс таім Шабуктаі.

Јәтти армакчы јәләлү,
Јәс каірычак көгустү,

Јәтти јәран көлкөлү,

Јәр будәрді бычылған,
Абураім Татар-кам,
Аттү чүлү јән кам.

Аіда кунда кыбылү,
Ак ајаста жарбылү.

Өрө көрүп кыи таған:
Пажырғаным Паі-Ұлған,

Рѣшеніе солнца и мѣсяца моего,
Дядя по отцу Качы-шаманъ!
Счелъ девять суставовъ (моихъ),
Дочиста мои кости допросившій,
Дядя мой Качы-шаманъ!
Рѣшеніе солнца и мѣсяца моего,
Сынъ Ұлған'я Ұрту-ханъ.
Богатый Каршыт съ тремя ступе-
нями,

Трехсуставный чистый Јаык,
Крѣпкое основаніе мое Ар-каным!
Мѣсто судилища моего — гладкая
скала,

Мѣсто мое для призванія — крас-
ная скала.

Отъ крѣпкаго основанія зависимаго,
Отъ кровнаго духа выкроеннаго,
Татар-шамана я притянулъ.

Летающая моя мать Сатыјак,
Крѣпкое основаніе мое Ар-каным,
Основаніе — мой дядя (по матери)
Шабуктаі!

Имѣющій привязъ изъ семи веревокъ,
Имѣющій спину подобно мѣдному
ящику,

Имѣющій семь рыжихъ дойныхъ ко-
былицъ,

Выкроившійся при сотвореніи земли,
Дядя мой Татар-шаманъ,
Знаменитый именитый великій ша-
манъ.

На мѣсяцѣ и солнцѣ призываемый,
На небесной лазури производящій
судъ.

Смотря вверхъ, кричу я:
Поклошнемый мой Богатый Ұлған,

Ўйин улы Ўрту-кан,
Ўч тақпшту Баи-Каршыт.

Ўнум јиди алақам,

Ўч ужалу Ак-Јајык.

Јаруы алыжып јайнабам,
Аркін төзім Ар-каным.

Аі кунум бычыған,
Абураим алақан,
Качы камның катту гөс,
Аркін төзім ол ада.

Абураидың јөбігөн,

Төмөн көрүп кыи таған,
Арлік улы Бі-маттыр.
Качы-камның алақан,
Катту төзім ол ада,
Арлік улы Бі-Маттыр.
Маттырдаң чачілған,
Маттырдың тоғус кыс.
Аі кунум јајабан,

Азар төстің жарғызм.
Ач пәлімә оролотон,
Аіры бутка толботонон,

Аіра баспас кижінім,
Аскатабас кујағым,
Аідың куншң жарғызм;
Паш оролған чачтулар,
Паш пукталған балдулар,
Казыр камның тајанған,
Качы-камның јөбігөн,
Аідаң куншң айрылған,
Азар төстің бычылған.
Јарғыз јокто јайнабам,

Сынъ Ўйган'я Ўрту-ханъ,
Имъющій три ступени Богатый Кар-
шыт.

Мой голосъ достигъ, когда я благо-
дарилъ
(Тебя), трехсуставный чистый Жа-
жык!

Я страдалъ, когда брать рѣшеніе
(Отъ тебя), мой крѣпкій төс-Ар-
каным.

Выкроенный солнцемъ и луной,
Возносимый моимъ дядей,
Крѣпкая основа Качы-шамана,
(Она есть) и мое мужественное осно-
ваніе.

Тотъ, къ которому прислонялся мой
дядя,

Къ которому взывалъ, смотря внизъ,
(Есть) сынъ Арлік'а Біи-Богатырь.
Прославленный Качы-шаманомъ,
Онъ есть и моя крѣпкая основа —
Сынъ Арлік'а Біи-Богатырь.
Отвѣзавшіяся отъ Богатыря
Богатыревыхъ девять дочерей.
Сотворенныя моимъ мѣсяцемъ и солн-
цемъ,

Бѣлыхъ төс'евъ рѣшеніе.
Обвивавшія мою тощую поясницу,
Накручивающіяся на раздвоенныя
мои ноги,

Ниспадающія мои цѣпи,
Щебрицаемыя мои брони,
Вы есть рѣшеніе солнца и луны;
Обвивающіяся пять разъ волосами,
Имъющія талии въ пять изгибовъ,
Вы — опоры грознаго шамана,
Вы — подпорки Качы-шамана,
Отдѣлявшіяся отъ мѣсяца и солнца,
Отъ чистыхъ төс'евъ выкроеннымъ.
Не имѣя опредѣленія, я страдалъ,

Арік јокто аяжігәм.
Тајанғаным јән кам,
Тартынғаным улу кам.
Јар пүдәрди пычылған,
Јатти адамның алақан,
Айдаң кунпач аырылған,
Алты адамның кыбырған.
Тоғус уја кузактар,
Тоң сәгімнің јазаудыр.
Кымыс каным коилткан,

Кызыл әдім пыжырған,
Аі кунум јарбычы:
Абуғаим Качы-кам,
Уча бәрәчи Сатыјак,
Улу таім Шабуқтаі,

Јән камым Татар-кам.

Ал санағам јарыдығар!
Алтын сыным сәргәді.
Ала тарткан аракы
Алтығарға таңдай.
Какпактудың урсунған,

Казанлудың тәді,
Качы-камға чачаин.
Ал савым кубултпа,
Алтын сыным сабылтпа.

Арәин токупат,
Тоң јүрәккә токупат,
Тоғус уја әлә,
Кара бажым курчакын көр,
Канча өзөгім жазағы,

Арәин токупат көр!

Попевоғә я страдагъ.
Опора моя — большой шаманъ,
Притягаемый ипой—великий шаманъ.
При сотвореніи земли выкроенный,
Семью отцами прославляемый,
Отдѣлившійся отъ мѣсяца и солнца,
Шестью отцами призываемый.
Брони о девяти складкахъ,
Чистыхъ костей моихъ украшеніи.
Кровь мою подобно кумысу сгущаю-
щія,

Красное мясо мое сварившій,
Мѣсяца и солнца судья:
Дядя мой Качы - шаманъ,
Летающая Сатыјакъ,
Великий старшій дядя мой Шабук-
таі,
Большой шаманъ мой Татар-ша-
манъ.

Освѣтите мою мрачную мысль!
Ободрился мой станъ золотой.
Выкуренное вино
Я вамъ приподнесу (приравняю).
Наваръ, скопляющійся подъ крып-
кой,

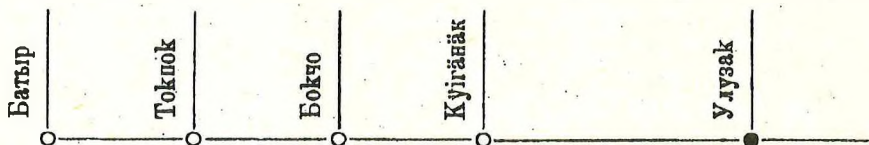
Пары отъ котла,
Брызгаю Качы-шаману.
Не извращай мою мысль,
Не давай шататься моему золотому
стану.

Тихонько остановись,
Къ чистому сердцу пристань,
Будь хозяиномъ до девяти когтей,
Черпую мою голову опоясывай,
Всѣхъ внутренностей моихъ будь
украшеніемъ,

Тихонько приостановись!

Рѣка Кујум.

Родословная алтайца Батыр'я изъ кости (сѣк) Кѣргил (не шаманъ).

Въ его аилѣ на мужской сторонѣ повѣшены два тѣнурчак'а:

а) Тајада, б) Улузак. Тајада принесенъ матерью Батыр'я — Соской изъ аила ея отца.

На женской сторонѣ — изображеніе (тѣнурчак) шаманки Аржан (приданое жены Одын'а).

Въ центрѣ среди другихъ изображеній — чалъ Курмуш'а (рис. 100 и 101).

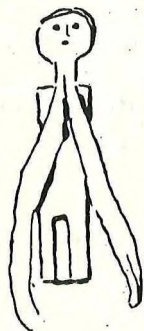

Рис. 100.

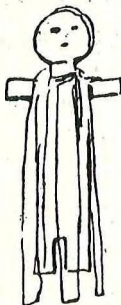

Рис. 101.

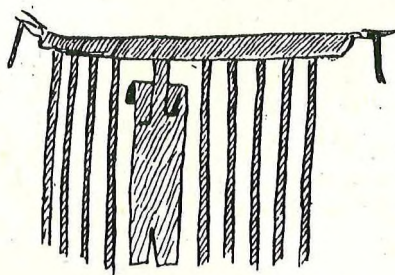

Рис. 102.

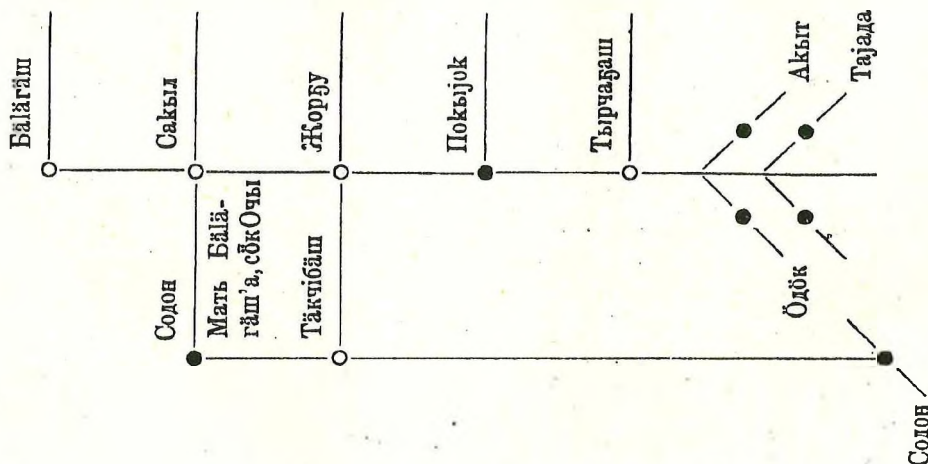
На лѣвой сторонѣ у двери въ аилѣ — ленточное изображеніе сына Арлік'а Караш'а. Жалама сдѣланы изъ грубаго льняного холста и замазаны углемъ для того, чтобы сдѣлать матерію черной.

Длина чалъ — 30 см., ширина — 28 см. (рис. 102).

Арлік пидің әлчизі
Кара жылан камчылу,
Туру жылан тіскіндү;
Кара калтар атту,
Кара кумдус тѣжикту,
Арлік улы Караш-пї.

Ты посланникъ Ärlük'a-бiя,
У тебя плеть — черная змѣя,
Поводъ (узды) — живая змѣя;
Въздись на темноухортомъ конѣ,
Имѣешь постель изъ черныхъ бобровъ,
Сынъ Ärlük'a Караш-бий.

Аилъ алтайца Балăгаш'а, сѣкъ Мундус, 1-й алтайской дючины
(не шаманъ).

Въ его аилѣ на женской сторонѣ тѣцурчакъ шамана Акыт'а; приданое его жены Тоичі, сѣкъ'а Кăргіл.

Длина тѣцурчак'а — 19 см., ширина — 17 см., діаметръ лица (пудужі) — 6 см.

Акыт'у приносятъ въ жертву свѣтлой масти лошадь, барана, кости дикаго козла, сабу и вино. Акыт-шаманъ имѣлъ своимъ тѣс'емъ Лăзім-бія.

Тѣцурчакъ предка шамана Тажада, сѣкъ Тодош. Тажада — пенать съ жениной стороны. Если Тажада не можетъ отогнать отъ аила злого духа (јаман кѣрмѣс'а), рассказываютъ алтайцы, то въ злобѣ самъ нападаетъ на людей и наводитъ на нихъ болѣзни. Въ жертву ему приносятъ то же, что и Акыт'у.

Въ срединѣ изображеній пенатовъ въ аилѣ — деревянное изображеніе Күрмүш'а. Длина — 20 см., ширина туловища — 3 см., головы — 4 см. (рис. 103 и 104).

Тёңүрчәк шамана предка Тоқыжок. У Тоқыжок'а былъ родной братъ Өдөк, тоже шаманъ. Тоқыжок при камланіи вылетѣлъ изъ юрты въ отверстіе трубы (түнүк) и спустился на навѣсъ другого аила. Өдөк своими камлаціями исцѣлялъ людей отъ всякихъ болѣзней. У Тоқыжок'а и Өдөк'а тос'емь былъ Абү-кан.

Тёңүрчәк шаманки Содон (матери хозяина аила).

Содон умерла 11 лѣтъ тому назадъ. По смерти душа ея отошла къ арү тос'ю — Абү-кан'у. Шаманъ при камланіи опредѣлилъ, что Содон достойна почитанія со стороны своихъ родственниковъ. Черезъ три года,

Рис. 103.

Рис. 104.

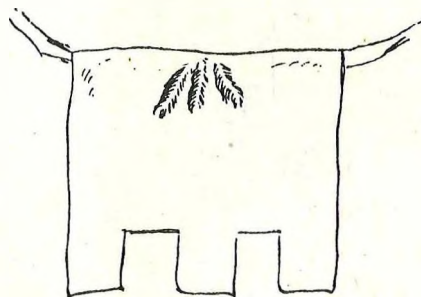

Рис. 105.

послѣ ея смерти, ей сдѣлали тёңүрчәк. Въ жертву приносятъ то же, что и другимъ предкамъ.

Въ аилѣ алтайца Подиоп'а Тукѣк, сѣк Чапты. Изображеніе шамана предка Ылуп. Приданое жены. Въ алкып'ахъ шаманскихъ Ылуп называется трехногимъ: Ыч путтү баі — Ылуп. Изображеніе дѣлается изъ бѣлой матеріи въ квадратную четверть величины. Внизу — прорѣзы для ногъ. Иногда ноги дѣлають мѣшечками, въ которые насыпають золу. Вверху, въ центрѣ, пришиваютъ три обрѣзка бѣличьяго хвоста, изображающихъ бороду (сағал). (См. рис. 105; сравн. рис. 1086).

Ыч путтү баі Ылуп!
Порбо кара сағалдү,
Полят кара кылыштү,
Ыгән бідәң жарылдың,

Трехногій баі Ылуп!
Имѣющій черную бороду,
Имѣющій черной стали мечъ,
Отколовшійся отъ Ыгән-бія,

Үч ајастаң чачылдың,
Алға курчулұ,
Ағар башка біјандұ!

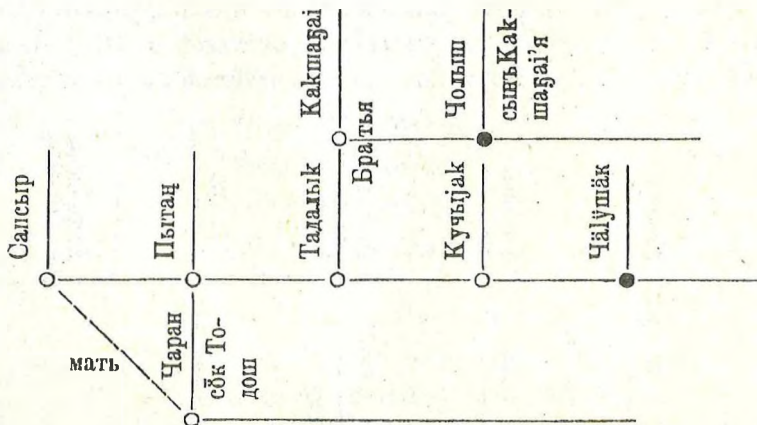
Отъ трехъ ясностей отскочившій,
Для аила (ты) обручъ,
Для сѣдѣющей головы (ты) мѣлость!

Предокъ Качы-шаманъ, сѣк Чапты. Изображеніе — три жгута. Въ аилѣ вдовы Санду (сѣк Іркіт), такое же изображеніе съ колокольцомъ. Колоколець — принадлежность шаманскаго маңжак'а.

Р. Кујум, правый притокъ Катуня.

Шаманъ Сапсыр, 7 лѣтъ, сѣк Наіман; камлаеть первый годъ. Сапсыр имѣеть бубень средней величины. Камлаеть только у себя въ аилѣ; па камдык'ѣ — публичномъ камланіи не выступалъ; поэтому бубень его рисунковъ не имѣеть (тәгін чалұ — простой бубень). Во время камланія у себя въ аилѣ, которое тянется иногда до двухъ часовъ непрерывно, Сапсыр бьетъ въ бубень, визжитъ, но словъ опредѣленныхъ не говоритъ.

Старые шаманы говорятъ, что Сапсыр такъ будетъ камлатъ до 15-тилѣтняго возраста.

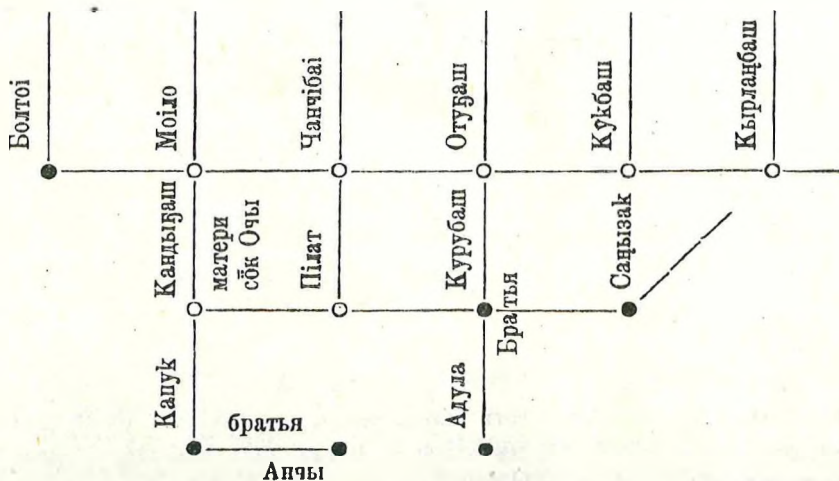

Шаманъ Мѣштоі, сѣк Үлуп, 1-ой алтайской дючины, 30 лѣтъ; камлаеть 7 лѣтъ. До камланія 5 лѣтъ болѣлъ сердцемъ и горломъ. Были припадки, во время которыхъ терялъ сознание. Когда сталъ камлатъ, болѣзнь не повторилась.

Покровители-предки Мѡштой'я: Баді-шаманъ и Журунак.

Шаманъ Болтой, сѡк Тонжѡн, 20 лѣтъ; камлаетъ три года. За это время у него былъ одинъ припадокъ: его пашли бездыханнымъ, тѣло было синее и упругое, какъ у мертвеца, изо рта шла пѣна. Присутствовавшіе на грудь Болтой'я положили бубень и били его колотушкой. Черезъ два часа шаманъ сталъ дышать, а когда возвратилось къ нему сознаніе и силы, то сталъ камлатъ. Всѣ убѣждены въ томъ, что его мучилъ болѣзнью предокъ-шаманъ Курубаш за то, что онъ медлилъ шить себѣ манѣакъ. Во время нашихъ записей манѣакъ Болтой'я былъ уже приготовленъ въ частяхъ.

Покровители — тѣс-кам Болтоі'я: Саңызак, Курубаш, Адула, Капук, Анчы.

Саңызак — алтайскій шаманъ. У него было семь братьевъ. Однажды братья заболѣли тифомъ (јадын). Саңызакъ въ зимнее время сдѣлалъ устугу Ыгъан'ю. Зимой шаманы обычно Ыгъан'ю не камлаютъ, такъ какъ, по убѣжденію алтайцевъ, небо замерзаетъ и покрывается льдомъ. Восходить на небо нельзя. Саңызакъ, однако, преодолѣлъ это препятствіе. Во время жертвоприношенія онъ вооружился луновиднымъ топоромъ, а по другимъ разсказамъ — тесломъ, которымъ долбить корыта, и, пробивалъ ледъ, достигъ третьяго неба, гдѣ имѣлъ бесѣду съ Ыгъан'емъ. При его камланіи льдины падали въ юрту большими обломками.

За шаманскую силу, которою обладалъ Саңызакъ, онъ въ алкыш'ахъ называется «сыномъ неба» (таңарі улы).

Саңызакъ дожилъ до глубокой старости и часто впадалъ въ безпамятство. Алтайцы очень любили его камланіе и часто обезсилившаго отъ старости приносили на шкурѣ быка въ свои аялы.

Алкыш (благословеніе) Саңызак'у.

Аі малтаңды кыставып,
Ак ајаска тәмдәнгән.
Ыбурағиң сикініп,
Үч ајаска тәмдәнгән;
Ыгъан бігә чөгөдөгөн,
Таңрі улы тәдіргән.
Тапкы алып оілоткон
Ыбурақтү Саңызакъ.

За поясъ заткнувши свой луновидный топоръ,
Ты направился къ бѣлой ясности (въ небеса).
Сотрясла перьями шапки своей,
Ты направился къ третьей ясности (небу).
Представлялся Ыгъан-бію,
Былъ названъ «сыномъ неба».
Взявши подставку (отъ балалайки), игралъ
Въ шапкѣ съ перьями Саңызакъ!

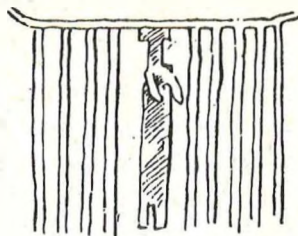

Рис. 106.

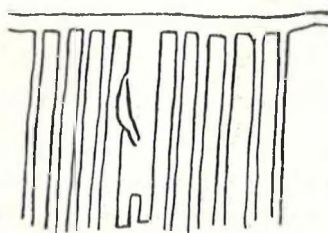

Рис. 107.

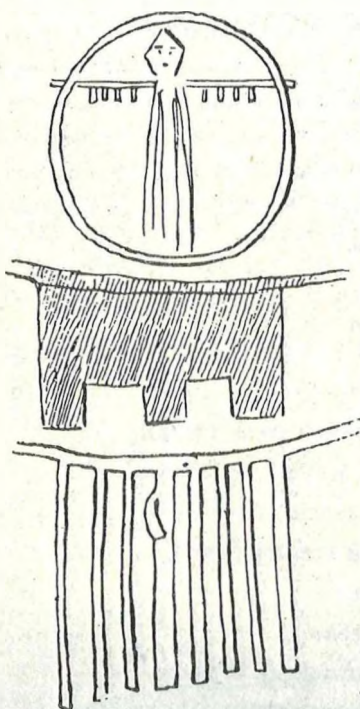

Рис. 108 (а, б, в).

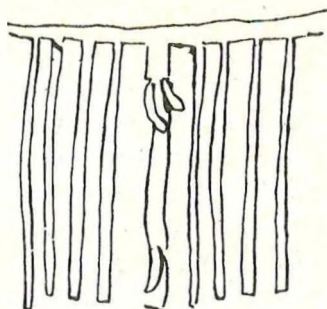

Рис. 109.

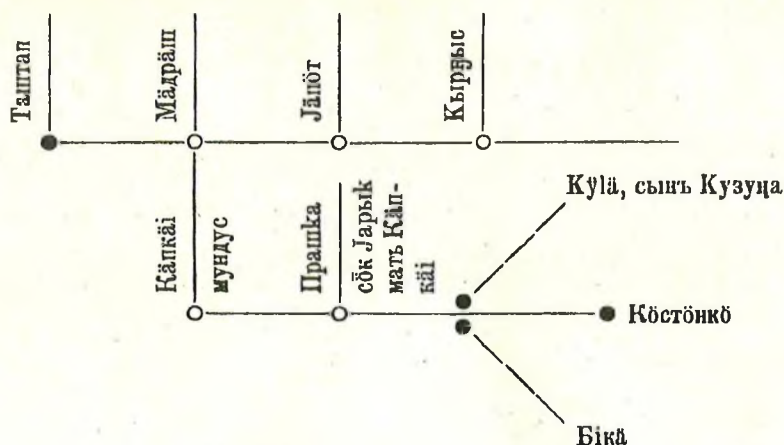
Саңызак былъ шаманъ без-
манячнѣй (манякъ *jok kam*).
Изображеніе Саңызак'у — лен-
точное. Чалъ Калбачак-шаману —
ленточное съ 9-тью жалама, въ сре-
динѣ пахтачы пли *ѣзі* (рис. 106).
Чалъ шаману Курубаш (рис. 107;
сравни. рис. 108-в и 109).

Р. Чічкй-чарбы, притокъ
р. Семы.

Шаманъ Таштан, сѣк Тон-
жѣн, 42 лѣтъ; началъ камлать
22 лѣтъ.

Популярный шаманъ. Кромѣ
своихъ духовъ-покровителей, при-
тянулъ къ себѣ другихъ духовъ.
Разсказываютъ, что при помощи
бубна и орбы во время камланія
производитъ съ неба огонь.

Таштан-шаманъ манячнѣй,
но своего маняк'а не имѣетъ,
беретъ таковой у другихъ шама-
новъ. Камлаетъ всѣмъ духамъ: неба
и преисподней. Покровители кров-
ные духи Таштан'а: Кулі-кам,
Бікй-кам и Кюстѣнкѣ по линіи
бабушки — Прашка.

Баді-шаманъ — предокъ, сѡк Ўлуи.

У Баді-шамана было 9 бубновъ.

При нападеніи на Алтай киргизовъ Баді-шамана убивали три раза, но онъ оживалъ. Наконецъ, выкололи ему глаза и распоролли животъ. Сердце у него напши обросшимъ шерстью; то же самое было у него и внутри большого пальца, т. е. сердечко съ шерстью. Въ пальцѣ, гдѣ концентрируются кожпыя полоски, по убѣжденію алтайцевъ, есть сердце.

Убившіе его киргизы сказали:

Сурѡкай јакшы ѱл ѡмтір
Јурѡгіндѡ туктѡ,
Арѡгіндѡ туктѡ!

Необычайно хорошій, оказывается, юноша,
Съ шерстью на сердцѣ,
Съ шерстью въ большемъ пальцѣ!

Аилъ дѡмичі Аспина, 1-ой алтайской дючины.

Јымылы (предокъ), шаманка. У ней тѡс былъ кѡмдік (кѡмчик).

Чалѡ ея называется таіканың сары чалѡ. Когда приносятъ жертву тайгѣ (тѡс Аспина), то изъ тѡпші (корыта) брызжутъ содержимымъ на это чалѡ.

Јымылы считается покровительницей скота и стражемъ дверей (ѡжик-тің сакчызы). Чалѡ ея подвѣшивается на женской сторонѣ, гдѣ сосредоточены пищевые продукты алтайца, а главнымъ образомъ молоко.

Чалу — девять ленточекъ, прикрѣпленныхъ къ веревочкѣ. Среднии, большая ленточка замѣняетъ шкуру колонка (рис. 110).

Предокъ шаманъ Бѣ-Чакыр. Охраняетъ скоть отъ нападенія волковъ. При камланіи шаманъ проситъ Бѣ-Чакыр'а держать крѣпко стада и не допускать до нихъ волковъ и вороновъ. При этомъ шаманъ, колотушкой и бубномъ, при помощи Бѣ-Чакыр'а извѣстными дѣйствіями какъ бы выгоняетъ волковъ¹.

Чалу Бѣ-Чакыр'а состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ чалу: а) жалама и б) тѣдурчак'а; съ правой стороны тѣдурчак'а подвѣшивается баіры (рис. 111).

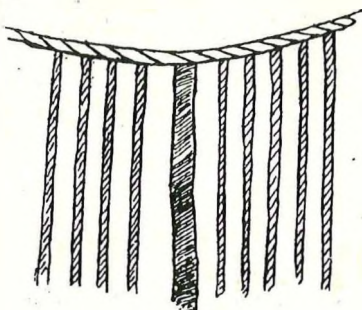

Рис. 110.

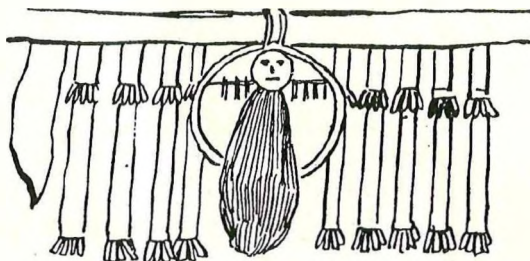

Рис. 111.

Алгыш сѣс.

Куданың ұлы Аі-Чакыр
Ада Кудам бі кіжі.
Ат суғады күлдік жәр,
Ат аланбас мәжәл жәр...

Сары тапдақ көруштү,
Жәтті саңаі кығылү.
(Жол бәлтірі баі-тәрақ).
Сләрғә барқы баріп туру біс.

Сынъ свата Аі-Чакыр
Отець свать — чиновный человекъ.
Озерное мѣсто, водопой коня,
Гористое мѣсто, которое не обойдетъ
лошадь...

Имѣетъ видъ на желтую зарпцу,
Имѣетъ крикъ на семь сагаевъ.
Вѣтвистый тополь роستانъ дороги...
Вамъ даемъ жертву.

¹ Когда волкъ воетъ, алтайцы говорятъ: волкъ у Кудан просить сѣбѣ пищу (Кудайдаң мал сурап јат). Волкъ тогда только далитъ скотину, когда на это будетъ соизволеніе Кудан. Алтайцы изъ чувства уваженія рѣдко называютъ волка пѣру, называя обыкновенно другими почтительными именами: арату, окожок или абажаі. Когда волкъ задержитъ скотину, алтайцы берутъ голову животного и на черепѣ рисуютъ углемъ узду. Это означаетъ, что хозяинъ скотины «наблюдаетъ» скотскій сус (зародыши).

Чалу: Абу-канның кыјандар или аба-кыстар (дочери Абу-кан'а). На бѣломъ полотнѣ пришиты три куклы, съ перьями филина на головахъ — улубурак. Костюмы куколъ — изъ красной матеріи. Пояса у куколъ — изъ мишуры. Въ центрѣ чалу свѣшиваются двѣ бѣлыя ленты (жалама) — косы (кадайгі). Длина 36 см.; ширина 26 см. (рис. 112 и 113).

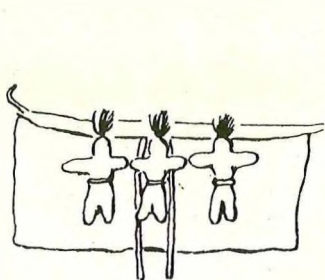

Рис. 112.

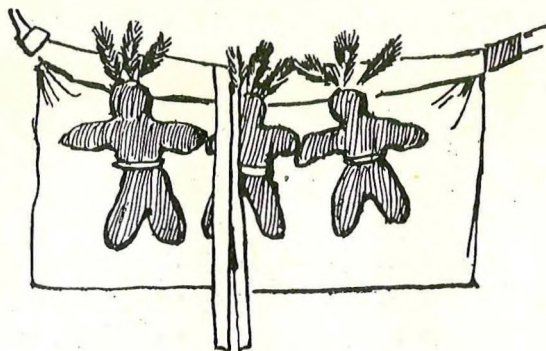

Рис. 113.

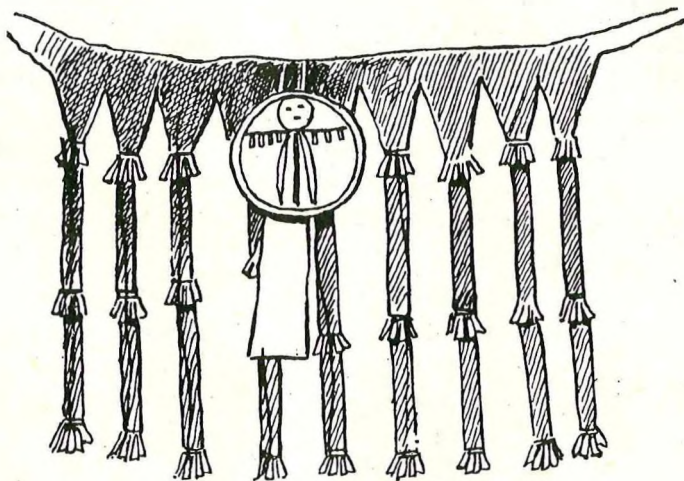
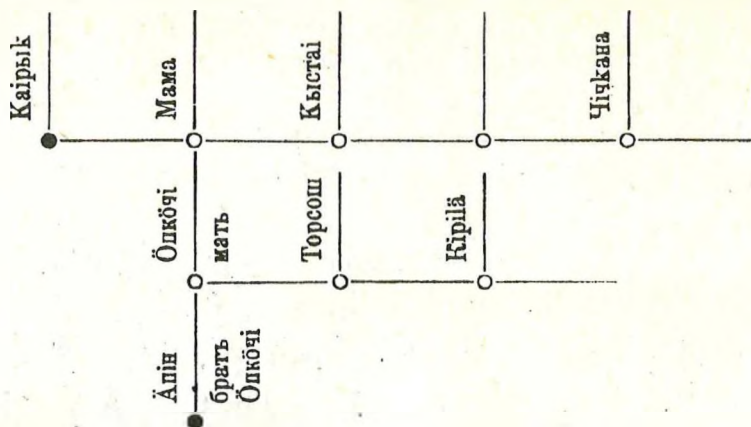

Рис. 114. Чалу шамана Аспина; приданое его жены (?).

Изъ сѣк'а Тодош былъ шаманъ Ярбычак. Его тѣс былъ Абу-кан. Онъ имѣлъ эти изображенія, а отъ него они перешли къ Аспину.

Шаманъ Каірык, сѣк Каіргіі, 1-ой алтайской дючины, 32 лѣтъ; началъ камлать на 23 году. Духъ-покровитель Каірык'а шаманъ Аііп, дядя по матери. Аііп еще при своей жизни, когда Каірык хворалъ, сдѣлалъ для него бубенъ и велѣлъ камлать. Каірык — малъичный шаманъ.

Шабаи-шаманъ, сѣк Іркіт, 16 лѣтъ; началъ болѣть припадками съ 4-хъ лѣтъ. На седьмомъ году ему сдѣлали бубенъ и манѣякъ, которые до сихъ поръ хранятся у его дяди дѣмичі Болтыжа.

На Шабаи-шамана воздѣйствуютъ два предка: Чабаш-шаманъ и Тархан-шаманъ.

Чабаш-шаманъ завѣщалъ своимъ потомкамъ (сѣк Очы) не приносить ему кровавыхъ жертвъ, а только брызгать молокомъ, виномъ и подвѣшивать въ своихъ юртахъ въ честь его јалама. Кромѣ того, онъ говорилъ: «если будутъ шаманы изъ моего рода шарлатаны, то вы ихъ не почитайте и не дѣлайте имъ изображеній (чалу). Когда явится потребность въ прорицаніяхъ, то спрашивайте объ этомъ у духа хорошаго шамана».

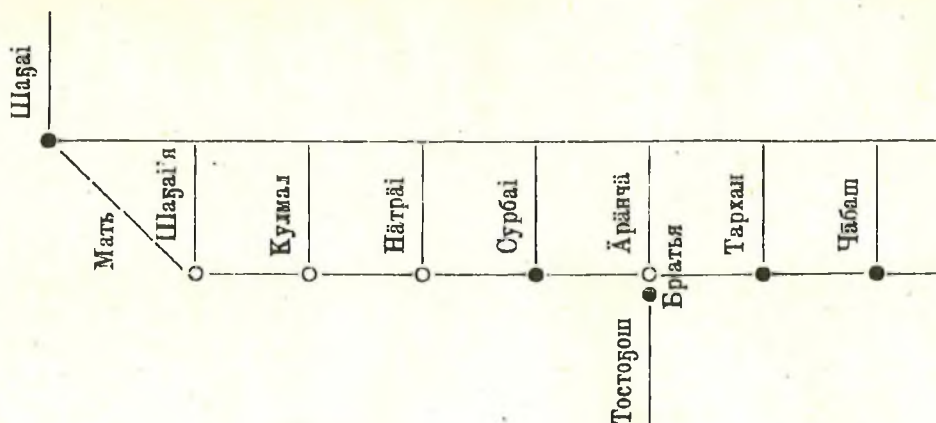

Рис. 115.

Во время ойратскаго владычества, когда жилъ шаманъ Чабаш, отъ хана Нама вышло распоряженіе сжечь всѣхъ шамановъ, а съ народа собрать алман (подать) въ такомъ размѣрѣ: съ сотни головъ скота десять головъ. Кто не могъ по бѣдности платить дань, тотъ долженъ за это работать въ пользу хана. Народъ встрѣтилъ недовольствомъ такое распоряженіе и поднялъ бунтъ, кончившійся междоусобицей рѣзней. Чабаш со своими родственниками бѣжалъ отъ своихъ стойбищъ и перешелъ въ подданство русской государыни Екатерины II.

При переходѣ въ русское подданство, кузнецы платили подать желѣзомъ; каждый кузнецъ давалъ желѣза въ казну величиною въ человѣческую голову, а вдовы — по одному пузырю масла (кук сарду).

Чалу Чабаша — полотно, въ которое вшиты выемки конскихъ ушей (рис. 115).

О Тостобош'ѣ. По распоряженію хана, Тостобош былъ зажженъ въ юртѣ вмѣстѣ съ другими шамалами. Всѣ сгорѣли, а Тостобош вылетѣлъ изъ трубу юрты и остался невредимъ. Онъ водворилъ снова шаманство на Алтаѣ. Шаманской силѣ его удивлялся самъ ханъ и другіе чиновники.

Алкын сбс (благословеніе) Тостобош'у.

Ак таі Тостобош!
Ак-ададың әзі,
Нбкөрлү, Ак адам.
Ұч брқбштү ар кумак . . .
Јәр кулактү Јәзім-бі.

Јәтггі әжіктү Кугүрт-Кән.
Сут көліңә јіңу йткән,
Сумәр таіка тапкіш салған.
Алтон әккі аі солоңы
Арка моінға кадатқан.

Јәтт'он йккі јәр солоңы
Јән бажыпа кадатқан.

Јакшылыкты сәскәндә,
Ак күбөлөк полуп учаттан.

Бѣлый дяди (по матери) Тостобош!
Хозяинъ бѣлаго бубна,
Имѣющій товарища, бѣлый бубенъ.
О трехъ горбахъ великіе пески . . .
Јәзім-бій, имѣющій земныя уши
(котловицы, ямы).

О семи дверяхъ царь громъ.
На молочномъ озерѣ дѣлалъ катокъ,
На Сумәр-тайгѣ¹ устроилъ ступени.
Шестидесятъ двѣ мѣсячныхъ радуги
На позвоночномъ хребтѣ и шеѣ имѣлъ
водруженными.

Семьдесятъ двѣ земныхъ радуги
На концѣ рукавовъ имѣлъ водру-
женными.

Когда предчувствуешь доброе,
То порхаешь бѣлой бабочкой.

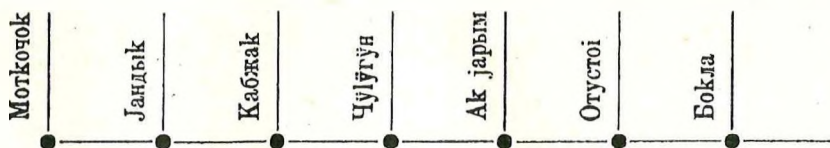
¹ Слѣщеніи гора буддистовъ.

Жамандыкты саскәндә,
Аі кара таш чыңдайтган.

Когда предчувствуешь злое,
То дѣлаешься плотнымъ, какъ чер-
ный камень, подобный мерк-
нувшему мѣсицу.

Вершина р. Эликманара.

Моткочок-шаманъ, кость Јус, 76 лѣтъ; началъ камлатъ съ 9 лѣтъ.
Безмаңаңный; камлаетъ только чистымъ тѣс'ямъ.

Благословеніе Боклы и Отустоі'ю.

Боклының бажырған,
Паккан бім бактыған.

Которому поклонялся Боклы,
Поклоняюсь (и я) моему бію Поок-
тыхану¹.

Пажырғаным кара куш!
Ўч мусту Кара-каја,

Черная птица, которой поклоняюсь!
Кара-каја (черная скала) трехро-
гал,

Алты айрымды сақыған,
Ал откон кудуган,
Пала барка сақыған,
Малы кужун сақыған!

Хранитель шести слегъ юрты,
Пасущій грозное огнище мое,
Милыхъ дѣтей охраняющій,
Скотъ и птицъ охраняющій!

Въ аилѣ шамана Моткочок'а.

Чалу шаманки Канә. Тринадцать јалама, сбоку прикрѣпленъ хвостъ
глухаря.

Канә, изъ кости Сојон.

Жила сначала на р. Алаш'ѣ, притокѣ р. Кәмчик'а. Туда ѣздила тор-
говать алтаецъ Кѣккөн; онъ жилъ на р. Конши, притокѣ р. Би. Тамъ онъ
присмотрѣлъ себѣ дѣвицу Канә. Покаялся ей въ вѣрности. Подъ предло-
гомъ коммерческихъ дѣлъ, Кѣккөн возвратился на родину, пообѣщавшись
вскорѣ пріѣхать на Алаш за Канә. Спустя одинъ годъ Канә поняла, что
Кѣккөн ее обманулъ.

¹ Бактыган, Пооктыхан и Окуган — со стрѣлой ханъ.

Канā была шаманка. Канā надѣла на себя маңжак и, подъ удары бубна, полетѣла, какъ птица, въ Алтаі черезъ горы: Ёч Моңгол (вершину Уйменя), ал йжіктѹ албаған (верш. Ложь), Чолмон (р. Кума), Адыған (Алікманар, Кујум), Ак-каја (по р. Кујум'у), Ёч-мѹстѹ Кара-каја (верш. Тырбы, Тѹжѹ) и спустилась на рѣку Копшу. По пути всѣ свои шаманскія принадлежности отдала горнымъ духамъ, какъ выкупъ (толѹ) за путешествіе черезъ ихъ владѣнія. Когда Канā явилась въ аилъ Кѹкѹн'а, послѣдній испугался и скрылся за занавѣску своей кровати. Канā сказала: «А, чанағаш! ¹ Ты обѣщался взять меня замужъ, — почему не исполнилъ своего слова?» Кѹкѹн молчалъ.

У Кѹкѹн'а въ это время къ камланію была приготовлена саба. Канā, нагрѣвши бубень, стала камлать.

Канā осталась жить въ Алтаѣ у Кѹкѹн'а. Сдѣлала косы по-женски (тѹлун).

Черезъ нѣкоторое время стала просить Адыған'а возвратить ей шаманскіе доспѣхи. Адыған согласился отдать ей все, если она обречетъ себя на безчадіе. Канā на это не согласилась. Снова поѣхала на Алаш и привезла оттуда бубень, орбу и маңжак. По образцу ея маңжак'а стали шить себѣ маңжак'и и алтайскіе шаманы. До этого у нихъ маңжак'овъ не было.

У Канā было два сына: Курағач, который жилъ по р. Копша, и Адулā, который жилъ по рѣкѣ Сема. Оба были шаманы. Отъ Курағач'а произошло поколѣніе современныхъ черневыхъ зайсановъ Тобоковыхъ (сѹк Комдош) и поколѣніе шамана Моткочок'а, по линіи матери.

Алкыш сѹс (благословеніе) Канā.

Учар ая Канā!

Алты айрыбысты сактаған,

Алачыкты сактаған,

Ал откон кудуган,

Пала барка кудуган,

Малға кушка чабыла.

Летающая мать Канā!

Шесть нашихъ развилищ охраняющая,

Юрту охраняющая,

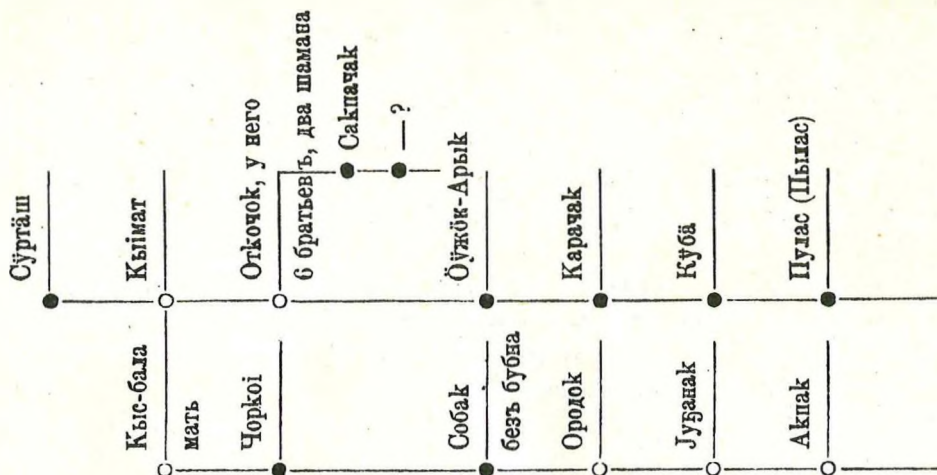
Пасущая грозное огнище,

Дѣтей стерегущая,

Скоту и птицамъ не приноситъ вреда.

Шаманъ Суртайш, изъ кости Кузайн, 25 лѣтъ; началъ камлать четырехъ лѣтъ. Безманячный. Имѣетъ два бубна: одинъ — отъ предка-шамана Чоркоі, по линіи матери, другой сдѣлалъ самъ. Первый бубень въ употребленіи не бываетъ.

¹ .Тыжа (употребляется какъ бранное слово).

Покровитель-предокъ шамана Сүртәш'а—Пылас.

Алкыш сѣс (благословеніе) Пылас'у.

Пылас камның тајанған:
Учар куштың канады,
Учту бажы уч бура,

Паі тәрәктү бадалу,

Паі сәктү оіндү.

Таі жүрәтәк тајактү,
Талба куран тапшау.
Тапчак каің олоттү.
Жарым каја жадымдү,
Жорум каја өргөштү.

Адаларым тудунбан,
Ат карактү Кәп-Суила!

Опора шамана Пылас'а:
Крыло летающей птицы,
Острые концы «Трехъ верблюдовъ»¹
(бура),

Имѣющій мѣстопребываніе у бога-
таго тополя,

Имѣющій игру на богатомъ сѣк (де-
ревѣ?).

Съ посохомъ изъ сердцевины таі'я²,
Съ блюдомъ изъ мяса самца козла.
Имѣющій сидѣліе на березѣ,
Имѣеть ложе на полускалѣ,
Имѣеть горбы изъ сплетающихся
скалѣ.

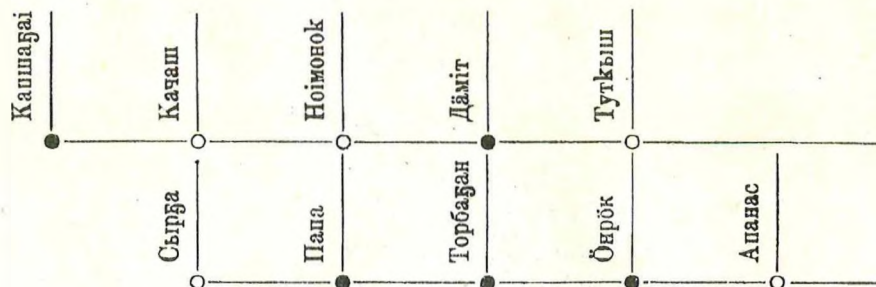
Отцы мои держались (тебл),
Съ конскими глазами Кәп-Суила!

¹ Сравн. стр. 61.

² Родъ акаціи.

Вершина р. Кујум'а.

Шаманъ Капшагаі, изъ кости Тѳіѳс, 30 лѣтъ; камаеть 12 лѣтъ.

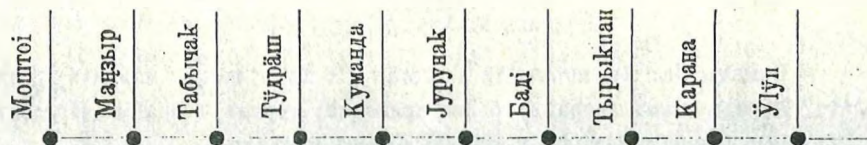
Покровители-тѳс'и Капшагаі'я: Даміт, Пана, Торбаған и Өрөк.

Алкыш сѳс (благословеніе) тѳс'ямъ.

Таідаларын тајанған,
 Јаң адам алкаған.
 Аҗ (ак) аданың улузы,
 Арӯ тѳзім җәзі.
 Үч өркөштү кан-адам
 Јәк тѳзім Јәзім-бі,
 Абӯ-кан, алтын күлдің җәзі.

Опирающіеся на своихъ дѣдовъ (по матери),
 Которыхъ славословила мой дѣдъ (по отцу).
 (Вы) люди бѣлаго отца,
 Чистой основы моей хозяева.
 Кан-адам трехгорбый,
 Крепкая моя основа Јәзім-бі,
 Хозяева золотого озера и Абӯ-кан'а.

Въ аялґ алтайца, отца шамана Моштоя старика, — старый бубень предка-шамана Үлүп'а. Онъ передается по наслѣдству десятому шаману-Моштою по линии его матери. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ его замѣнили новымъ, а изветивавшій бросили въ лѣсъ.

Ўйуп-предокъ родился отъ незамужней женщины. Мать, скрывая свой позоръ, бросила ребенка подъ березу; прорѣзала кору березы, сокомъ которой и питался Ўйуп.

По убѣжденію шаманистовъ, Ўйуп охраняетъ дѣтей въ аилѣ, даетъ скотъ. Какъ древній предокъ, Ўйуп печется о своемъ народѣ, посылая вещественныя блага для поддержанія ихъ жизни.

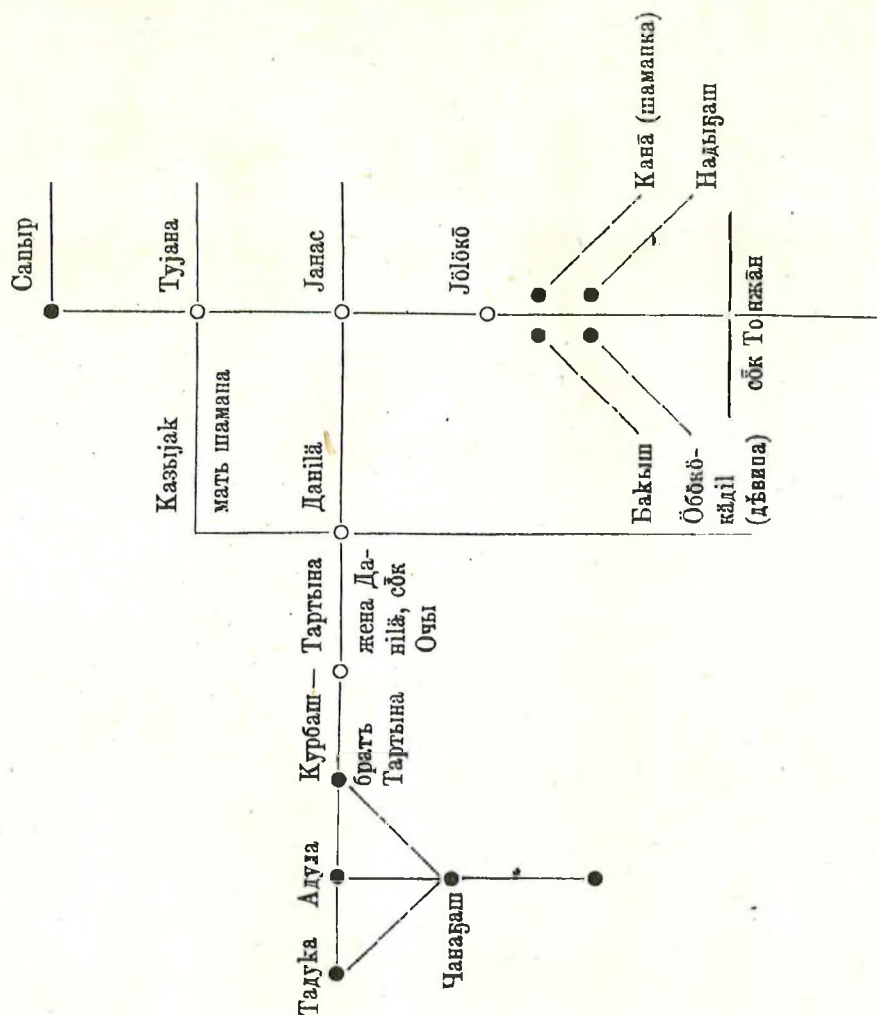
Алкыш сѣс (благословеніе) Ўйуп'у.

Ўттү таштаң айрылған,
Ўч путтү баі Ўйуп!
Шалтырактү бала сурайтған,
Шаркырада-кіштәдә мал сурайтған,
Узун јаһа шіткәзын сурайтған,
Улу архыт көңөргө сурайтған,
Ўзүлгәнді улайтған,
Ўтүрәгәнді кабыштратған,
Айрылғанды біріктірттән,
Астыканды јунадаттай,
Ас пашка бѣжан бәрәттән,
Амыр тынға алкыш пәрәттән.

Отдѣлившійся отъ дыряваго камня,
Трехногій богатый Ўйуп!
Испрашивающій (грудныхъ) играющихъ дѣтей,
Испрашивающій скота шумно ржущаго,
Длинную привязь съ подвязками испрашивающій,
Большой кожаный мѣшокъ съ закваской испрашивающій,
Прервавшійся (родъ) надставляющій,
Отрепавшихся соединяющій,
Раздѣлившихся соединяющій,
Заблудшихъ собирающій,
Дающій милость бѣднымъ,
Благословляющій мирно живущихъ.

Вершина Маймы, Куртү көл.

Шаманъ Сапыр, изъ кости Тонжѣн, 26 лѣтъ; началъ камлать 15-ти лѣтъ. Передъ этимъ хворалъ; были припадки; терялъ сознаніе. Предокъ Курубаш внушалъ Сапыр'у сдѣлать бубенъ и манжакъ.

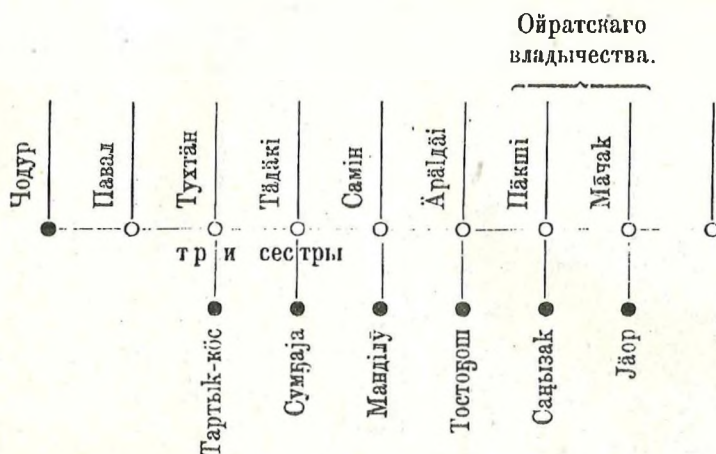
Сапыр — шаманъ маңжачный, камляетъ всѣмъ тѣс'ямъ. При камланіи высѣкаетъ изъ бубна колотушкой полосы огня (шаманисты принимаютъ его за небесный огонь), выхаркиваетъ желѣзныя вещи: трубки, коңура (подвѣски къ бубну) изъ горла, иногда выпускаетъ змѣй изъ носу.

Сапыр — очель популярный шаманъ. По просьбѣ дѣлаетъ показные сеансы камланія. Сапыр — грамотный.

Покровители-предки Сапыр'а: Капъ, Надыраш, Бакыш, Өбкѣ-каділ.

Р. Майма.

Шаманъ Чодур, изъ кости Мундус. Имѣеть манѣакъ, камлаеть всѣмъ тѣс'ямъ. Чодур — потомокъ алтайскаго зайсана Араідаі'я, который изъ китайскаго подданства перешелъ первымъ въ подданство Россіи и велъ войну съ киргизскимъ полководцемъ Кочкорбиемъ около Улалы.

На шамана Чодур'а воздѣйствуютъ предки: Тостогорш, Саңызакъ и Јаор, шаманство же и манѣакъ онъ непосредственно получилъ отъ Ја-зім-бія (гора).

Алкыш сѣс Јаор'у, Тартык-кѣс и Сумбаја.

Јазім ада тајанған,
Јас-курѣ јолонгон,
Кыл солоңы сайлтан,
Кукүрчідің жарғы алған,

Куігүкчідің ун алған,

Абағаның ак тожоның алқап қалған,
Алтып көлдің бі кәләр. . .
Көл әзі Көк-пуға. . .

Сү әзі Суваі (Суват)-кәи.

Опиравшійся на отца Јазім'а,
Прислонявшійся на мѣдный валъ,
Волосяную радугу воткнувшій,
Отъ громовержца (неба) взявшій
рѣшеніе,
Отъ палящаго (солнца) голосъ
взявшій,
Славословящій абакаискіе ледники,
Береговыя высоты Золотога озера...
Хозяинъ озера Синій поросъ (вер-
блюдь?)...
Хозяинъ воды Суват-кәи.

Јус байталда көккүлү,
Јус мундуста тәділү,
Курәң аттың маңдаі,
Кур мундустың аҗазы.
Чокур аттың маңдаі,
Чоң мундустың аҗазы.
Учар куҗар Сумбаја,
Уктү јән Тартык-көс,
Уктү төстү Јәор-кам!

Достойный жертвы изъ ста кобы-
лицъ,
Достойный приношенія (винныхъ на-
ровъ) отъ ста мундус'овъ,
Лобъ бураго коня.
Дядя сильныхъ мундус'овъ,
(Какъ) лобъ нестраго коня!
Дядя сплоченныхъ мундус'овъ.
Летающая и горящая Сумбаја,
Родовитая великая Тартык-көс,
Родовитый основной Јәор-шаманъ.

Другой а л к ы ш - с ъ с (благословеніе) духамъ-предкамъ.

Абуҗаим Јәор-кам,
Јәттi аҗиктү Јәзім-бігә јөбінгөн,
Учар аҗәм Сумбаја,
Улу аҗәм Тартык-көс,
Їч өлүп тірілгән.
Албыс аҗәм Мандилү,
Јылдыс јудур тондулар,
Јылан маңјак қаптулар.
Төс таім Тостогош!
Арү таікам Абү-Кан.

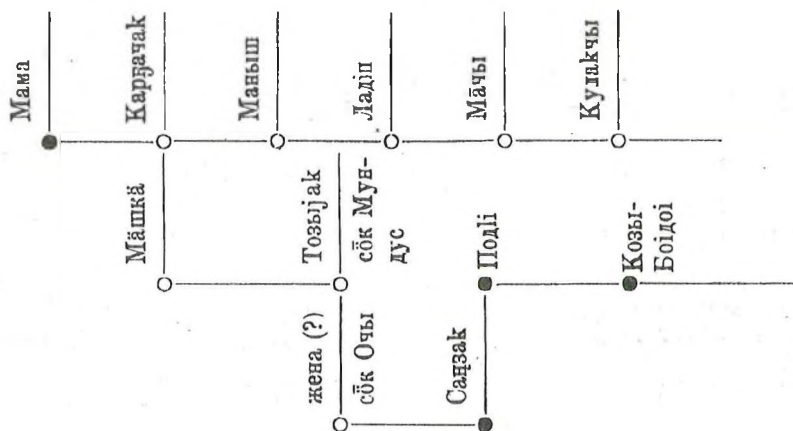
Дядя мой Јәор-шаманъ,
Прислонившійся къ јәзім-бію, имѣю-
щему семь дверей.
Летающая тетка моя Сумбаја.
Старшая тетка моя Тартык-көс,
Воскресшая, трижды умирая.
Албыс¹ — тетка моя Мандилү,
Имѣющая шубы съ украшеніями,
какъ звѣзды,
Имѣетъ одежды съ маңјак'ами, по-
добныя змѣямъ.
Коренной дядя по матери Тостогош!
Чистая гора Абү-канъ.

Рѣчка Чічкә, впадаетъ въ Баш-пілтір.

Шаманъ Мама, сѣк Тонжән, 50 лѣтъ; началъ камлатъ 28 лѣтъ.
Имѣетъ маңјакъ.

Покровители его предки: Саңзак, Пөдлі, Козыи-боідоі.

¹ Ср. телеутское АЛМЫС — 1) покрытые шерстью люди, которые, по преданіямъ, когда-то жили на Алтаѣ, и 2) злые духи, служители Эрлика (Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. I, 489—440).

Бакыш — предокъ-шаманъ въ алтѣ шамана Мама. Заимствованъ чрезъ жену алтайца Ладип'а отъ сойотовъ. Его почитаютъ уже три поколѣнія.

Бакыш большого вреда людямъ не приноситъ; отъ него хворають глазами, горломъ и спиной.

Въ жертву приносятъ жеребенка и вино.

Чалу — изъ девяти деревянныхъ идольчиковъ, связанныхъ конопиальной веревкой. Идольчики закрываются трипочками (жалама) грубой самодельной матеріи и закрашиваются красной краской. Длина — 13 см., ширина — 2 см. (рис. 116).

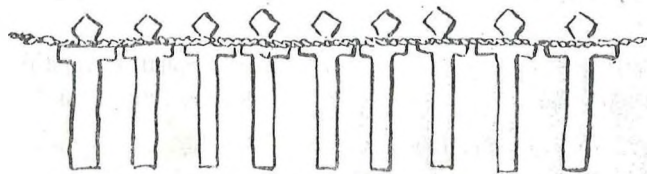

Рис. 116.

Въ обычномъ разговорѣ идольчики называются тогус наш (девять головъ), въ шаманскихъ призываніяхъ јажыл тонду тогус кыс (въ зеленыхъ шубахъ девять дѣвицъ). Онѣ считаются также дочерьми (кыјандар) Каир-хан'а или Каир-таика. Каир-таика находится около Телецкого озера.

Кыјандар — дѣвицы имѣють отношеніе, главнымъ образомъ, къ личности шамана. Отъ нихъ шаману сообщается особая сила. Благодаря этой силѣ, шаманъ, придя въ изступленіе, беретъ горячіе угли въ руки, кладетъ ихъ въ ротъ, и они ему не причиняють боли и вреда, или, выгоняя злого духа изъ аила, перебрасываютъ съ одного мѣста на другое котель съ водой.

корыто, сумы и другія тяжелыя вещи. За силу, которую онѣ даютъ шаману, ихъ называютъ еще кампын jilбізі (шаманская сила) или тогус наш тогус таика jilбізі.

Эти изображенія имѣлъ у себя шаманъ Бакыш; впоследствии они перешли къ его родичамъ.

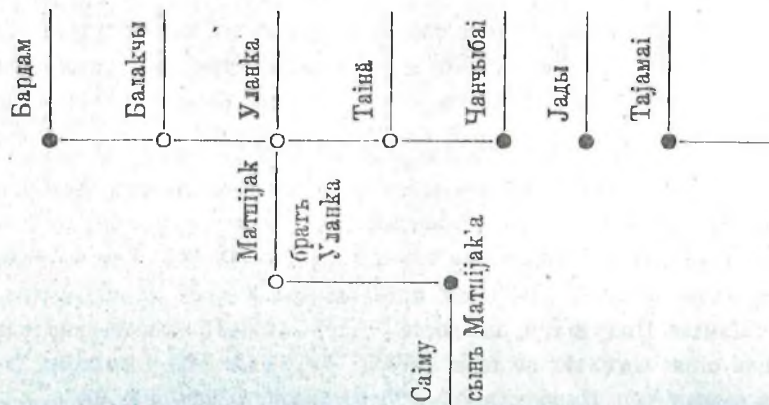
Бакыш-шаманъ имѣлъ своими покровителями двухъ женщинъ-шаманокъ: Акѣи и Кадыл. Современные шаманы читаютъ имъ такой алкыш:

Акѣи, Кадыл¹ Аккѣ кѣт,
Кадыт-кѣжѣ учар-кам!
Азраир малы йпчу болоры канды?
Кѣндіктѣ, кѣрбіктѣ бала бычары канды?
Аскарбаска мал жапан пѣрѣри канды?
Кажыларға баш жапан пѣрѣри канды?

Акѣи, Кадыл — двѣ женщины,
Человѣкъ-женщина летающая шаманка!
Вскормленный скотъ будетъ ли (жить) въ удобствѣ?
Вырѣжетъ ли (выкроитъ ли Ыгъан) дитя съ рѣсницами и пуповинами?
Создастъ ли такъ, чтобы не убывалъ скотъ?
Для прибыли кому-либо не создастъ ли головы?

Р. Паш-пәлтір.

Шаманка Бардам, по линии отца изъ кости Чанты, 20 лѣтъ, камлаетъ два года.

¹ Кадыл — игральная карта, черпунная дама. Нѣкоторые шаманы считают шаманокъ Акѣи и Кадыл дѣвницами-сестрами. Сравни. стр. 66.

Покровители-предки шаманки Бардам: Тајамаі, Яды, Чанчібаі¹. Указанные три предка своимъ покровителемъ имѣли духа горы Абѹ-кѡн'а.

Во время замужества шаманка Бардам притянула (тартынѡан) предковъ своего мужа изъ кости Мундус: Тартык-кѡс, Манділу, Сумѡаја и ихъ тѡс'я—Јѡор, Казаѡан'а и Сацзак'а. Послѣдній предокъ Сацзак перешелъ къ матери Бардам отъ дяди по женской линіи.

Тајамаі осенью, при перпомѣ сибѣѣ, принесъ въ жертву лошадь черной масти сыну Ёігѡн'я Бырчу-Кѡн'у, Алтаю Кѹмѹш таіка, кара тѡс'ю Кула-Кѡн'у и Кѡн-Тура. Послѣ жертвоприношенія, хворавшее семейство шамана выздоровѣло. Послѣ смерти Тајамаі'я, родственники его, въ благодарность за исцѣленіе свое, признали въ лицѣ Тајамаі'я второго Кѹрмѹш'а отъ своего Алтая.

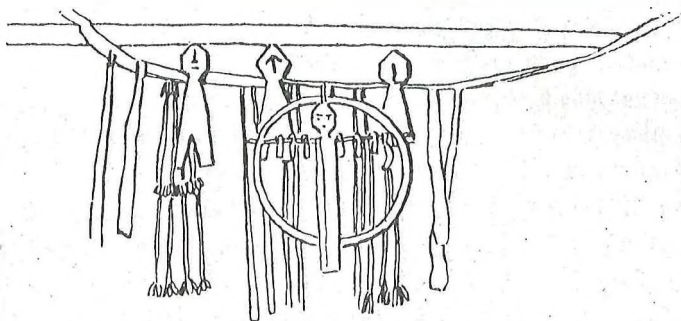
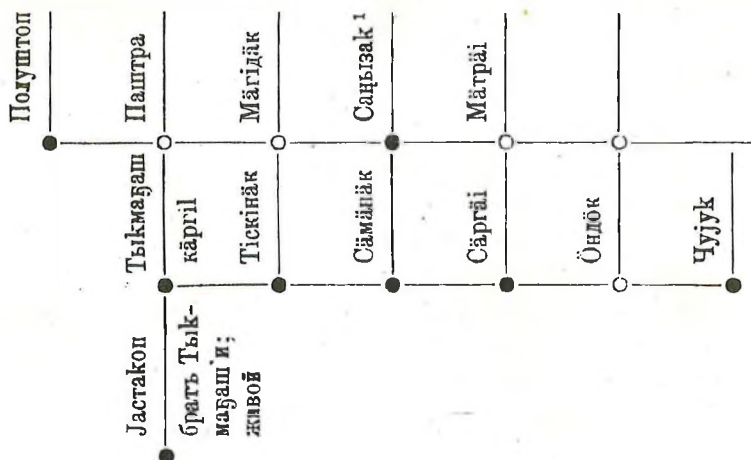

Рис. 117. Чалѹ въ аилѣ шаманки Бардам;— ея свекра Сѡночѡк'а.

Чачінбаі при жизни велъ борьбу посредствомъ своихъ духовъ съ другимъ шаманомъ—Такаі'емъ. Во время борьбы, Чачінбаі силой шаманской всунулъ въ животъ Такаі'я девять желѣзницъ (коцура), отъ чего послѣдній и умеръ. Вскорѣ за нимъ умеръ и самъ Чачінбаі.

Шаманъ Полуштон, изъ кости Очы, 30 лѣтъ. Предки-покровители его по линіи отца: Сацзак; по линіи матери: Чуѹк Сѡргѡі, Самѡнѡк, Тіскі-нѡк и родная мать Полуштон'а—Тыкмаѡан. Сравни. стр. 65.

Благословенія (алкыш) Саңызак'у, Сергѣю и Тіскінәк'у см. стр. 66—67.

Шаманъ-предокъ Чујук жилъ на Алтаѣ по р. Лебеди, а потомъ переселился за Улалу. Его сѣк Чалканду. У него были двѣ сестры шаманки — Ёбакә и Кадыл. Чујук имѣлъ своимъ тѣс'емъ-покровителемъ Јазім-бі (Јазім-таикадаң сундан Чујук — съ Јазім-таика стремящійся Чујук), а сестры его — Алаш и Кәмчѣк.

Ёбакә, Кадыл әккѣ әдәлү сыјынду
Алаш пула Кәмчѣк тајға тајанған.

Старшая, младшая — двѣ сестры
Ёбакә и Кадыл,
Опирающіяся на горы Алаш и Кәмчѣк.

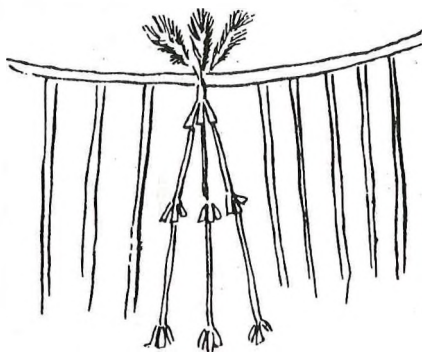

Рис. 118.

Чалу Чујук'а — ленточное, въ срединѣ — три жгута съ украшеніями. Вверху надъ жгутами — перья совы (үлбәк) (рис. 118).

У Чујук'а воръ, изъ кости Капчал, укралъ ленточное изображеніе Јајык'а и скрылся. Чујук въ погоню за воровъ послалъ сына Эрлика Салдам-Кірәй'я. Воръ былъ наказанъ тѣмъ, что лишился всего своего скота и обѣднѣлъ.

¹ Въ текстѣ: Саңызак и Саңзак.

Шаманъ Подуштон по линіи своей жены притянулъ къ себѣ трехъ предковъ — Аржѣн-шаманку, Баді-шамана и Кѣк-Өлѣ. Благословеніе (алкыш) Аржѣн-шаманкѣ — см. стр. 67.

Кѣк-Өлѣ — предокъ-шаманъ, пришелъ въ Алтай изъ страны сойотовъ. Безродный и бездѣтный. При жизни говорилъ, что для народа онъ будетъ тѣдѣ — возносимый, прославляемый.

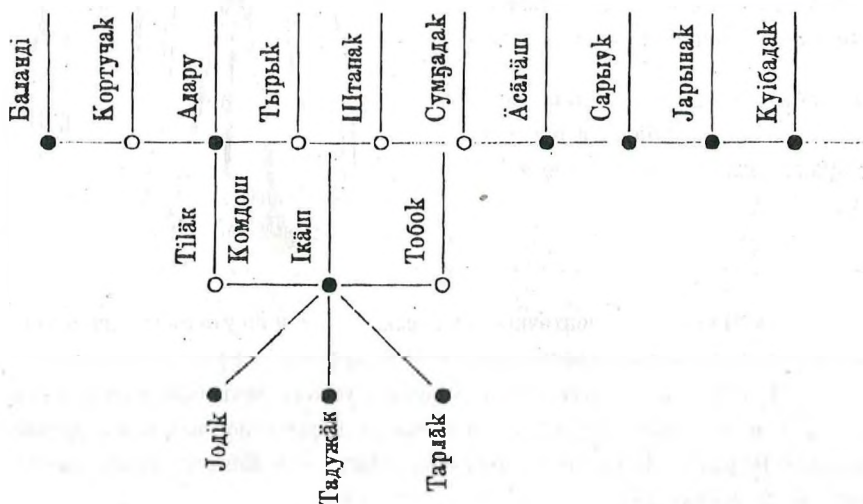
Послѣ смерти сталъ причинять смерть людямъ и скоту. Но тѣмъ, кто его чтитъ, посылаетъ благополучіе и счастье на югу.

Въ жертву Кѣк-Өлѣ приносятъ лошадь. Весной па его изображеніе подвѣшиваютъ цвѣты (огоньки) въ благодарность за прожитую благополучно зиму. Благословенія (алкыш) шаманамъ Кѣк-Өлѣ и Баді (Пады) — см. стр. 68.

Р. Чопош.

Шаманъ Баланді, сѣкъ Ярлык, 30 лѣтъ, изъ черневыхъ турокъ.

Покровители его (кам-тѣс) по линіи отца: Куібадак¹, его тѣс былъ Ләзім-таика, Кѣгѣді (шаманка), Бакы, Адару, Адагаш, Сарыук, Ярынак, по линіи бабушки Тіләк: Кана, Кажажай (шаманка), Тажада, онъ же Курагаш и чстыре брата, сыновья Тобок'а: Ікәш, Јѣдік, Тадужак, Тарлак.

Сыновья Тобок'а

¹ Въ оригиналѣ вездѣ Куібадак.

Алкыш сѣс (благословеніе) Куібадак'у и другимъ.

Уктү тѣстү Куібадак,
Улу Адам тужунда тартынбан!
Уктү тѣстү Бакы-кам,
Улу аһам Кѣк ади¹,
Ак тажым Таи-ада,
Учар аһам Канә,
Актү чүлү жылан-баш,
Ак тажым Тини.

Родовитый основной Куібадак,
Во времена дѣда моего притягаемый!
Родовитый основной Бакы-шаманъ,
Большая мать (тетка) Кѣк¹,
Бѣлый дяди по матери (Тајада),
Летающая тетка Канә,
Праведная, знаменитая Јіланбаш,
Бѣлый дядя по матери Тини!

Въ аилѣ шамана Баланді чалү двухъ дочерей Абү-кан'а. Это чалү принесла изъ аила своего отпа мать шамана, сѣк Тодош. Чалү это имѣлъ предокъ-шаманъ Мамра, у котораго тѣс былъ Абү-кан.

Чалү представляет собою въ $2\frac{3}{4}$ арш. квадратное полотно. Вверху двѣ куклы, въ видѣ крестовъ, съ головными украшениями (үлбрак) и спускающимися мишурными нитками-косами (кәдәгі). Съ правой стороны полотна — шкура зайца (паштацн), съ лѣвой — кучка лентъ (јалама) (рис. 119).

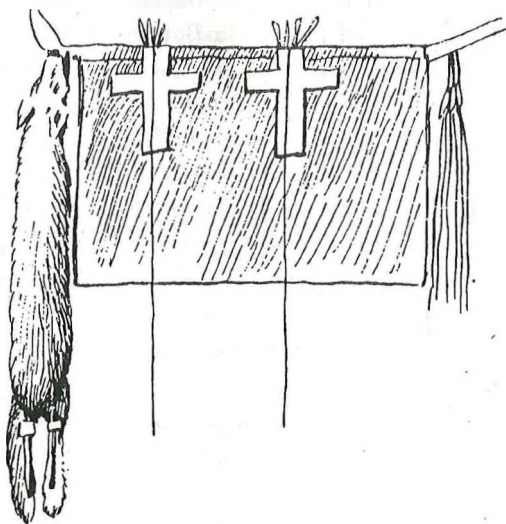

Рис. 119.

Дочери Абү-кан'а имѣютъ такое же значеніе въ шаманствѣ у алтайцевъ, какъ и дочери Каир-хан'а.

У черневыхъ алтайцевъ, живущихъ по лѣвому берегу р. Би, по при-токамъ си, изображенія предкамъ не дѣлаютъ. Въ аилахъ у нихъ встрѣчается только одно изображеніе Каным — двухглавый деревянный идолъ: одна голова — вверху, а другая — внизу. Идолычъкъ этотъ дѣлается изъ молодой березы, окрашивается красной краской. Величина его — полъ-аршина. Онъ прикрывается трлпочгой — (алтын тон).

¹ Въ текстѣ: Кѣк ади и Кѣгөді; Тајада и Таи-ада; жылан-баш и Јіланбаш.

По смыслу мистеріи, Каным — духъ-покровитель жилища, скота, звѣрей, и въ представленіи черневыхъ алтайцевъ имѣть такое же значеніе, какое у алтайцевъ закатунскихъ Курмуш.

Каным часто называется ала-Барс — пестрый тигрь. Это названіе присвоено рукояткѣ бубна черневыхъ алтайцевъ, которая имѣетъ совершенно такую же форму, т. е. двухголовая (аккі баштұ), только значительно большихъ размѣровъ (рис. 120).

Алкыш сѣс (благословеніе) Каным'у.

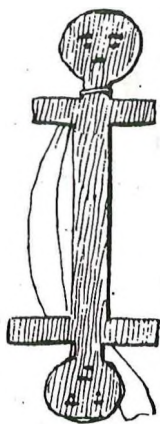
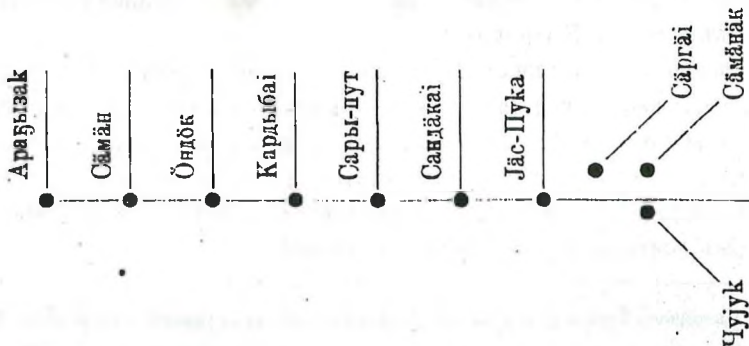

Рис. 120.

Алты кѣстұ ала-Барыс!	Шестиглазый пестрый Тигрь!
Јаттї кѣстұ јалә-Барыс!	Семиглазый јалә-Барыс!
Ўч ѳркѣштұ отка-каным,	Трехгорбый отка-каным,
Паї тйрәктә бадулұ,	Съ помѣщеніемъ богатой тополи,
Пала мѳркұт мунұттұ,	Їздишь на штенцѣ беркута,
Таї-јүрүчәк тајактұ,	Имѣешь посохъ изъ молодого кедра,
Талбаң курап јимәктұ.	Имѣешь пицу изъ лучшаго козла-самца.
Ўлған кызы ала-Барыс,	(Ты какъ) дочь Ўлған'я, пестрый Тигрь!
Аї канаттұ кара-куш-Кан,	(Ты) Ханъ-Кара-куш съ луновидными крыльями!
Каір-каның тобус кыс,	(Ты какъ) девять дочерей Каір-хана,
Јаттї кѣстұ јалә-Барыс!	Семиглазый јалә-Барыс!

Шаманъ Арауызак, 65 лѣтъ, сѣк Кәргіі, камлетъ только три года. Началъ камлать вслѣдствіе припадковъ, которые посылалъ на него шаманъ-предокъ Јас-Пука.

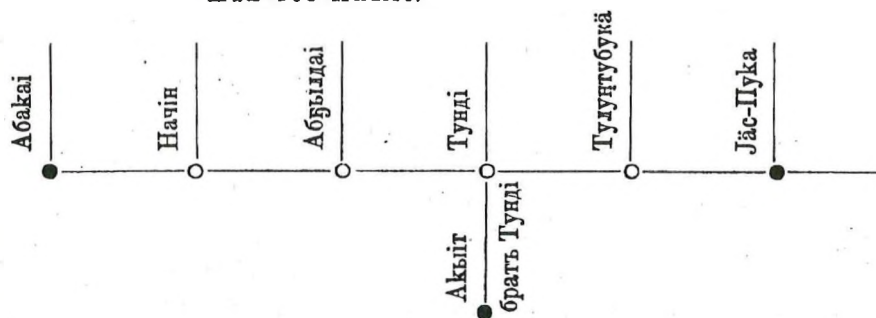
Шаманъ Арабызакъ — манжачный. Камлаеть:

- а) Таңары-Карчыт (сыну Ыгъан'я),
- б) Алтай-Сул Шакшал (горѣ),
- в) Кара-төс-Падыш-Кірай (сыну Эрлика),
- г) Кам-төс-Яс-Пука.

Р. Кара Турук.

Шаманъ Абакаі, сѣк Кйргіі, 41 г., началъ камлатъ 12-ти лѣтъ.
Безъ манжак'а.

Камлаеть: Таңары-Ыгъан'ю,
Алтай-Јазім-Бі,
Кара-төс-Маттыр,
Кам-төс-Акыт.

Въ аялѣ шамана Абакаі'я чалу шаманки Манжак, сѣк Сојон, съ Кымчик'а.

Чалу — ленточное съ бюстомъ человека въ срединѣ; внизу бюста — кольцо безъ значенія (рис. 121).

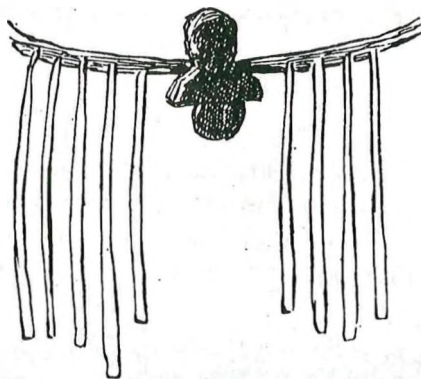

Рис. 121.

Тархан, шаманъ-предокъ.

Тархан-шамана въ давнее время увозили въ Китай. Тамъ за шаманство трижды отрубали ему голову, но она чудомъ прирастала къ туловищу. Народъ называлъ его за это Тархан-бб¹.

Рис. 122.

По возвращеніи изъ Китай на Тархан'а и другихъ шамановъ Алтаи снова воздвигнулъ гоненіе ойратскій чиновникъ. Онъ выстроилъ юрту изъ камыша, посадилъ въ нее шамановъ, въ томъ числѣ и Тархан'а, и поджегъ. Всѣ шаманы сгорѣли, только Тархан и Качі-шаманъ вылетѣли чрезъ отверстіе юрты и остались невредимы. Послѣ этого Тархан'у народъ далъ новое имя — Тостобош.

Чалу Тархан'а состоятъ изъ жгутовъ, на которые напизаны связки вырѣзокъ жеребятчихъ ушей (рис. 122). Вырѣзки каждый годъ пополняются новыми.

Ак-Жаизан.

Ак-Жаизан, предокъ, не шаманъ, сѣк Іркіт. Онъ велъ войну съ кыргызскимъ полководцемъ Кочкорбаіемъ. На устьѣ р. Мукур-Туяктѣ истребилъ много кыргызовъ. Послѣ смерти ему стали приносить въ жертву кочкоровъ², а за неимѣніемъ таковыхъ — домашнихъ барановъ; кромѣ того, при жертвоприношеніи ему дѣлаютъ фигуры кочкоровъ изъ тѣста и ставятъ ихъ на лиственницу, около которой всегда устраиваютъ ему жертвенникъ изъ четырехъ сошекъ съ навѣсомъ.

Рис. 123.

Въ представленіи шаманистовъ, Ак-Жаизан очень грозенъ. Онъ часто наводитъ бѣдствія на народъ въ томъ случаѣ, когда ему не приносятъ долго жертвъ. Отъ семействъ, которыя его чтятъ, скотъ не берутъ; скотъ у непочитающихъ его не плодится.

¹ бб — шаманъ (монг.).

² Кочкор — самецъ аргали (Радловъ, II, 616).

При жертвоприношеніи Ак-Јаізан'у дѣлають јалама изъ черныхъ и красныхъ тряпочекъ, нанизываютъ ихъ на конопляную веревку и привязываютъ кругомъ листовницы, у которой приносятъ ему жертву (рис. 123).

Ак-Јаізан часто принимаетъ на себя образъ человека-путника (на конѣ) и встрѣчаетъ другого путника на вершинахъ горъ около Обб¹, угощаетъ виномъ (аракы), а потомъ скрывается. Выпившій вино хвораетъ. Его тѣнь блуждаетъ по пространству отъ верховьевъ р. Чуи, Башкауса, Уймаона и по системамъ р. Песчаной, Семы и лѣвому берегу р. Катуня.

Шаманы-предки.

Адыјок, изъ кости Кѣргіі. Жилъ на берегу р. Катуня въ Аскатѣ, близъ Аноса. Со дня его смерти прошло 13 лѣтъ. Похороненъ на возвышенномъ мѣстѣ по р. Аскату. Его могила еще не утратила своего вида. Сохранился бубень на могилѣ. Братья его, мать и жена живутъ въ Аскатѣ.

При жизни шаманъ Адыјок отличался необычайною скромностью. По ночамъ въ горахъ и около аила слышится его камланіе. Его родственники, живущіе по р. Эликманару, сдѣлали ему тѣңурчакъ. Тѣңурчакъ по формѣ принадлежитъ къ разряду большихъ.

Шаманъ-предокъ Аіду, сѣк Сојоң; жилъ по р. Ашіјакту — лѣвый притокъ р. Катуня. Чалу его — тѣңурчакъ — большой.

Шаманъ-предокъ Кѣзѣрѣк, изъ кости Јарык. Тѣңурчакъ — большой.

Предокъ-шаманъ Кам-күрмис. Тѣңурчакъ — средний (рис. 124; сравн. рис. 108-а).

Шаманъ-предокъ Пѣрѣгѣш, изъ кости Кѣргіі. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, къ удивленію своей матери, ночью снелѣннзый повернулся такъ, что ноги его оказались въ головной части люльки, а голова — тамъ, гдѣ ноги. Тѣңурчакъ — средний.

Шаманъ-предокъ Татѣк. Тѣңурчакъ — средний.

Шаманъ-предокъ Кѣтѣјок, изъ кости Мундус. Тѣңурчакъ — средний.

Сары-ханъ — горный духъ черневыхъ алтайцевъ. Чалу его — желтая матерія, квадратная; величина стороны — одинъ локоть.

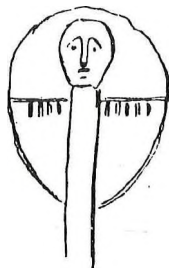

Рис. 124.

¹ Обб — курганы; особенно называются такъ кучи камней на горныхъ проходахъ, образующіяся изъ камней, которые каждый проходившій кладетъ въ честь горнаго духа въ знакъ благодарности за счастливый путь (Гадлоу, Словарь, I, 1159). Ред.

Сары-ханъ посылаетъ юговосточные вѣтры (верховка). Когда дуютъ въ Алтаѣ юговосточные вѣтры, то бываетъ продолжительное ненастье. Алтайцы ненастье ставятъ въ зависимость отъ силы Сары-хана.

Изображеніе Сары-хана ставится въ юртѣ при входѣ около двери на женской сторонѣ.

Аскачь. Лѣвый берегъ р. Катунь.
Августъ, 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отъ Редакціи.

Предисловіе С. Е. Малова. I—VII

I. О духахъ и божествахъ 1—17

А. Кара тѣс — черные духи. 1—9

Эрликъ. 1—4. Сыновья Эрлика и управляемые ими злые духи (jāk аза, алдачы, албыс и др.). 4—8. Дочери Эрлика. 8—9.

В. Арū тѣс — чистые духи 9—17

Уlgан. 9—12. Сыновья Уlgан'я. 12. Дочери Уlgан'я. 12. Јајык — духъ-посредникъ. 12—13. Суіла. 13—14. Карлык. 14. Уткучы. 14. Духи земли, или горные духи. 14—17.

II. Мифы о сотвореніи земли и человѣка 17—19

III. О душахъ, духахъ умершихъ и шаманахъ 19—31

Душа человѣка. 19—20. Смерть человѣка. Поминки. 20—21. Кѣрмѣс — душа умершаго шамана. 21—31.

IV. О жертвоприношеніяхъ кѣрмѣсамъ 31—32

V. Одежда и другія принадлежности шамановъ. 33—65

1) Шаманскій кафтанъ — манјак. 33—46

Общія свѣдѣнія. 33—39. Перечень частей. 39—40. Спинная часть. 40—41. Поясъ курдак. 41—42. Нижняя часть. 42—43. Боковые принадлежности. 43—45. Набедренныя принадлежности. 45. Плеченныя принадлежности. 46. Передняя часть. 46.

2) Шапка пѣрүк 46—49

Манјачнал и халитнал шапка. 46—47. Части манјачной шапки. 48—49.

3) Шаманскій бубень. 49—65

Общія свѣдѣнія. 49—52. Части бубна. Останъ. 52. Внутренняя часть. 53—54. Ободъ. 54—55. Рисунки на бубнѣ. 55—62. Орбу (коло-тушка). 62.

VI. Камланія (тексты съ переводомъ) 65—107

I. Шаманъ Политопт. 65—84

Призываніе кривыхъ духовъ. 66—69. Молитва Каршыт'у и другимъ духамъ. 69—72. Молитва, читаемая при выходѣ изъ юрты и около жертвенной лошади. 72—73. Отправленіе къ Богу жертвеннаго животного (его души). 73—74. Средній Сүргакъ; прошеніе на

Сургак'ѣ Богу; позвященіе шамана на гусѣ съ Сургак'а. 74—77. Обращеніе къ духамъ арү-пәмъ. 77. Утреннее служеніе «устугу». Около жертвенника; удушеніе животного. 77—78. Моленія при жертвенникѣ, совершаемыя при приношеніи «аракы» прѣблизими на устугу. 78—80. Вечерняя мистерія Алтая. 80—84.

II. Шаманъ Мамыйй 84—107

Мистерія Эрлику. 84—91. Мистерія Алтая — Чапты-хану. 91—98.

Мистерія сыну Улган'и Каршыт'у. 98—107.

VII. Родословная алтайскихъ шамановъ и шаманокъ и ихъ обоготворенные предки 108—148

Курту-арт, лѣвый притокъ Катуня; шаманъ Кадямі. 108. Ак-аіры, лѣвый притокъ Катуня; шаманъ Пачыяк. 108—109. Шаманка Сандан. 109—110. Шаманъ Ондіак. 110—111. Качі-кам и др. 111—112. Чічка-чаргы, притокъ р. Семы; шаманы Пу-пылаң и Калпас. 112—113. Вершина Амоса, лѣв. притока Катуня; шаманка Сата, шаманъ Мацзыр. 114—117. Р. Кујум; шаманы Акыт, Сапсыр, Моштоі, Болтоі и Саңызак. 118—124. Р. Чічка-чаргы, притокъ р. Семы; шаманы Таштаң, Баді, Жымалы, Бі-Чакыр, Жарбычак, Каірык, Шаңаі, Чабаш, Тостобаш. 124—130. Вершина р. Эликманара; шаманы Мотко-чок, Бокла, Отустоі, шаманка Канъ, шаманъ Суртайш, Пылас. 130—132. Вершина р. Кујум'а; шаманы Каншагаі, Уіуп. 133—134. Вершина Маймы, Куртүкді; шаманъ Сапыр. 134—135. Р. Майма; шаманы Чодур, Јаор, Тартык-көс, Сумбаја. 136—137. Р. Чічка; шаманы Мама, Бакыш, шаманки Аккі и Кадыл. 137—139. Р. Пайш-пайтір; шаманка Бардам, шаманы Полустоп, Чујук, Көк-Өіс. 139—142. Р. Чолоп; шаманы Балаңді и Куібадак. 142—143. Каным (духъ покровитель у черневыхъ алтайцевъ). 143—144. Шаманъ Арабылак. 144—145. Р. Кара Турук; шаманы Абаккі, Тархан. 145—146. Духъ-предокъ Ак-Јаізан. 146—147. Шаманы-предки. 148. Горный духъ Сары-ханъ. 148.

Опечатки и погрѣшности.

Опечатки и погрѣшности.

Страни.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
3	4 св.	tölüzі	tölüzі
3	5 св.	kān	kān
6	1 св.	У тебя	У него
8	4 св.	Jälğär	Jälğäk
10	13 св.	Kirbiktudū	Kirbiktudū
10	14 св.	Aıǵыр	Aıǵыр
11	3 св.	аҗаҗты	аҗашты
12	4 св.	Каршыт,	Каршыт,
19	7 св.	Ulgān	Ūlgān
19	2 св.	ула	јула
28	14 св.	знакъ вопросительный при словѣ ūrsū — выбро- сить; сравн. эрюсь — мясной наваръ, бульонъ (Алт. инородцы, В. И. Вербяцкаго, стр. 51; Радловъ. Опытъ Словаря... I, 775; ūrsū < йрус + ū (его наваръ).	
32	11 св.	сускū	сускū
44	7 св.	jäk'a	jäk'a
44	12 св.	kös	kös
45	2 св.	äki	äki
48	13 св.	köstün	köstün
54	1 св.	Съ	Къ
65	2 св.	V.	VI.
66	12 св.	аҗакту	аҗактū
66	15 св.	kirbäitgān	kirbäitgān
68	12 св.	ползои	ползоп
70	3 св.	tizilgān	tizilgān
70	Въ концѣ страницы (въ переводѣ) слово Ūч вездѣ замѣнить числительнымъ — три.		
71	10 св. (текстъ)	къ переводу этой строки сравн. переводъ 4 строки снизу на стр. 30.	
74	2 св.	Нашей головѣ	Нашей сѣдѣющей головѣ
		Въ текстѣ уничтожить знакъ вопроса.	

Стран.	Строка.	Напечатано:	Олуду' нг :
84	9 св. (перев.)	громаишь	гремишь
89	7 св. (текстъ)	ӕрзӕ	пӕрзӕ
91	внизу	I.	II.
91	6 св. (текстъ)	Ӕрліктӕн	Ӕрліктӕң
95	15 св. (текстъ)	Агартуду	Агартуду
102	3 св.	Јалабалу	Јалабалу
102	5 св.	олнок	олнок
109	2 св.	Арлік'у	Ӕрлік'у
110	7 св.	Абу-кан	Абӯ-кан
113	8 св.	Ӕркӕнду	Ӕркӕнду
127		Абу-кан	Абӯ-кан
148	вверху	— 248 —	— 148 —

А. В. АНОХИН

Материалы
по шаманству у алтайцев

Редактор В. Кыдыева
Макет и оформление Л. Кравцова
Корректор О. Андреева
Подписано в печать 15.08.94 г.
Формат 70х100/16.
Тираж 1000 экз.
Заказ 4971.

Горно-Алтайская типография, 659700
г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

